

Александр Широкоград

Друзья и Враги России

АНГЛИЯ

**НИ ВОЙНЫ,
НИ МИРА**

Друзья и враги России

Александр Широкоград

Англия. Ни войны, ни мира

«ВЕЧЕ»

2009

Широкорад А. Б.

Англия. Ни войны, ни мира / А. Б. Широкорад — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Друзья и враги России)

ISBN 978-5-4484-7341-8

Россия и Англия настолько географически далеки, что первые пятнадцать веков новой эры практически ничего не знали друг о друге. Казалось бы, две великие державы могли состоять если не в дружественных, то в нейтральных отношениях. Англия ни разу не вела полномасштабной войны против России сама, но тайная война между двумя великими державами не прекращалась никогда. Почему Лондон всегда был так недружественен в отношении к России – царской, советской и демократической? Об этом и многом другом рассказано в новой книге историка А. Б. Широкорада.

ISBN 978-5-4484-7341-8

© Широкорад А. Б., 2009
© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Глава 1. Принцесса Гита и епископ Томас	6
Глава 2. Как Ричард Ченслер по пути в Индию открыл... Россию	9
Глава 3. Британский вектор в Северной войне	18
Глава 4. Авантюра Герца и Ништадтский мир	30
Глава 5. От Северной войны к Семилетней	40
Глава 6. Дипломатия Екатерины Великой	50
Глава 7. Как Лондон втянул Петербург в войну с Парижем	59
Глава 8. Как царь Александр стал пешкой в большой игре Лондона	67
Глава 9. Война и мир 1815–1853 годов	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Широкоград
Англия

Ни войны, ни мира

© Широкоград А. Б., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1. Принцесса Гита и епископ Томас

Первое знакомство англичан с русскими состоялось почти тысячу лет назад, где-то в 1074 г., когда смоленский князь, а впоследствии великий князь киевский Владимир Мономах женился на Гите – дочери последнего англосаксонского короля Гаральда II, в 1066 г. павшего в битве с норманнами при Гастингсе.

Стоит заметить, что династические браки у русских князей Рюриковичей в конце X – XI веков были не исключением, а нормой. Так, прадед Мономаха Владимир I Красное Солнышко в 988 г. женился на Анне – сестре византийского императора Василия II. А его сыновья Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый женились на дочерях королей польского Болеслава I Храброго и шведского Олафа I.

Почти все дети Ярослава Мудрого вступили в династические браки с королевскими домами Европы. Дочери Анна, Елизавета и Анастасия, соответственно, стали женами королей французского Генриха I, норвежского Харальда и венгерского Андрея I. Сын Изяслав женился на Гертруде – сестре польского короля Казимира I, а Всеволод – на Анне, дочери византийского царевича Константина Мономаха.

У Всеволода и Анны родился Владимир Мономах, ну а от последнего и Гиты пошли великие князья киевские, а от них – великие князья владимирские и московские.

Увы, к середине XII века все династические браки и культурные связи Руси не только с Англией, но и со всей Западной Европой прекращаются, а торговля резко сокращается. Что же произошло?

В относительно неплохо складывавшиеся отношения Руси и Европы вмешался Рим. Папа и кардиналы в течение 1000 лет подстрекали европейские государства к борьбе с Русью. Из-за чего? Разница в обрядах западной и восточной церквей невелика, и римские папы охотно разрешают униатам исполнять православные обряды. Главным же камнем преткновения между католиками и православными встал вопрос подчинения римским папам и выплаты денег.

В 1054 г. византийский император Константин Мономах решил уладить трения между церквями и пригласил в Константинополь папских легатов во главе с кардиналом Гумбертом. Однако вместо того, чтобы попытаться прийти к компромиссу, согласно желанию императора, Гумберт со товарищи 15 июля вошли в храм Святой Софии и бросили на главный престол грамоту о предании анафеме византийского патриарха Михаила Керуллария и других православных патриархов.

Затем в присутствии императора папские легаты громко заявили: «Кто упорно станет противиться вере святого римского и апостольского престола, да будет анафема, да будет анафема, маранафа»¹.

Самое любопытное, что Гумберт и компания действовали не по указанию папы, а по собственному усмотрению. Дело в том, что папа Лев IX еще с сентября 1053 г. и по март 1054 г. находился в Беневенте как пленник норманнов, затем, освободившись, умер 19 апреля 1054 г., то есть за два месяца до окончательного разрыва.

Именно Рим стал идейным вдохновителем и организатором крестовых походов на Восток против славян, литовцев, финнов, карелов и других народов.

Вот характерные высказывания католических иерархов в середине 40-х годов XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернару Клервоскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернар будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истиной религии. Не разумея, что вне католической

¹ То есть да будет отлучен и погибнет в пришествие Господне.

церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни в Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей “проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить” ересь “на Руси, которая – словно другой мир”»².

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей Второго крестового похода 1147 года.

В 1202 г. по призыву папы Иннокентия III начался Четвертый крестовый поход, целью которого был Египет. Однако вместо борьбы с неверными крестоносцы напали на Константинополь – «второй Рим», тогдашний центр православия. 12 апреля 1204 г. Константинополь подвергся невиданным в истории грабёжам: «...ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем»³.

Замечу, что даже татаро-монголы щадили православные храмы. Разгром «второго Рима» вызвал негодование князей, попов, да и простых горожан на Руси. Все понимали, что ждет русские города в случае прихода крестоносцев.

В 1221 г. папа Гонорий III шлет послание упальскому епископу Томасу, в котором строго запрещает всем католикам продавать русским и финским племенам оружие, железо, лошадей и даже дерево. Ослушникам Гонорий грозил отлучением от церкви.

Любопытно, что Томас – англичанин из ордена доминиканцев. С 1220 по 1245 г. делом жизни Томаса становится организация крестовых походов против русских и карел.

В начале лета 1240 г. шведская флотилия вошла в устье Невы и у впадения в нее реки Ижоры высадила десант. Дальнейшее хорошо известно. 15 июня шведов атаковала дружина князя Александра Ярославича вместе с дружиной ладожан и отрядом ижоры (вассалов Новгорода). С наступлением темноты большая часть шведских судов ушла вниз по течению Невы, а часть была захвачена русскими. По приказу Александра два трофейных шнека были загружены телами убитых, и их пустили по течению в море, и «потопиша в море», а остальных убитых шведов, «ископавши яму, вметавша их в ню без числа».

Согласно житию святого Александра Невского, князь лично ранил копьем в лицо предводителя шведов. Первоначально считалось, что это был сам фактический правитель Швеции ярл Биргер.

В XX веке ряд историков высказали сомнение в том, что предводителем шведов был именно ярл Биргер. Ни русские летописи, ни «Житие Александра Невского» не называют имени шведского предводителя. Полтора столетия назад один из основателей финской исторической науки Гавриил Рейн высказал мнение, что, поскольку в Новгородской летописи упоминаются находившиеся в составе шведского войска «бискупы» (епископы), здесь подразумевался руководивший тогда шведской колонией в Финляндии энергичный и решительный епископ Томас. С тех пор и до первых десятилетий XX века это мнение прочно вошло в финскую науку, где Невский поход 1240 г. стали называть «походом епископа Томаса»⁴.

² Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

³ Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году // Изборник. (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 287.

⁴ Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1839.

Это, кстати, косвенно подтверждается и русской летописью: «И был убит воевода их именем Спиридон⁵, а другие говорят, что и епископ был убит тут же».

Сергей Порохов по сему поводу заметил: «Еще не существовало ни России, ни Великобритании, а в символическом поединке уже сошлись русский князь Александр Невский и английский епископ Томас. Первый крестовый поход Запада на Русь возглавил завоеватель в рясе проповедника. А отразил этот поход воин, ставший судьбоносным святым Земли Русской. И это символично!»⁶.

⁵ Кто таковой «воевода Спиридон» – установить не удалось. Во всяком случае, воеводы с таким именем у шведов быть не могло.

⁶ Порохов С. Битва империй: Англия против России. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. С. 5.

Глава 2. Как Ричард Ченслер по пути в Индию открыл... Россию

Конец XV века стал началом эпохи Великих географических открытий. Европейцы открыли для себя огромный мир. В 1486 г. португальский мореплаватель Бартоломео Диас впервые обогнул Африку. Он прошел мыс Доброй Надежды и, убедившись, что дальше берег имеет северо-восточное направление, отправился обратно. В октябре 1492 г. каравеллы Колумба достигли Багамских островов.

Чтобы избежать конфликта Испании и Португалии, при посредничестве римского папы в 1494 г. в испанском городе Тордесилье (Тордесильясе) было заключено соглашение о... разделе мира. От полюса до полюса была проведена черта (приблизительно по 30-му меридиану к западу от Ферро), и все вновь открытые области к западу от этой черты должны были принадлежать испанцам, а к востоку – португальцам. Обе стороны не имели права даже вести торговлю в «чужой зоне». Разграничение было проведено только по Атлантическому океану, что и привело позднее к столкновению, когда испанцы, подойдя с востока, а португальцы – с запада, встретились на Молуккских островах. Разграничительная линия на Тихом океане была установлена лишь Сарагосским договором 1529 года.

В последующие 50 лет Испания и Португалия направили в свои «сферы влияния» десятки экспедиций, в которые входили сотни кораблей. Как испанцы, так и португальцы беспощадно топили суда других стран, застигнутые у берегов Америки, Африки и Индии.

Поэтому Англия, Голландия, Франция и другие страны параллельно с экспедициями в южные моря приступили к поискам альтернативных путей в Индию и Китай через полярные моря. Эти пути им казались более короткими и безопасными от нападений испанских и португальских кораблей. Кроме того, на севере можно было купить, добыть или отнять у туземцев неограниченное количество дорогостоящих шкур диковинных зверей. Наконец, шведы и поляки с XIV века вели экономическую блокаду Руси, не допуская туда английских и голландских купцов, и северный путь был единственным для их свободной торговли.

В XVI веке английские и голландские мореплаватели предприняли несколько экспедиций, чтобы найти Северо-восточный (вокруг Сибири) и Северо-западный (вокруг Канады) проходы и получить выход в Тихий океан.

В начале 1553 г. в Англии была создана купеческая компания «Общество купцов, искателей стран и владений, неизвестных и доселе непосещаемых морским путем» специально для открытия Северо-восточного прохода. Ее возглавил знаменитый путешественник Себастьян Кабот, получивший титул «Великого штурмана Англии».

Каждый член компании должен был внести пай в 25 фунтов стерлингов. Так было собрано 6 тысяч фунтов.

В том же году компания снарядила три корабля: «*Bona Esperanza*» («Добрая Надежда») водоизмещением в 120 тонн, «*Eduard Bonaventura*» («Эдвард Удалец») в 160 тонн и «*Bona Confidentia*» («Благое Упование») в 90 тонн. Начальник всей экспедиции и первого корабля был Гуг Виллоуби; вторым кораблем командовал капитан Ченслер, а третьим – Дурфорт. Они вышли из Ратклифа 20 мая 1553 г.

Вскоре эскадру застала буря, разделившая корабли. Адмирал Виллоуби и Дурфорт далее шли отдельно. Виллоуби удалось открыть землю на широте 72°. Не будучи в состоянии пристать к ней из-за льда и мелководья, он возвратился к западу и зашел на берег Лапландии в небольшую гавань при устье речки Арзина (*Arzina*), где и остался зимовать по причине позднего уже времени года. Несколько раз Виллоуби отряжал людей внутрь земли в разных направлениях, но не находил ни обитателей, ни следов жилья. В конце концов, от холода или голода,

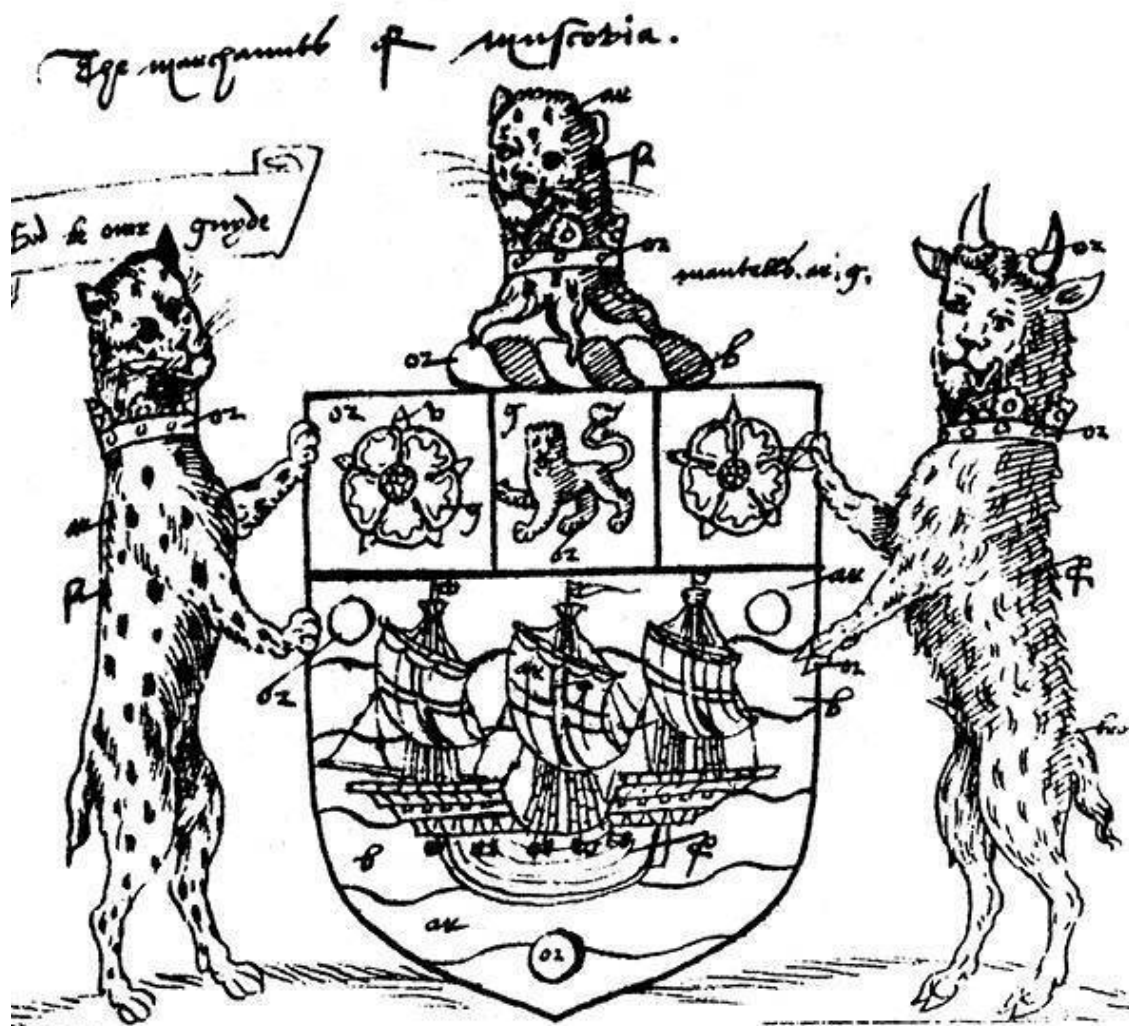
или от обеих причин вместе, адмирал и 70 членов экипажей судов погибли. Их тела были найдены на следующую весну лопарями. Снаряжение и товары с обоих судов были доставлены в Холмогоры и по повелению царя Ивана Грозного возвращены англичанам.

Капитан Ченслер, укрывшись после разлуки с адмиралом в Вардгоусе, ждал его тщетно семь дней. Поплыв опять к востоку, он вошел в Белое море и прибыл, наконец, в западное устье реки Двины, к Никольскому монастырю. Этим положено было начало торговли России с Англией.

Ричард Ченслер без разрешения местных воевод отправился в Москву, где был принят Иваном Грозным. Ченслер вручил царю грамоту короля Эдуарда VI и получил соответствующую грамоту от Ивана IV.

Возвращение Ченслера в Англию стало сенсацией. И власти, и купцы были крайне заинтересованы в торговле с Россией. Для этого в Англии даже была создана Московская компания. 6 февраля 1555 г. королева Мария выдала компании хартию на монопольную торговлю с Россией. Во главе компании находился Совет из двух управляющих, одним из которых стал Себастьян Кабот. Кстати, сия компания просуществовала в Англии до 1917 г.

В навигацию 1555 г. Ченслер вновь отправился в Россию на корабле «Благое предприятие». Ченслер и еще два представителя компании прибыли в Москву, где их снова милостиво принял Иван Грозный. Англичанам вручили царскую грамоту, дававшую им право на беспопылинную торговлю с Россией, а также ряд других привилегий.

Герб Московской компании в английской рукописи XVI века

В обратный путь Ченслер взял с собой русского посла Осипа Григорьевича Непею, а тот – груз воска, тюленьего жира, сала, мехов, войлоков и канатной пряжи общей стоимостью 20 тыс. фунтов стерлингов, то есть на 200 тыс. рублей по тогдашнему курсу валют.

У берегов Шотландии корабль «Благое предприятие» попал в страшную бурю. Ченслер погиб, а Непея спасся и достиг Лондона, где с большим почетом был принят королевой и правлением Московской компании. Королева Мария в благодарность за льготы, данные англичанам в Московском государстве, дала и русским купцам право свободно и беспошлинно торговать во всех своих владениях как оптом, так и в розницу. Королева обещала взять все имущество русских купцов под свое особенное покровительство и выделить им под склады в Лондоне хорошие дома. Мария также согласилась на свободный выезд из Англии в Россию художников и ремесленников, и Непея сразу же вывез многих мастеров, медиков, рудознатцев и других специалистов.

Обратно Непея плыл на английском корабле. 12 мая 1557 г. он покинул «туманный Альбион», а уже 13 июля корабль бросил якорь в заливе Святого Николая. Через два дня после отъезда Непеи в Россию повел свое судно Антон Дженкинсон, который прибыл в Россию 14 июля 1557 г. С этого времени британские суда почти ежегодно прибывали на Русский Север.

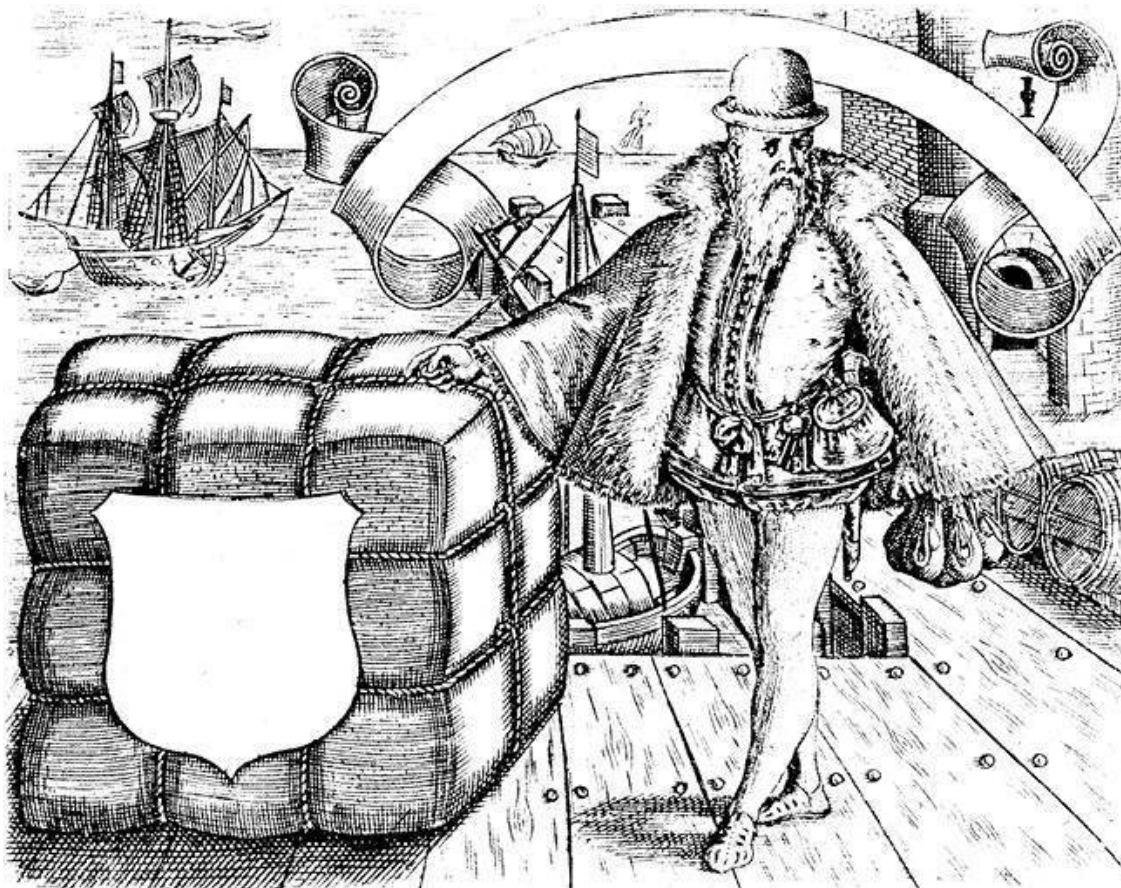
Московская компания, начавшая с капитала в 6000 фунтов стерлингов в 1555 г., быстро богатела. В 1564 г. ее капитал достиг 40 тысяч фунтов стерлингов, а в 1585 г. – уже 80 тысяч фунтов стерлингов. Компания приобретала недвижимость – дома, фактории, лавки. На так называемом Розовом Острове напротив Николаевского Корельского монастыря она купила дом, где останавливались приезжавшие из Англии. В Холмогорах, по отчету Томаса Рандольфа 1568–1569 гг., «...англичане имеют свою собственную землю, пожалованную царем, и много хороших домов с конторами для собственного удобства». Дженкинсон в отчете 1569 г. Совету Компании пишет, что он 21 февраля «прибыл в наш дом, в Вологде». П. Челищев в своем «Путешествии по северу России 1791 г.» отмечает, что в 1623 г. в Архангельске было 7 иностранных хозяев домов, в 1678 г. – 24.

Еще в 1556 г. царь Иван пожаловал английским купцам «Юшков двор у Максима святого за торгом». Большие трехэтажные каменные хоромы были построены в конце XV века богатым купцом Иваном Дмитриевичем Бобрищевым по прозвищу Юшка. К 1551 г. дом уже числился в царской казне. Кроме того, англичанам было передано и еще несколько деревянных строений.

Юшков двор стал главным офисом Московской компании. Там же останавливались и британские послы.

Иван Грозный постоянно покровительствовал англичанам и даже среди бояр получил название «аглинский царь». Это покровительство ярко проглядывается в привилегиях, которые получала от него Московская компания с первых шагов своего существования и своих операций в России. В 1564 г. царем управляющему Компанией Вильяму Гаррарду была выдана привилегия, подтверждающая прежние права по вольной торговле и дающая разрешение на покупку домов в Вологде и Холмогорах: «...а такова грамота аглинским купцам дана в лето 7072 Сувельяну Гаруту (то есть сэру Вильяму Гаррарду) с товарищи». В 1569 г. грамота дает право беспошлинной торговли, право свободного проезда в Персию, разрешение искать на реке Вычегде железную руду и построить для обработки ее завод, причем в пользование Компании отводится большой участок леса. Железо разрешается вывозить за границу, уплачивая в пошлину деньги с одного фунта стерлингов.

Царь Федор Иванович продолжил торговую политику своего отца, закрепив за Компанией на Севере пять пристаней: Корельское пристанище, пристани на реке Печенге, реке Варзуге, реке Мезени и реке Шуме. Корельское пристанище – это, видимо, и есть тот Розовый остров против Николаевского Корельского монастыря, где, по словам Дж. Традесканта, «росли дамасцены и красные розы, фиалки и дикий розмарин и где был сосновый и березовый бор».

Западноевропейский купец. Середина XVI века

Кроме права беспошлинной торговли государева жалованная грамота от 20 июня 1569 г. давала англичанам еще одно немаловажное преимущество: повелевала англичанам быть под ведомством опричнины и не иметь никакой зависимости от земщины.

В связи с этими основными правами, предоставленными Московской компании, царь по просьбе Еремея Бауса уважил в 1583 г. еще и следующее ходатайство: запрещение всем другим иностранцам, кроме англичан, дальнейшей торговли на Севере России; проезд и торговля по всем северным берегам и землям от Вардгууса до реки Оби дозволены одним англичанам. Помимо этих важнейших привилегий царь велел уплатить англичанам 500 марок, которые были взяты в царскую казну за 10 лет до приезда Еремея Бауса, как аренда за двор купцов в Вологде.

Удовлетворялись и другие просьбы англичан. Так, Антон Дженкинсон в 1571 г. ходатайствовал перед царем: «Дабы угодно было Его Величеству соизволить, чтобы С. У. Гаррет с товарищи могли устроить торговый дом в Холмогорах на Двине, чтобы подданные Его Величества, торгующие с нашими купцами, свозили свои товары в Холмогоры».

Вскоре у англичан появились конкуренты. Первый голландский корабль пришел в Двину в 1577 г. под начальством Джилеса Гофмана, первый французский под управлением Жана Соважа – в 1586 г., когда английская торговля уже утвердилась на берегах Белого моря и в Москве. Французы не представляли серьезной конкуренции англичанам. Другое дело – голландцы, которые продавали сукно, хотя и худшего качества, но зато дешевле английского. Острая конкурентная борьба английских и голландских купцов в России будет продолжаться еще полтора столетия.

Путь из варяг в греки

Возникает вполне естественный вопрос: а почему англичане, французы и голландцы открыли Россию лишь во второй половине XVI века и добирались столь длинным и опасным путем вокруг Скандинавского полуострова? Ведь в VIII–XII веках существовал Великий Волжский путь, по которому ежегодно десятки караванов судов шли из Каспийского моря в Балтийское и Северное моря. Из Волги на Балтику суда попадали через три системы волоков. Первые две системы, по которым суда проходили на Неву и Западную Двину, хорошо известны историкам. Но была и третья система волоков – через Чудское озеро и реки Эмба (Эмайги), Навести и Пяру.

О громадном объеме торговли Северной Европы с мусульманским Востоком свидетельствуют десятки тысяч арабских монет VIII–X веков, которые находили по всей Европе, в том числе и в Англии. Так, к примеру, не столь давно у города Харрагит (Северная Англия) в свинцовом ларце был найден большой клад арабских монет IX–XI веков.

Как видим, Европа несколько веков успешно торговала с арабами, персами, индусами и даже китайцами через внутренние водные пути России. Однако иерархи Рима создали санитарный барьер в виде Швеции и Польши на пути в Россию. На юге турецкие султаны, равно как и арабские султаны, и монгольские ханы покровительствовали международной торговле. Но между Турцией и Россией встало Крымское ханство. Крымские татары превратили плодородные земли на юге России от Дуная до Волги в огромное Дикое поле. Отряды татар грабили проезжих купцов. В противовес татарам возникли гособразованья донских и запорожских казаков. Казаки вели беспощадную войну с татарами и тоже грабили проезжих купцов.

Итак, из-за политики римских пап, а также шведских и польских королей вся Европа была отрезана не только от России, но и от многих восточных стран.

По сему поводу Карл Маркс писал: «Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устье Невы, этого единственного выхода для продукции северной России, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников... прибалтийские провинции по самому своему географическому положению являются естественным добавлением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними»⁷.

Замечу, что Маркс не только автор «Капитала», но и отъявленный русофоб, проклинавший русских царей, что дает нам право считать его оценку весьма объективной.

К сожалению, правящие круги Британии, с одной стороны, покровительствовали северной торговле с Россией, но с другой – всячески противились попыткам русских царей выйти на берега Балтийского и Черного морей.

В 1569 г. Иван Грозный отправил королеве Елизавете послание с предложением союза. Царь «просил королеву соединиться с ним заодно против поляков и запретить своему народу торговать с подданными короля польского. Царь просил, чтоб королева позволила приезжать к нему мастеровым, умеющим строить корабли и управлять ими, позволила вывозить из Англии в Россию всякого рода артиллерию и вещи, необходимые для войны. Царь просил убедительно, чтобы между ним и королевою учинено было клятвенное обещание такого рода: если бы кто-нибудь из них по несчастию принужден был оставить свою землю, то имеет право приехать в сторону другого для спасения своей жизни, будет принят с почетом и может жить там без страха и опасности, пока беда минует и Бог переменит дела. Это обязательство должно храниться в величайшей тайне.

Елизавете, разумеется, не было никакой выгоды входить в такой тесный союз с царем и втягиваться в его войну с соседями; она длила время и наконец отвечала уклончиво и неопределенно, что не будет позволять, чтоб какое-нибудь лицо или государь вредили Иоанну или его владениям, не будет позволять этого в той мере, как по возможности или справедливости ей можно будет благоразумно этому воспрепятствовать; но против общих врагов обязывалась действовать оборонительно и наступательно. Принятие царя и семейства его в Англии и содержание с почетом было обещано.

Иоанн рассердился и велел написать Елизавете грамоту (в октябре 1570 года): «Ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делах. И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести

⁷ Marx K. Secret Diplomatic History of the 18-th century. London, 1899. P. 87.

смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобой делать. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах и о честях и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая [обыкновенная] девица. И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибыток, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государство покамест без английских товаров не скудно было. А грамоту в еси, которую есмь к тебе послали о торговом деле [льготная грамота английским купцам], прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлешь, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмь давали о торговых делах по сей день, не в грамоты”»⁸.

В угоду «торговым мужикам» Елизавета отправила в Россию купца Дженкинсона с грамотой, в которой всячески изворачивалась и льстила самолюбию Ивана. Царь смягчился и возвратил англичанам прежние льготы, хотя и не все.

Елизавета по просьбе царя прислала к нему медика Роберта Якоба, аптекарей и цирюльников. Иван поинтересовался у Якоба, нет ли в Англии для него невесты. Якоб предложил кандидатуру Марии Гастингс, дочери графа Гонтингдона, которая приходилась королеве племянницей по матери. Любопытно, что расспросить медика о «девке», как тогда выражались, царь поручил Богдану Бельскому и брату своей жены Афанасию Нагому.

В августе 1572 г. в Англию отправился дворянин Федор Писемский с наказом договориться о союзе России с Англией против Польши и начать дело о сватовстве. Он должен был сказать Елизавете от имени Ивана: «Ты бы сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показать велела и парсону [портрет] в ее к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою королевною то дело станем делать, как будет пригоже».

Царь поручил Писемскому взять портрет невесты и меру ее роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли она, бела или смугла, узнать, сколько ей лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья и сестры. Если скажут, что Иван женат, то ответить так: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою оставя, сговорит за королевину племянницу».

Писемскому поручалось передать, что Мария должна принять греческую веру. То же царь требовал и от бояр и боярынь, которые приедут с невестой и захотят остаться при дворе. Кто откажется креститься, тем при дворе жить будет нельзя. «Им вольно жить у государя в его жалованьи: только некрещеным жить у государя и у государыни на дворе ни в каких чинах непригоже».

Также посол должен был объявить, что наследником будет царевич Федор, а детям, которых родит Мария, будут даны уделы.

4 ноября 1572 г. состоялась аудиенция в Виндзоре. На речь Писемского Елизавета ответила с улыбкой: «Я брата своего и вашего государя братской любви и приязни рада и желаю, чтобы велел Бог мне брата своего, вашего государя, в очи видеть».

Посол сказал на это: «У нашего государя со многими царями и королями ссылка, а ни с одним такой любви нет, как с тобою, ты у него сестра любительная и любит он тебя не словом, а всею душою, вправду».

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. М., Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 674–675.

Елизавета отвечала: «Я брату своему на его любви челом бью, рада быть с ним в братской любви и докончании и на всех недругов стоять заодно. Земля ваша Русская и государство Московское по-старому ли и нет ли в вашем государстве между людьми какой шатости [волнения]?»

Писемский: «Земля наша и государство Московское, дал Бог, по-старому, а люди у государя нашего в его твердой руке. В которых людях была шатость, и те, вины своя узнав, били государю челом, просили милости. Государь им свою милость показал, и теперь все люди государю служат прямо, а государь их жалует».

Елизавета спросила у посла, понравилась ли ему Английская земля, на что тот ответил: «Земля Английская очень людна и угожа и всем изобильна».

На следующей аудиенции у королевы Писемский вновь поднял вопрос о сватовстве, на что Елизавета ответила: «Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве. Но я слышала, что государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива, и государь ваш навряд ее полюбит. Я государю вашему челом бью, что, любя меня, хочет быть со мною в свойстве, но мне стыдно списать портрет с племянницы и послать его к царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямоватое. Как она теперь есть, нельзя с нее списывать портрета, хотя давай мне богатства всего света».

Тогда Писемский согласил подождать несколько месяцев, пока Мария совсем не поправится. А тем временем до Англии дошли слухи, что царица Мария Нагая родила сына Димитрия. Писемский объявил королевским министрам, что это лишь вздорные слухи и чтоб Елизавета им не верила. Мол, злые люди специально хотят посорить королеву с царем.

В мае 1583 г. наконец-то царскому послу показали невесту, гуляющей в саду, что бы тот смог как следует ее рассмотреть. После чего Писемский доложил Ивану, что Мария Гастингс ростом высока, тонка, лицом бела. Глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные.

После «смотрин» Елизавета опять повторила Писемскому: «Думаю, что государь ваш племянницы моей не полюбит, да и тебе, я думаю, она не понравилась?» Но посол возразил: «Мне показалось, что племянница твоя красива. А ведь дело это становится судом Божиим».

В конце концов, сватовство царя не состоялось, а взаимоотношения с Англией остались на прежнем уровне.

Следует заметить, что к моменту «открытия» Ченслером России Англия была не совсем католической страной и вышла из-под «окормления» (власти) римских пап. Засилье пап как в религиозном, так и в политическом отношениях возмущало к началу XVI века значительную часть населения и правящих классов многих стран Европы – Германии, Франции, Швеции, Голландии и др. В Англии поводом для «частичной» реформации стал курьез.

Король Генрих VIII (1509–1547) был добрым католиком. Он сам написал опровержение учения Мартина Лютера. Однако в 1527 г. любвеобильный король попросил папу Климента VII о разводе, но папа отказал. В 1533 г. по указанию Генриха VIII английский парламент издал закон о независимости Англии от Рима в церковных делах. Главой церкви в Англии в 1534 г. был объявлен король, брак с Екатериной Арагонской был расторгнут парламентом, и король женился на Анне Болейн. В 1538 г. Генрих закрыл все монастыри в Англии и присвоил себе их имущество.

При сыне Генриха Эдуарде VI (1547–1553) в Англии началась реформа вероучения. В итоге в 1548–1551 гг. была создана англиканская епископальная церковь, представлявшая, по выражению профессора Н. Д. Тальберга, «своеобразную смесь того и другого»⁹.

После смерти Эдуарда VI в 1553 г. на престол вступила строгая католичка Мария, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Она восстановила в Англии католичество и подвергла

⁹ Тальберг Н. Д. История христианской церкви. Киев: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2008. С. 741.

жестокому гонению протестантов. Архиепископ Кранмер и два других англиканских епископа были сожжены в Оксфорде, и вслед за ними казнено множество протестантов. Послушный королеве парламент добился лишь того, что имущество, отнятое у духовенства, не было возвращено ему и осталось у новых владельцев.

После смерти Марии в 1558 г. на престол вступила дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета (1558–1603). Она была протестанткой, и теперь гонениям подверглось католичество. Было восстановлено смешанное вероисповедание, в 1559 г. парламентскими актами подтверждено главенство королевской власти в церкви и восстановлены все церковные распоряжения, изданные при Эдуарде VI.

Таким образом, при Елизавете окончательно образовалась англиканская епископальная Церковь со смешанным вероучением и сделалась государственной.

Глава 3. Британский вектор в Северной войне

В марте 1697 г. из Москвы в Европу отправилось Великое посольство. Руководили посольством генерал-адмирал Франц Лефорт, тайный советник Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Всего вместе с охраной в посольстве насчитывалось 270 человек.

Однако вся власть в посольстве принадлежала скромному бомбардиру Петру Михайлову, под именем которого скрывался Петр I.

Впервые со времен Ивана III русский государь покинул страну, ну а до Ивана III московские князья, кроме Орды, никуда не ездили.

Целью посольства являлось заключение военных союзов с государствами Западной Европы, направленных против Османской империи, закупка оружия, инструментов и научных приборов и вербовка иностранных специалистов для службы в России. Лично же для самого молодого царя было страстное желание посмотреть мир.

Посольство побывало в Лифляндии, Кёнигсберге и Берлине и, наконец, в начале августа прибыло в Голландию. 31 августа 1697 г. в городе Утрехте царь имел неофициальную встречу с английским королем Вильгельмом III, бывшим штатгальтером Голландии.

Английский король подарил Петру роскошно отделанную быстроходную яхту, вооруженную двадцатью небольшими медными пушками. Царь убедился в превосходстве британских корабельных мастеров над голландскими и решил посетить «туманный Альбион».

7 января 1698 г. яхта Петра I под конвоем трех британских кораблей отправилась в Англию. 11 января царь вместе с Меншиковым разместился во дворце в Дептфорте на Темзе близ Лондона. Через три дня ему нанес неофициальный визит Вильгельм III, а 23 января король с ответным визитом принял царя.

Инкогнито бомбардир Михайлов много гулял по Лондону. Город ему понравился «потому, что в нем богатые люди одеваются просто».

12 апреля Петр посетил британский парламент. Царские комментарии по сему поводу до нас не дошли, вполне возможно, что он был сердит и помалкивал.

Посетив Монетный двор, Петр встретился с его управляющим Исааком Ньютоном. А известного английского математика профессора Эндрю Фергансона царь уговорил поехать в Россию, где тот преподавал математику сначала в Навигацкой школе, а потом в Морской академии.

По приказу Вильгельма III известный художник, ученик Рембрандта Готфрид Кнеллер написал портрет русского царя, которому тот позировал.

В Лондоне Петр неоднократно встречался с купцами, лично известными ему по Москве. В частности, 31 января царь побывал у купца Андрея Стейпса: «...у него кушали и приехали домой веселы».

В Лондоне Петр заключил договор о поставках в Россию табака. Замечу, что его отец, царь Алексей Михайлович, курильщиков табака обычно приказывал бить батогами, а иной раз и кнутом. Однако его сын еще до Посольства пристрастился на Кукуе к табачному зелью.

Согласно договору, в Россию из Англии должно было поступить 10 тысяч бочек табака весом в 500 тысяч фунтов (205 тонн), за каждый фунт брались 4 копейки пошлины. Петр был доволен условиями договора и выразил это весьма оригинальным способом: он перед распечатыванием письма с проектом договора велел выпить каждому послу по три кубка, что те с удовольствием и исполнили. Ф. А. Головин вспоминал: «Выпили по три кубка гораздо немалы, от которых были гораздо пьяны, однако ж, выразумев, истинно радовались и Бога благодарили».

Король Вильгельм III устроил для почетного гостя маневры в Портсмуте, куда Петр приехал на четыре дня. Там он осмотрел крупные военные корабли, вооруженные 80—100 пуш-

ками, а 24 марта наблюдал два показательных сражения на море. Петр был в восторге от увиденного и изрек: «Если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом».

Великое посольство покинуло Англию 25 апреля 1698 г. и через два дня прибыло в Амстердам. Завершить в Англии неоконченные дела царь поручил Я. В. Брюсу. Итог пребывания Петра в Англии подвел журнал Брюса: «Пересмотрев же все вещи, достойные зренья, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто его величество изволил говорить, что оной Английский остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света. Там его величество благоволил принять в службу свою многих морских капитанов, поручиков, лоцманов, строителей корабельных, мачтовых и шлюпочных мастеров, якорных кузнецов, компасных, парусных и канатных делателей, мельнишных строителей и многих ученых людей, также архитекторов гражданских и военных». В числе их находилось 23 шкипера (из которых 3 – для военных судов), 30 квартирмейстеров, 30 лекарей, 60 подлекарей, 200 пушкарей, 4 компасных мастера, 2 парусных и 2 якорных, 1 резчик, 2 кузнеца, 2 конопатчика, 20 корабельных работников и др.

В мае 1698 г. Петр и его спутники простились с гостеприимной Голландией и отправились домой.

Задача Великого посольства была выполнена лишь частично. Царю удалось завербовать себе на службу сотни немцев, голландцев и англичан. Было закуплено множество вооружения и различных товаров. Однако вступить в союз с Россией против Оттоманской империи никто не пожелал. Австрийская империя – государство, которое, казалось, больше всего должно было быть заинтересовано в разгроме турок, стремилось как можно быстрее заключить с ними мир.

Дело в том, что в 1696 г. серьезно заболел испанский король Карл II из испанской ветви династии Габсбургов. Карл II был бездетен, и австрийскому императору Леопольду I (1657–1705) очень хотелось посадить на мадридский трон своего сына Карла, чтобы Испания по-прежнему оставалась под властью Габсбургов. Однако это меньше всего устраивало «короля-солнце» Луи XIV, который имел своего кандидата на трон – внука Филиппа, герцога Анжуйского.

Естественно, что в такой ситуации ведущим государствам Европы – Австрии, Франции, Англии, Голландии и Пруссии – было не до каких-то турок. Все они ждали кончины Карла II Испанского и готовились к смертельной схватке за его наследство.

Что же касается хворавшего датского короля Кристиана V и пышущего здоровьем саксонского курфюрста Августа II Сильного, а по совместительству польского короля, то им от Испанского наследства ничего не могло достаться. Зато они имели территориальные претензии к Шведскому королевству, в основном к его владениям в Германии и Прибалтике. Для Кристиана и Августа возник благоприятнейший момент – с одной стороны, вся Европа собиралась драться за Испанское наследство, то есть мешать будет попросту некому, а с другой стороны, 5 апреля 1697 г. умер шведский король Карл XI, и на престол вззошел взбалмошный и скандальный пятнадцатилетний король Карл XII, которого вся Европа считала сумасшедшим.

Сразу по возвращении царя в Москву из поездки по Европе у него начались тайные переговоры с датским послом Паулем Гейнсом. Доказывать Петру целесообразность войны со Швецией долго не пришлось. Заверения Гейнса позволили Петру ускорить оформление договора с Августом II. 11 ноября 1699 г. в селе Преображенском Петр ратифицировал договор с саксонским курфюрстом, составленный на бланке, заранее подписанном Августом II. Договор признавал исторические права России на земли, «которые корона Свейская при начале сего столетнего времени, при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из-под царской области и повелительства отвлекла и после того времени через вредительные договоры за собою содержать трудилась».

Англия и Голландия, имевшие союзный договор со Швецией, заключенный в мае 1698 г. и возобновленный 23 января 1700 г., считали Швецию своим союзником. Франция также имела союзный договор со Швецией, заключенный в июле 1698 г., и считала Швецию своим традиционным союзником. Именно поэтому Франция и ее противники в войне за Испанское наследство – Англия и Голландия – желали удержать Россию от выступления против Швеции.

По этой причине английский и голландский послы в Константинополе пытались сорвать заключение мира между Россией и Турцией. Посол Украинцев писал Петру из Константинополя: «Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю. Торговля английская и голландская корабельная в Турецком государстве изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют, и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки».

В своих донесениях Украинцев не раз жаловался на противодействие, оказываемое ему послами Англии, Голландии и Франции, заявляя, что «во всем они держат турецкую сторону». В октябре 1699 г. он писал Головину: «Послы аглинской и галанской весьма имеют сердце турецкое и буди то тебе к уведомлению». Украинцев называл их «лицемерами» и «наветниками».

Подробное изложение событий Северной войны выходит за рамки книги, и я отправляю интересующихся читателей к своим книгам «Северные войны России» (Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001), «Швеция. Гроза с Балтики» (М.: Вече, 2008). Здесь же мы будем затрагивать только британский вектор Северной войны.

Начало Северной войны оказалось неудачным для союзников. Первыми начали войну войска Саксонии. В феврале 1700 г. семитысячная армия саксонского курфюрста, а по совместительству и польского короля Августа II вошла в Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде (с 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. Усть-Двинск, с 1959 г. в черте г. Риги). Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

16-тысячная датская армия во главе с королем Фредериком IV вторглась в Голштинию. Датчане взяли крепость Гузум и осадили Тоннинген. После взятия Тоннингена датчане планировали захват шведской Померании.

Английский король Вильгельм III попытался дипломатическими средствами заставить Данию заключить мир со Швецией. Одновременно англо-голландский флот в составе 10 английских и 13 голландских кораблей, а также множества фрегатов и малых судов двинулся к Датским проливам. 26 июня 1700 г. (н. ст.) союзный флот стал на якорь севернее Кроненборга. Союзники тянули время, поскольку шведский флот еще не был готов к бою.

После соединения со шведской эскадрой у союзников оказалось 59 кораблей против 29 датских. Союзники попытались бомбардировать Копенгаген, но из-за установленных датчанами боновых заграждений, затопленных судов и огня плавбатарей им пришлось отойти. Тогда 4 августа южнее Кроненборга под прикрытием союзных эскадр высадилось 11 тысяч шведов во главе с самим Карлом XII. Шведы подошли к Копенгагену. Карл XII пригрозил полностью разрушить город, если датчане откажутся подписать мир на его условиях.

Датчане приняли это требование. 7 (18) августа 1700 г. в Травендале между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки.

15 сентября 1700 г. Август II снял осаду Риги. Таким образом, у Карла XII руки были развязаны, и он мог заняться Россией.

Не удовлетворившись выходом из войны Дании, Вильгельм III в сентябре 1700 г. через своего посла в Гааге Стэнгопа предложил свое посредничество для примирения России и Швеции. В октябре 1700 г. Вильгельм III послал Петру I грамоту, в которой настаивал на прекра-

щении военных действий между Россией и Швецией и на принятии посредничества Англии в заключении мира между воюющими сторонами.

Пока королевская грамота дошла до царя, русские войска 19 (30) ноября потерпели страшное поражение под Нарвой. Поэтому в ответной грамоте, написанной 13 декабря, Петр соглашался на открытие переговоров о мире и просил Вильгельма назначить место для встречи уполномоченных.

Однако Карл XII, считавший войну своим жизненным призванием, категорически отверг предложения Вильгельма III. В итоге Северная война продолжилась, а Англия заняла позицию дружественного нейтралитета по отношению к Швеции. В июне 1701 г. русский посол в Гааге А. А. Матвеев сообщал, что Англия и Голландия желают продолжения войны между Россией и Швецией, что Вильгельм III не склонен к интересам России и, наоборот, что он «во всем приятель добрый и надежный Шведу»¹⁰.

Тем не менее объем русско-британской торговли с началом Северной войны резко возрастает. Экспорт из России в Англию возрос с 64 191 фунта стерлингов до 223 449 фунтов стерлингов. В Архангельск ежегодно приходило около ста иностранных торговых судов, половина из которых – английские.

Советский историк профессор Л. А. Никифоров писал по сему поводу: «Увеличение торговли явилось следствием усиления потребности обеих сторон в товарах друг друга: Англия в связи с начавшейся войной за испанское наследство увеличила закупки материалов для флота, а русское правительство, нуждаясь в деньгах в связи с начавшейся Северной войной, стремилось расширить объем внешней торговли и, кроме того, также проводило усиленные закупки различных материалов, необходимых для снаряжения и вооружения армии (боеприпасы, сукно для армии, сера, свинец, медь и т. д.).»

Для Англии страны Балтийского побережья являлись в то время источником снабжения морскими припасами. Чэнс указывает, что «процветание Великобритании и других морских держав, разбросанных по морям, зависело тогда от продукции Балтийских регионов. Корпуса кораблей могли быть построены из британского дуба, но сосны для мачт и рей, пенька для веревок, лен для парусов, смола и деготь для всяких судовых нужд должны были привозиться оттуда, и остановка снабжения означала бы, что военные и торговые суда не могли бы выйти в море»¹¹.

А вот торговые отношения со Швецией у англичан несколько осложнились. В 1703 г. шведская смоляная компания предъявила требование, чтобы закупленные англичанами в Швеции деготь и смола перевозились на шведских судах и по установленным шведами ценам. Это условие оказалось неприемлемо для английских купцов.

Английский парламент и правительство, пытаясь организовать производство товаров для оснащения флота в заокеанских колониях Англии, установили довольно высокие премии для поощрения производства пеньки, смолы и дегтя. За ввоз в Англию из ее американских владений одной тонны смолы выплачивалось 4 фунта стерлингов премии, за ввоз одной тонны пеньки – 6 фунтов стерлингов, а за одну тонну мачтового леса – 1 фунт стерлингов. Одновременно в этих колониях вводились специальные законы по охране мачтового леса, а также деревьев, из которых добывались смола и деготь.

Насколько выгодна была торговля с Россией, а также как высоки были установленные парламентом премии, видно хотя бы из того, что в 1706 г. русские продали для английского флота 10 тысяч бочек смолы по одному рублю за бочку. Таким образом, премия, установленная

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 1313.

¹¹ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 27–28.

парламентом за ввоз смолы их американских владений, была примерно равна цене, по которой англичане покупали смолу в России.

В 1703 г. в Москву прибыл чрезвычайный посланник Людовика XIV, стремившегося привлечь на свою сторону одновременно и Россию, и Швецию. Посол де Блюз имел поручение добиться, чтобы Россия выступила против врага Франции – Австрии, совершив диверсию в Трансильвании. При этом предполагалось, что для успеха действий против Австрии Россия предварительно заключит с помощью Франции мир со Швецией, а Людовик XIV во время мирных переговоров приложит все усилия, чтобы за Россией остались завоеванные ею территории.

Одновременно с посольством де Блюза в Москву русскому послу в Копенгагене от имени французского короля были сделаны три предложения: 1. Установить дружеские отношения между царем и французским королем. 2. Изъять торговлю из рук англичан и голландцев и передать ее французам. 3. Избрать французского короля единственным посредником при заключении мира между Россией и Швецией.

Британский кабинет решил сорвать планы противника, и в конце 1704 г. в Россию направляется чрезвычайный посланник королевы Анны (Вильгельм III умер в 1702 г.) Чарльз Витворт. В Москву Витворт прибыл 28 февраля 1705 г.

Согласно инструкции британского правительства, Витворту следовало добиться торговых привилегий, обеспечить получение необходимых товаров и собрать разведывательные сведения о России: ее военных силах, финансах, договорах с другими странами и т. д.

В полном соответствии с полученной им инструкцией Витворт собирал информацию о военных проектах, финансах, о планах и намерениях русского правительства. Уже 25 марта 1705 г., то есть вскоре по прибытии в Россию, он сообщил первые сведения о русском флоте на Дону. В донесении от 1 июля 1705 г. Витворт уточнил эти сведения, приводя данные о количестве кораблей, их типе, вооружении и т. д.

С целью получить более обширную информацию Витворт сопровождал Петра I в его походах. 28 сентября 1708 г. в письме, посланном «надежным путем», он давал подробную характеристику состояния русской армии и указывал на слабое место в системе русской обороны, сообщая, что самую чувствительную для русских диверсию шведы могут произвести нападением на Ингрию и Петербург. Витворт приложил к донесению список полков, защищающих эту область, которые «в данное время едва находятся в половинном составе и наполнены преимущественно новобранцами»¹². Развивая далее план нападения шведов на эту часть русских владений, он сообщал также основные данные о Петропавловской крепости и затем давал перечень кораблей русского флота в Балтике с точным указанием их расположения¹³.

Доказательств того, что эти сведения Витворт передавал и шведам, нет. Но осенью 1708 г. 12-тысячный корпус генерала Г. Либекера двинулся от Выборга к Санкт-Петербургу. Либекер форсировал Неву в районе впадения в нее реки Тосно. Далее шведы заняли местечко Дудергоф (Дудерову мызу). Либекер не рискнул штурмовать Петербург, обогнул его с юга, а затем двинулся по самому побережью Финского залива к Копорскому заливу. Там шведский корпус был взят на корабли шведской эскадры и перевезен в Финляндию. Не исключено, что донесение Витворта и поход Либекера – простое совпадение. Так что, пользуясь формулировкой дореволюционных юристов, Витворта «следует оправдать, оставив в сильном подозрении».

В марте 1705 г. начались переговоры Витворта с главой русского ведомства иностранных дел (Посольского приказа) Ф. А. Головиным и его тайным секретарем П. П. Шафириным. Головин дал понять Витворту, что если Англия возьмет на себя роль посредника, то все претензии англичан, торгующих в России, будут удовлетворены. Витворт не имел никаких полно-

¹² Сборник РИО. Т. 50. С. 66, 75–78.

¹³ Там же. С. 80–83.

мочий вести переговоры о посредничестве. Политические интересы Англии требовали в это время, чтобы Швеция была занята войной с Россией и не могла оказать помощь Франции и ее союзникам.

Русское правительство стремилось заключить с Англией торговый договор, желая развить торговлю через Петербург и Нарву. Петр много раз высказывал Витворту пожелание, чтобы английские корабли приходили не только к Архангельску, но и русским портам на Балтике. Добиваясь присылки британских кораблей в Петербург, Петр обещал особо выгодные условия для вывоза нужных англичанам товаров. Так, летом 1705 г. Меншиков предлагал английскому консулу Гудфелло 40 тысяч бочек смолы по низкой цене, если тот пришлет за ней корабли в Петербург. Но английское правительство упорно не желало поддерживать торговлю с Россией через Балтийское море, ссылаясь на опасность для торговых судов от шведских каперов. Но в то же время Витворт в своих донесениях выражал опасение, как бы другие державы не захватили в свои руки торговлю с Петербургом.

Замечу, что первое торговое судно из Европы пришло в Петербург еще в октябре 1703 г. На нем голландцы привезли вино, соль и другие товары. По указанию царя Меншиков подарил шкиперу 500 золотых и еще 300 золотых – команде.

В мае 1705 г. Дания специальной декларацией своего посланника в Стокгольме заявила о своем твердом намерении поддержать торговлю с Нарвой и Петербургом. Дании было особенно выгодно, чтобы торговля с Россией перешла из Архангельска в балтийские порты, так как при этом Дания получала возможность собирать дополнительные пошлины за проход судов через Зунд.

Поэтому Витворт торопил Лондон с решением вопроса о защите английской торговли на Балтике, указывая на угрозу голландской и датской конкуренции. В своих донесениях Витворт отмечал, что фрахт из Петербурга стоит вдвое дешевле, чем из Архангельска. А пошлины в балтийских портах после перехода их к России стали вдвое меньше пошлин, существовавших при шведах. Витворт указывал на возможность развития английской торговли с Персией (в основном шелком) через Россию. По его мнению, если англичане начнут торговлю с Гилянском через русские владения, то они будут в состоянии выделывать шелковые ткани лучше и дешевле, чем раньше.

До царя дошли слухи, что английское правительство запрещает корабельным мастерам выезд в Россию. Пытаясь убедить свое правительство в необходимости удовлетворить пожелания Петра, Витворт писал в своем донесении от 17 июня 1705 г.: «Прибавлю, что все это мало поможет развитию русского мореплавания, которому, с другой стороны, одна Англия и помешать не может: если Англия откажется принять молодых людей на суда своего флота, если она откажется прислать корабельных мастеров, – молодых людей отправят в Голландию или во Францию, оттуда же доставят России и мастеров».

1 сентября 1706 г. шведы вступили в Саксонию и заняли ее практически без сопротивления в течение двух недель.

Саксонский курфюрст и польский король Август Сильный был вынужден 20 октября 1706 г. в Альтранштадте подписать с Карлом XII унизительный сепаратный мир. Согласно его условиям, Август отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и разрывал союз с Россией.

Сорокатысячная шведская армия, оказавшись в центре Германии, сразу же вызвала опасения одних и надежды других участников войны за Испанское наследство.

Так, Людовик XIV, положение которого было сложным, не замедлил направить к Карлу XII своего тайного посланника. Луи взывал к его честолюбию, напоминая ему о древней франко-шведской дружбе и о славе Густава Адольфа, и просил выступить в качестве посредника. Карл XII благосклонно выслушивал эти предложения, тем более что его отношения с австрийским императором Иосифом I были довольно натянутыми.

Император серьезно опасался Карла XII. Когда после заключения Альтранштадтского договора многие поляки высказались за передачу польской короны принцу Евгению Савойскому, Иосиф I, опасаясь шведов, не решился отпустить принца. Шведы в Силезии, являвшейся австрийским владением, собирали контрибуции и вербовали людей в свою армию, а император не решался даже протестовать. Карл XII потребовал от Иосифа I передачи протестантам отнятых у них церквей в Силезии.

В Лондоне и Вене понимали необходимость нейтрализовать французские интриги, и с этой целью к Карлу XII, находившемуся в Саксонии, был послан главнокомандующий британскими войсками и фаворит королевы Анны Джон Черчилль герцог Мальборо.

Мальборо прежде всего заручился согласием королевы обещать крупные пенсии шведским министрам и затем, будучи принят Карлом XII, обратился к нему с льстивой речью: «Я вручаю вашему величеству письмо не от Кабинета, а от самой королевы, моей госпожи, написанное ее собственной рукой. Если бы не ее пол, она переправилась бы через море, чтобы увидеть монарха, которым восхищается весь мир. Я в этом отношении счастливее моей королевы, и я хотел бы иметь возможность прослужить несколько кампаний под командованием такого великого полководца, как ваше величество, чтобы получить возможность изучить то, что мне еще нужно узнать в военном искусстве».

Лично у меня есть подозрение, что эти тирады представляли собой дезинформацию, призванную скрыть истинные цели визита Мальборо. Надо ли говорить, что Мальборо ни дня не стал служить под началом Карла XII. Зато герцог и другие дипломаты ни один день уговаривали короля двинуться на восток.

Кстати, об этом, хотя и достаточно осторожно, писал Л. А. Никифоров: «О влиянии миссии Мальборо на решение Карла XII направиться в Россию и не вступать в дальнейшие ссоры с императором могут быть различные мнения. Возможно, у Карла XII еще раньше созрело решение завершить разгром своего, теперь единственного противника – России, чтобы развязать руки для дальнейших действий. Однако не исключено, что миссия Мальборо ускорила вторжение шведов в Россию. Во всяком случае Карл XII двинулся в Россию, и попытка Людовика XIV привлечь шведов на свою сторону потерпела неудачу»¹⁴.

Кстати, герцогский титул и имения Мальборо перешли от Джона Черчилля к его внуку по дочери Чарльзу Спенсеру, от которого, в свою очередь, произошли по мужской линии премьер Уинстон Черчилль и принцесса Диана.

В свою очередь, Петр I в начале марта 1707 г. приказал своему посланнику в Голландии Андрею Матвееву отправиться в Англию со специальной дипломатической миссией. Любопытно, что герцог Мальборо предоставил Матвееву свою яхту «Перегрин» для переезда в Англию.

17 мая 1707 г. Матвеев был принят королевой Анной. А через несколько дней к нему прибыл статс-секретарь Гарлей, которому Матвеев изложил предложения царя о принятии королевой на себя посредничества в примирении России со Швецией, а в случае если шведы будут упорствовать, то о заключении союза между Россией и Англией. Гарлей попросил Матвеева изложить это предложение письменно, поскольку иначе это дело не может обсуждаться. Русский посланник был против, но статс-секретарь настоял на своем.

21 мая 1707 г. Матвеев передал Гарлею написанную на латинском языке памятную записку, в которой сообщалось о готовности Петра I вступить в союз с Англией, которой предлагалось принять на себя посредничество в примирении России со Швецией. Если бы Карл XII отказался принять посредничество, то Петр I соглашался вступить в союз с Великобританией и ее союзниками против шведского короля и дать им различные материалы для флота. Матвеев писал, что Россия ведет войну не с целью захвата шведских земель и городов, а за возвраще-

¹⁴ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 49.

ние своих исконных владений, и просил от имени царя, чтобы Англия не признавала Альтранштадтский договор и не давала ему свои гарантии, а также не признавала польским королем Станислава Лещинского. Чтобы прекратить войну, указывалось в записке, достаточно послать на Балтику флот Дании, Нидерландов и Великобритании, «что пресветлейшей королеве учиться безтрудно есть».

Матвееву удалось через Гарлея добиться у королевы аудиенции, которая состоялась 30 мая 1707 г. в Кенсингтоне. Королева Анна пообещала передать ответ на предложения Матвеева через статс-секретаря, который в дальнейшем, внешне проявляя склонность к положительному решению всех интересующих Россию вопросов, не давал никаких ответов и только затягивал переговоры.

Англичане тянули время, ожидая разгрома русских войск. 4 июля 1708 г. армия Шереметева потерпела неудачу у местечка Головчин. Эхом этого сражения стало нападение на Матвеева на лондонской улице. Вечером 21 июля он отправился в Соммерсет Хауз, куда прибыли две почты из Фландрии. Когда Матвеев проезжал в карете по улице, на него напали три человека. Потерпевший так описывал происшедшее с ним: «...с свирепым и зверообразным озлоблением и, не показав мне никаких указов и не объявля причин, карету мою задержав и лакеев моих в либерее разбив, вошли двое в карету мою, а третьей стал на козлах по стороне и велели кучеру мчаться как наискорее меня неведомо куда».

Напавшие отняли у Матвеева шпагу и трость и стали его избивать. Сбежавшиеся на крики посланника горожане задержали нападавших и провели Матвеева в таверну. Но когда нападавшие заявили, что арестовали Матвеева по письменному приказу шерифа за неуплату долга в 50 фунтов стерлингов, народ разошелся. После этого русского посла бросили в извозчичью пролетку и повезли в долговую тюрьму. Около двух часов ночи с помощью иностранных дипломатов Матвеева удалось освободить.

Британские власти сделали вид, что в инциденте были виноваты купцы, которые-де дали в долг Матвееву, а теперь опасались его отъезда из страны. Но в туманном Альбионе никогда ничего просто так не делалось и не делается. Эхом Головчина и отступлением русской армии стало не только нападение на русского дипломата, но и официальное признание Англией Станислава Лещинского королем Речи Посполитой.

Увы, Лондон с этим явно поторопился. 27 июня 1709 г. шведская армия была разбита под Полтавой, а через три дня капитулировала под Переволочной. Карл XII оказался полуголостем-полупленником турецкого султана в Бендерах. Август Сильный немедленно объявил Альтранштадтский мир аннулированным, а себя – королем Польши. В свою очередь, король Стась сбежал в Пруссию.

Естественно, Полтавская виктория изменила и отношение Лондона к России. В феврале 1710 г. посол Витворт вручил Петру I грамоту королевы Анны. В ней содержались извинения по поводу задержания Матвеева, а Петр I впервые именовался «Цесарем», то есть императором. Петр, в свою очередь, велел писать в грамотах титул королевы не «английское Величество», как это писалось ранее, а «Великобританское Величество».

Тем не менее политика Англии по отношению к России и после Полтавы оставалась противоречивой. С одной стороны, Лондон не желал, чтобы Россия закрепилась на Балтике, а с другой – крайне нуждался в русских товарах. Так, английский импорт из России, составлявший за пятилетие (1697–1701 гг.) 494 тыс. ф. ст., в 1702–1706 гг. достиг 543 тыс. ф. ст., в 1707–1711 гг. вырос до 758 тыс. ф. ст., а в 1712–1716 гг. составлял уже 823 тыс. ф. ст.¹⁵.

¹⁵ ЦГАДА. Кабинет Петра I. Кн. 13. 1711. Л. 543–544. Торговля с Англией через Архангельск составляла около половины всей внешней торговли России через этот порт. Однако суммы взысканной пошлины не дают полного представления о размерах внешней торговли, так как иностранные купцы применяли все доступные им средства, чтобы миновать таможи. Об этом есть и письменное свидетельство – огромное по объему письмо Петру I об обманах различного рода, применявшихся иностранными купцами для провоза беспошлинно дорогих вещей и пр. Датский посланник Юст Юль в своих записках, отно-

Между тем в сентябре 1713 г. Петр I «указал российские товары пеньку и юфть, сало, икру, клей, поташ, смольчуг, ремень и прочие тому подобные товары для отпуску за море, привозить в Санкт-Петербург, а к городу Архангельску возить заказано». После этого все торговые перевозки стали осуществляться через Балтийское и Северное моря, довольно опасные для мореплавания из-за действий шведских каперов. В результате английским и голландским военным кораблям приходилось конвоировать своих купцов в этих морях.

Петр I с 1704 г. интенсивно строит корабли для Балтийского флота, однако отечественные верфи пока несовершенны, не хватает мастеров и материалов, и царь решает для создания флота произвести большие закупки кораблей за границей. В 1711 г. он отправляет в секретную заграничную поездку корабельного мастера Федора Степановича Салтыкова. Царь велел ему «вести себя везде инкогнито за дворянина российского, в корреспонденции иметь надлежащую осторожность, обо всем писать цифирью». Салтыкову вменялось стать агентом по покупке кораблей в портах морских держав. Руководил операцией по указанию Петра русский посол в Амстердаме князь Борис Иванович Куракин. В сентябре 1713 г. царь снова указал ему о важности поручения: «Прошу вас, чтоб гораздо трудились в покупке кораблей, ибо наша ныне война в том состоит».

Уже в 1712 г. Салтыков сторговал десять кораблей. 25 сентября 1713 г. Петр отправил послу в Дании князю Василию Лукичу Долгорукову приказание: «Понеже покупные наши корабли, которые покупали князь Куракин и Салтыков, будут отправляться тайно, под именем копенгагенского купца Эдингера к Копенгагену, того для надобно вам о том тайно объявить королевскому величеству датскому, чтоб он о том ведал и чтоб то содержано было секретно».

Купленные корабли в Россию должен был кто-то вести. Петр направляет в Англию и Голландию несколько своих морских офицеров, но большую часть офицеров и все нижние чины следовало нанять за границей.

Всего Салтыковым в Англии было закуплено 11 кораблей¹⁶ и два фрегата, а в Голландии – 6 кораблей и 7 фрегатов. Еще один корабль – «Антоний Падуанский» – был куплен в 1711 г. в Гамбурге. Часть этих судов куплена у прежних владельцев, а часть построена по заказу Салтыкова или куплена в процессе строительства.

Естественно, что английское и голландское правительства прекрасно знали, кто и зачем собирает этот флот, но делали вид, что считают все происходящее какими-то разрозненными коммерческими мероприятиями. Как говорится, и нейтралитет соблюсти, и капитал приобрести. Соответственно, Салтыков подыгрывал властям. Так, большинство кораблей и фрегатов при покупке получали новые названия. Но и новые названия были... английскими.

Вот старые названия кораблей, купленных в Англии в 1712 г.: «Сюссекс», «Венкер», «Танкервиль», «Виндорф». А новые, соответственно: «Булинбрук», «Виктория», «Оксфорд», «Страфорд».

Часто корабли имели меньшее число орудий, чем положено по рангу, и меньшего калибра, что также помогало им сойти за большие купеческие суда. Замечу, что тогда многие большие торговые суда имели фрегатское парусное вооружение.

Продажа кораблей была крайне выгодна Англии и Голландии в связи с тем, что война за Испанское наследство закончилась. А 11 апреля 1713 г. был подписан Утрехтский мир. Понятно, что флоты были в процессе демобилизации, и корабли подлежали разборке.

В марте – июне 1713 г. первые четыре корабля, купленные в Англии, достигли Ревеля, а пятый – «Булинбрук» – был по пути захвачен шведами.

сящихся к его пребыванию в России в 1709–1711 гг., писал, что в результате различных злоупотреблений, взяток и других махинаций иностранные купцы умудряются платить в казну сборов в 3–4 раза меньше, чем полагается.

¹⁶ До середины XIX века в России под словом «корабль» понималось судно, вооруженное от 54 до 130 пушками и имевшее фрегатское парусное вооружение. Термин «линейный корабль» был введен в русском флоте в 1907 г. Историки XX века почему-то решили перенести этот термин в XVII–XIX века.

В 1714 г. шведские каперы сильно допекали английских и голландских купцов. Уже к 30 мая 1714 г., то есть в самом начале навигации, шведы захватили более двадцати голландских судов, главным образом шедших с хлебом из Петербурга. На 20 июля 1714 г. число захваченных и конфискованных шведами голландских судов достигло 130. В одной Риге в это время было заготовлено такое количество товаров, которого было бы достаточно, чтобы нагрузить 400 судов, но брать эти товары было некому, так как пробраться к русским балтийским портам удавалось лишь немногим судам. Голландцам пришлось организовывать конвои.

Британский статс-секретарь Тоунсенд писал, что «нехватка морских припасов столь велика, что она сделает невозможным снаряжение королевского флота следующей весной. Приписывая хитрости “московитов” то обстоятельство, что склады английского адмиралтейства имеют мало припасов для флота, в особенности пеньки, Тоунсенд указывал, что “если флот торговых судов, который теперь грузится в Балтике, вследствие какого-либо несчастного случая не придет по назначению, его величество не сможет снарядить военных судов в следующем году, и поэтому весь военный флот Англии делается совершенно бесполезным”. Эта-то опасность и заставила английское правительство направить свою эскадру в Балтийское море»¹⁷.

Между тем 1 августа 1714 г. умерла королева Анна. Все ее 13 детей к этому времени умерли. Анна хотела передать после себя престол своему младшему брату Иакову, который жил в эмиграции во Франции. Но в Англии не желали иметь короля-католика, и поэтому после смерти в 1700 г. маленького герцога Глостера – последнего из детей Анны Стюарт – парламент в 1701 г. принял «Акт о престолонаследии», согласно которому королевская власть перешла от Стюартов к Ганноверской династии.

Как писал У. М. Теккерей: «Династией ганноверских монархов на нашем престоле мы, британцы, обязаны удачному браку, заключенному первым ганноверским курфюрстом Эрнстом Августом. Спустя девять лет после того, как Карл Стюарт лишился головы, его племянница София, из многочисленного рода другого свергнутого монарха – злосчастного курфюрста Пфальцского, стала супругой Эрнста Августа и принесла ему по бедности в приданое наследственное право на все три британские короны»¹⁸.

Племянница короля Карла I София, о которой пишет Теккерей, родилась в 1630 г. Ее родителями были сестра Карла I Елизавета и курфюрст Пфальцкий Фридрих V. Увы, ни София, ни ее муж Эрнст не стали британскими монархами.

Эрнст Август умер в 1698 г., София не дожила двух месяцев до кончины королевы Анны. Трон занял их 54-летний сын Георг Людвиг (1660–1727), ставший Георгом I. Он женился на немке Софии Доротее Брауншвейг-Люнебургской.

Новый король не умел говорить по-английски, а во внешней политике в основном руководствовался интересами Ганновера.

Давней мечтой Георга было присоединение к Ганноверу городов Бремена и Вердена. Ради этого он вступил в переговоры с Петром I.

5 ноября 1714 г. русский посол Борис Иванович Куракин прибыл в Лондон. Он предложил королю Георгу I план изгнания шведов из Германии, согласно которому Георг должен был получить Бремен и Верден, а за Россией закреплялись все области, отвоеванные ею у шведов.

По настоянию Петра, страстно желавшего как можно скорее закончить Северную войну и для этого добивавшегося вступления Георга I в союз против Швеции, чтобы получить обещанную им помощь английского флота, Дания в феврале 1715 г. решила, наконец, уступить Ганноверу Бремен и Верден.

Отношения между Швецией и Англией в это время резко ухудшились.

¹⁷ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 110–111.

¹⁸ Теккерей У. Собрание сочинений. М., 1979. Т. 11. С. 517.

Еще до переговоров о союзе с Петром английский король в 1714 г. обратился к Карлу XII с протестом против запрещения балтийской торговли, однако толку от этого не было. В январе 1715 г. английский представитель в Стокгольме Джексон предъявил шведскому правительству формальное требование о возмещении за захваченные шведами 24 судна и их груз на сумму более 65 тысяч фунтов стерлингов.

Карл XII не только не удовлетворил требование англичан о возмещении убытков и о разрешении свободной торговли в Балтийском море, но, наоборот, решил перейти к более суровым мерам пресечения этой торговли. 8 февраля 1715 г. он издал «Каперский устав», фактически запрещающий торговлю англичан с Россией и с занятыми ею, а также поляками, датчанами и другими врагами Швеции балтийскими портами. Все суда, перевозившие какие-либо товары в порты противников Швеции или из этих портов, подлежали конфискации.

Устав вступил в силу немедленно, и уже к концу марта 1715 г. свыше 50 каперских судов ушло из шведских портов. Большое число английских, голландских и других судов, направлявшихся с грузом в Россию или из России, было захвачено каперами и отведено в шведские порты. К маю, то есть еще до полного развертывания навигации, было захвачено свыше 30 английских голландских кораблей.

В марте 1715 г. Англия направляет в Балтийское море эскадру адмирала Джона Норриса в составе 18 кораблей (от 50 до 86 пушек). Кроме того, Голландия отправила туда эскадру адмирала Де Витта в составе 12 кораблей (от 40 до 72 пушек). В инструкции адмиралтейства Норрису было поручено защищать британские суда, а также «перехватить все суда, принадлежащие королю шведскому или его подданным, а равно выполняющие его поручения». Призы должны были стать залогом компенсации за взятые английские суда.

Шведские военные и каперские суда были вынуждены укрыться в портах.

19 июня главные силы англо-голландского флота прибыли на рейд Ревеля. Пришли 17 английских и 9 голландских кораблей с конвоем из 108 купеческих судов.

Около половины торговых судов пошли дальше в Петербург. Через неделю Норрис вывел флот в море «для экзекуции повеленной ему комиссии». Закончив крейсерство в западной части Балтийского моря, союзники 23 июля вновь пришли на Ревельский рейд.

Петр поспешил в Ревель посмотреть союзный флот. 26 июля царь посетил Норриса на его флагмане, 28 июля – адмирала Де Витта, а 31 июля принимал обоих на русском корабле. Петр повелел для матросов союзных эскадр выдать по две бочки французского вина на каждый корабль.

16 августа союзные эскадры покинули Ревель. Вместе с ними пошла и русская эскадра под командованием капитана Питера Бредаля в составе кораблей «Самсон», «Перл», «Св. Павел» и «Оксфорд». Задачей эскадры было прибыть в Англию и принять там построенные для России в Голландии корабли, а затем конвоировать их в Россию.

17 октября 1715 г. в Грейфсвальде был заключен союзный договор между Петром I и Георгом I.

Самым важным пунктом договора был 4-й параграф, заключавший в себе обязательства Георга, как великобританского короля и ганноверского курфюрста, обеспечить России приобретение от Швеции Ингрии, Карелии и Эстляндии с Ревелем, а со стороны Петра – обязательство обеспечить Георгу, как курфюрсту Ганноверскому, приобретение герцогств Бремен и Верден.

Георг I в качестве курфюрста ганноверского получил Бремен и Верден и в уплату за это объявил войну Швеции и отправил 6 тысяч ганноверских солдат в Померанию.

Договор был заключен Георгом не только как курфюрстом Ганновера, но и как королем Великобритании.

В мае 1716 г. в Зунд была послана английская эскадра под командой Джона Норриса, который должен был предъявить шведскому правительству три основных требования: 1) пре-

кратить каперство и возместить потери, нанесенные каперами английским судам; 2) дать торжественное обещание об отказе от помощи претенденту и не предоставлять убежища якобитам¹⁹ и 3) прекратить военные действия против датской Норвегии.

В ожидании ответа на эти требования английский флот в соответствии с инструкциями, полученными Норрисом, не предпринимал никаких действий против шведов.

Между тем, получив с помощью России Бремен и Верден, Георг I довольно быстро из союзника превратился в непримиримого противника Петра. Поводом для обострения отношений между Петром I с Георгом I, а также с Данией, Пруссией и Австрией послужило так называемое «Мекленбургское дело».

В 1715 г. царь ни с того ни с сего впутался в раздоры герцога Мекленбургского со своим дворянством. Это испугало Данию, Пруссию и Ганновер и поссорило их с Россией. Германская политика Петра, по словам историка Ключевского, сделала его друзей врагами, не сделав врагов друзьями.

В кампанию 1716 г. союзники планировали захватить Висмар. Русские и датские войска под прикрытием объединенного флота России, Англии, Голландии и Дании должны были вторгнуться в Южную Швецию (Сканию). Для поддержки этой операции русский галерный флот с десантом под начальством Ф. М. Апраксина при поддержке датского флота должен был произвести высадку на территории Швеции со стороны острова Аланд. Высадиться в Скании должны были войска под командованием Шереметева, находившиеся в Мекленбург-Шверине.

Казалось бы, успех десанта в Сканию обеспечен. Но ни датчане, ни англичане не торопились с высадкой, а отговаривались различными предложениями. Нетерпеливый Петр решил сам обследовать шведские берега. Шнява «Принцесса», где находился царь, слишком близко подошла к береговым батареям шведов и была пробита насквозь ядром, следовавшая за ней шнява «Лизетта» получила еще большие повреждения.

В конце августа датчане согласились помочь русским высадить десант в Скании, но тут уже заупрямился Петр, мол, дело идет к зиме, и десант следует отложить до весны 1717 г.

¹⁹ О претенденте и якобитах будет подробно рассказано чуть ниже.

Глава 4. Авантюра Герца и Ништадтский мир

Подробности событий конца 1716 г. – начала 1717 г. неизвестны до сих пор. Шведский премьер-министр барон Георг Генрих Герц организовал грандиознейший заговор с целью свержения правительств двух крупнейших стран Европы – Англии и Франции.

Вольтер охарактеризовал Герца так: «Никто не мог быть гибче, отважнее на средства в затруднении, обширнее в замысле предприятий, деятельнее в их исполнении. Никакой проект не страшил Герца, никакое средство не казалось ему недостойным внимания и равно расточал он подарки, обещания, клятвы, истину и ложь. Он объездил Швецию, Францию, Англию, Голландию, всюду испытывая пружины огромной машины, которую хотел привести в движение. Он был способен столкнуть с места ветхую Европу и таил обширный замысел. Что Карл XII был среди своего войска, то Герц был в дипломатическом кабинете и неудивительно, что он приобрел над Карлом XII такую власть, какой не приобретал ни один и его прежних министров»²⁰.

Герц лучше других осознавал бесперспективность продолжения войны с Россией. Однако удовлетворить все претензии Петра I было крайне унижительно для Карла XII, не желавшего превращения Швеции из одной из сильнейших держав Европы в захудалое северное королевство. Поэтому Герц решил создать новую европейскую коалицию в составе Испании, Франции, Швеции и России против Англии, Австрии, Дании и Речи Посполитой.

В случае удачи этого плана Швеция получала компенсации, превышающие ее потери в Прибалтике и на Карельском перешейке. Нетрудно предположить, что и Россия могла вернуть себе земли Малой и Белой Руси. (Благо, что с началом Северной войны Правобережье Днепра, принадлежавшее Речи Посполитой, контролировалось русскими войсками и местными казачьими полковниками Палием и другими).

План этот решено было реализовывать дипломатическим путем с использованием спецопераций на первом этапе и военными средствами – на втором.

В 1715 г. во Франции умер «король-солнце» Людовик XIV. К этому времени умерли его сын дофин Луи и внук Луи, герцог Бургундский, корона же перешла к правнуку Луи XV 1710 г. рождения. Естественно, что от имени ребенка правили другие: регент Филипп Орлеанский – двоюродный дед Луи XV, и кардинал Дюбуа.

К этому времени в Испании правил Филипп V Бурбон, внук Луи XIV и сын дофина Луи, деда Луи XV.

Герц предложил кардиналу Альберони – фактическому правителю Испании – отстранить в Париже от власти Филиппа Орлеанского и кардинала Дюбуа, а регентство при Луи XV передать его дяде испанскому королю Филиппу V, а фактически – тому же Альберони. Кардинал охотно согласился. Исполнение плана возлагалось на испанского посла в Париже герцога Целламара, а в помощь ему Герц дал шведского офицера француза Фоллара.

В Англии же Герц решил произвести дворцовый переворот и возвести на престол вместо Георга I Ганноверского Иакова Стюарта, сына короля Иакова I. К этому времени британский претендент на престол проживал в Риме. Герц поехал к нему и договорился о плане реставрации Стюартов в Англии.

Барон разработал следующий план. В самой Англии, используя недовольство немецкой династией Ганноверов, нужно создать партию из сторонников Стюартов. Это возлагалось на шведского посла в Англии Гиллемборга. Он должен был подготовить корпус мятежников в 10–12 тысяч человек. К моменту восстания шведский король должен был высадиться в Англии с корпусом в 12 тысяч человек и привезти оружие для своих английских сторонников. Претендент взял на себя финансирование этого предприятия.

²⁰ Цит. по: Полевого Н. История Петра Великого. СПб., 1843. Т. IV. С. 28–29.

В самом конце 1715 г. Иаков высадился в Шотландии и там 9 февраля 1716 г. был коронован под именем Иакова VIII. Иаков даже чеканил свои монеты достоинством в 60 и 10 шиллингов. Но через несколько месяцев ему пришлось бежать на корабле из Шотландии.

Через несколько месяцев Гиллембург собрал в Англии 80 тысяч фунтов стерлингов и доставил их Герцу. Кроме того, в Англии было подготовлено триста транспортных судов для перевозки шведского десанта. Сам Герц закупил в Англии же шесть военных кораблей.

В Речи Посполитой Герц собирался лишить королевской короны саксонского курфюрста Августа II Сильного и вновь посадить на трон Стася Лещинского. Данию же предполагалось занять русскими и шведскими войсками.

Однако в конце 1716 г. спецслужба кардинала Дюбуа перехватила переписку Герца с парижскими заговорщиками. О своем открытии Дюбуа проинформировал Лондон. Там немедленно начали перехватывать письма шведского посланника Юлленборга. А 9 февраля 1717 г. шведский дипломат был арестован, письма же его опубликовали в газетах.

Из документов, изъятых при обыске у Юлленборга, стало очевидно, что лейб-медик Петра I шотландец по происхождению Эрскин находится в переписке с генералом претендента графом Марром, и что русский царь обещал оказать претенденту помощь и восстановить его на престоле. Петр сразу же опроверг это обвинение, сославшись на то, что его лейб-медик, служивший в него уже 13 лет, не имеет к политике не малейшего отношения, что его допросили, однако он категорически отрицает факт переписки с претендентом, так что Герц напрасно вплепел в это грязное дело имя русского царя.

По мнению историографа Петра I Голикова, царь действительно не имел ни малейшего отношения к этому делу, хотя в мире со Швецией был заинтересован. Но тот же Голиков признает, что претендент просил у Петра шесть кораблей и 4 тысячи человек пехоты, так что Петр, всегда прекрасно осведомленный обо всех политических делах Европы, наверняка знал и о планах Герца.

А Вольтер утверждает, что Герц лично встречался с Петром и согласовал с ним план заговора.

Советские исследователи петровского времени, например, Н. И. Павленко и Л. А. Никифоров, вообще обходят молчанием заговор Герца, как будто его и не существовало. Зато полковник НКВД В. С. Гражуль²¹ в своей монографии «Тайны галантного века. Шпионаж при Петре I и Екатерине II» утвердительно пишет об участии Петра I в заговоре Герца. Разумеется, все написать в 1945 г. он не мог, так что известная ему «подводная часть айсберга» для нас до сих пор остается тайной.

Раскрытие заговора Герца и участие в нем Петра I серьезно испортили отношения царя с Англией и Данией. По русским источникам датчане стали обвинять Петра, что он-де ведет сепаративные переговоры с Карлом XII и посему медлит с десантом в Сканию. Мало того, царю приписали желание захватить Копенгаген. В датской столице по тревоге был поднят гарнизон. На валах стояла пехота, пушки находились в полной готовности.

Британский статс-секретарь Стэнгоп писал посланнику Тоунсенду: «Поистине я не вижу просвета в этих делах. Мы можем легко одержать верх над царем, если мы быстро приступим к делу... но вы сами можете судить, как далеко Швеция сможет тогда тревожить нас в Британии. Если царь будет оставлен в покое, он не только сделается хозяином Дании, но, имея войска позади, на границах Польши, он сможет расположиться где пожелает в Германии»²².

Английский король Георг I прислал приказ командующему британской эскадрой Норрису овладеть русскими кораблями и самим царем и не отпускать Петра до тех пор, пока рус-

²¹ Гражуль Вениамин Соломонович (Семенович) (1899–1965). С июля 1924 г. работал в ОГПУ. В 1930-х годах – разведчик-нелегал ИНО в Голландии, Франции и Германии. В 1937 г. вместе с генералом Н. В. Скоблиным организовал в Париже похищение главы РОВСа генерала Е. К. Миллера. С 1943 г. на преподавательской работе.

²² Цит. по: Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 141.

ские войска не уйдут из Дании и Германии. Однако, придравшись к формальностям в королевском приказе, адмирал Норрис отказался выполнить его. А британский кабинет оперативно объяснил королю, что вследствие разрыва с царем в России будут арестованы английские купцы и пресечется столь выгодная для Англии торговля.

Таким образом, до вооруженного конфликта между союзниками дело не дошло. Но русским войскам пришлось покинуть Данию и Северную Германию и отойти в Польшу.

На мой взгляд, уход из Дании был не поражением России, а, скорее, ее успехом. Неудача постигла лишь европейские амбиции царя. Русская же армия и гребной флот имели реальную возможность занять всю Финляндию, а оттуда уже нанести удар по собственно Швеции, что и было сделано в ближайшие месяцы.

Осенью 1717 г. английские правящие круги были не на шутку напуганы слухами о том, что множество сторонников Иакова Стюарта находятся в Курляндии, а также будто бы заключен брачный договор между претендентом и герцогиней Курляндской Анной Иоанновной²³, овдовевшей племянницей Петра I.

10 мая 1718 г. ганноверский резидент Вебер (единственный в то время представитель Георга I в России) просил канцлера Головина выслать из России эмиссара претендента Стерлинга, который находился у царского лейб-медика Эрскина, а также видного якобита Д'Ормонда, который пытался вести переговоры о браке Анны Иоанновны с Иаковом Стюартом.

Статс-секретарь Крэггс в сентябре 1718 г. заявил царскому дипломату и разведчику Аврааму Веселовскому, что величайшее препятствие к установлению истиной дружбы и тесного союза между Россией и Англией состоит в том, что эмиссары претендента находятся в России и пользуются там доверием, а якобиты в Англии открыто заявляют, что Петр I их поддерживает. Крэггс уверял, что, не будь этого, английское правительство готово было бы всячески укреплять дружбу с Россией.

Дипломаты Петра выкручивались, как могли. Мол, царь не имеет никаких намерений оказывать помощь претенденту, что он даже и не знал о пребывании Д'Ормонда в Курляндии, причем указывали, что эта страна не является русским владением, и там лишь временно находятся русские войска, что царь желает больше всего восстановить прежнюю дружбу с Георгом I, предать забвению все прошлые несогласия и заключить соглашение об операциях против шведов. Что же касается пребывания у царского лейб-медика некоего Стерлинга, названного Вебером эмиссаром претендента, то его Петр I приказал для устранения подозрения выслать.

На самом деле Петр и Иаков состояли в переписке. Якобиты действительно вели переговоры в Митаве о браке Анны Иоанновны и Иакова. Десятки якобитов были приняты на русскую службу.

В мае 1718 г. на острове Сундшер Аландского архипелага начались переговоры русских и шведских представителей. Русским послам перед отъездом были вручены «Генеральные кондиции к миру». Они включали следующие условия: Ингрия, Карелия, Лифляндия с городами Ревель и Выборг остаются в вечном владении России. Финляндия будет уступлена Швеции. Граница должна проходить от Выборга по реке Кюмень на город Нейшлот²⁴ до старой русской границы. Мир должен быть заключен и с союзниками России. Представители союзных держав должны быть допущены на конгресс, а заключение с ними мирных договоров следует осуществить на разумных условиях. Были оговорены и условия компенсации Швеции взамен утерянных земель. Защищая интересы Пруссии и Польши, Петр был готов предоставить шведам свободу действий в отношении Ганновера и Норвегии, которая принадлежала Дании.

²³ Анна Иоанновна (1693–1740), дочь царя Иоанна Алексеевича, племянница Петра I, выдана замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, в 1711 г. овдовела. Русская императрица с 1730 по 1740 г.

²⁴ Ныне г. Савонлинна в Финляндии.

Шведскую делегацию возглавлял барон Генрих фон Герц, а русскую – А. И. Остерман и Я. В. Брюс.

К концу августа проект договора был все же согласован, и Петр его одобрил. За Россией закреплялись Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и часть Карелии с Выборгом. Занятая русскими войсками Финляндия и большая часть Карелии отходили Швеции. Государственный строй Речи Посполитой сохранялся. Россия обещала оказать помощь Швеции в возвращении Вердена и Бремена.

Карл XII настолько уверовал в положительный исход переговоров с русскими, что в октябре 1718 г. в очередной раз вторгся в Норвегию, решив поправить свои дела за счет Дании. Основные силы под командованием Карла двинулись к Фридрихсгаму²⁵, а северная армия генерала Армфельда – к Тронхейму.

30 ноября (11 декабря) 1718 г. во время осмотра осадных траншей под крепостью Фредриксхаль Карл XII был убит. По одной версии он был убит датской пулей, по другой – застрелен шведскими заговорщиками.

Карл XII не имел детей. Ближайшим наследником был сын его старшей сестры Карл Фридрих, герцог Голштинский, находившийся в войске при дяде во время смерти последнего. Однако шведский ригсдаг фактически произвел государственный переворот и избрал королевой младшую сестру Карла XII Ульрику-Элеонору. При этом королевская власть в Швеции была сильно ограничена. Герцогу Голштинскому пришлось бежать из Швеции, а барон Герц был казнен.

Со смертью Карла XII, который, как мы уже знаем, пытался лишить престола Георга I, исчезли серьезные препятствия к англо-шведскому военному союзу.

Английский резидент в Петербурге Джеймс Джефферис писал в своем донесении от 14 апреля 1719 г. в Лондон статс-секретарю Стэнгону, будто один из корабельных мастеров уверял его, что «проживи еще царь года три – у него будет флот в сорок кораблей от семидесяти до девяносто пушек каждый, да двадцать тридцати-сорока-пушечных фрегатов, построенных здесь и как нельзя лучше... Предоставлю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море. Скажу, что давно пора отозвать этих мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих, все они британские подданные. Трое из мастеров признаются такими плотниками, что лучше и в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что они возвратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь».

Джефферис предлагал издать суровый указ против тех англичан, которые не возвратятся на родину, с тем, чтобы, ссылаясь на этот указ, английские мастера могли оправдать свой отъезд перед русским правительством.

Испугавшись усиления русского морского флота, Джефферис писал: «Не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утверждению царя на Балтийском море».

В конце мая – начале июня 1719 г. Джефферису прислали королевский указ, предлагавший британским подданным вернуться на родину. Резидент, не сообщив ничего русским министрам, стал тайно распространять этот указ среди англичан, живших в России, и лишь после этого передал тайному секретарю П. П. Шафирову мемориал на имя Петра I об отзыве на родину английских моряков-кораблестроителей. Джефферис требовал от русского правительства беспрепятственно отпустить англичан, находившихся на русской службе. Возмущенный враждебным мемориалом и наглым поведением Джеффериса, Шафиров заявил ему, что

²⁵ Ныне г. Хамина в Финляндии.

запрещение русским обучаться в Англии и королевский указ об отзыве мастеров являются враждебными актами по отношению к России, так как первый направлен исключительно против русских подданных, а второй имеет целью помешать развитию русского флота. Шафиров заявил, что королевский указ опоздал – русские уже научились кораблестроению. Царь Петр до конца кампании никого со службы не опустит. Дела же могут принять и иной оборот, так как «король не всегда будет располагать парламентом, настолько покорным, настолько готовым входить в его виды»²⁶.

Узнав о действиях английского правительства, Петр через канцлера Головина объявил крупному английскому купцу Годкинсу о запрещении ему с двумя товарищами выезжать из России. Это была ответная мера на запрещение русским обучаться в Англии.

Джефферис поинтересовался у Шафинова о причинах запрещения Годкинсу выезда из России, на что Шафиров заявил, что царь задержит не только Годкинса, но и остальных английских купцов. Он настаивает на том, чтобы ученики закончили срок обучения, предусмотренный контрактами.

Уже тогда самым серьезным аргументом британских дипломатов был королевский флот. И вот в конце июня 1719 г. английская эскадра адмирала Норриса в составе двух 80-пушечных, двух 70-пушечных, трех 60-пушечных, трех 50-пушечных, одного 40-пушечного, одного 20-пушечного²⁷ и двух легких кораблей прибыла в Зунд.

7 июля для выяснения намерений англичан Петр послал к Норрису поручика Н. Ф. Головина на фрегате «Самсон» под командованием К. Зотова в сопровождении корабля «Ягудиил» и пинка «Принц Александр».

Капитан Зотов передал адмиралу Норрису декларацию, в которой говорилось, что Россия не препятствует коммерческому плаванью по Балтийскому морю, но с условием, чтобы на торговых судах не доставлялось шведам военной контрабанды.

Английский адмирал вежливо принял Зотова. 11 июля он передал письмо царю, где говорилось: «...надеюсь на сохранение доброго согласия между нашими государями. Потому с крайнею покорностию приемлю смелость засвидетельствовать вашему величеству удивление мое насчет опасения, выраженного в письме вашем». Но в сентябре, когда еще царские уполномоченные Брюс и Остерман находились на Аландских островах, они получили на царское имя письмо из Стокгольма от английского посланника при дворе Картерета: «Король великобританский, государь мой, повелел мне донести вашему царскому величеству, что королева шведская приняла его посредничество для заключения мира между вашим величеством и короною Шведскою. Королева шведская приняла посредничество Великобритании потому, что эта держава никогда не принимала участия в Северной войне; уповаюсь, что это рассуждение принято будет и вашим величеством, что ваше величество соизволите повелеть пресечь все неприятельские действия в знак принятия посредничества и склонности к миру. Я прошу позволения донести вашему величеству, что король, государь мой, повелел кавалеру Норрису прийти с флотом к здешним берегам как для защиты торговли его подданных, так и для поддержания его медиации и что его величество вместе с королем французским и другими своими союзниками (между которыми находится и Швеция) принял меры, чтоб его медиация получила ожидаемый успех и чтобы в скором времени прекращена была война, которая так долго тревожила Север».

Такое внешне пристойное письмо заключало в себе откровенный шантаж – заключайте мир на шведских условиях или мы применим силу.

Историк Л. А. Никифоров писал: «Эскадра Норриса состояла из 11 кораблей и одного фрегата. Шведы имели всего лишь несколько плохо снаряженных кораблей. В то же время

²⁶ Сборник РИР. Т. 61. С. 538–539.

²⁷ 20-пушечный корабль был, скорее всего, фрегатом и попал в список кораблей по ошибке.

английскому правительству было известно, что у русских имелось 22 корабля и четыре фрегата...

Силы Норриса даже в соединении с наличными силами шведского флота считались в Англии недостаточными для того, чтобы рискнуть на открытое сражение с русскими. Это в первую очередь сознавал Стэнгоп, желавший уничтожить русский флот....

Английский флот вынужден был задержаться у Копенгагена в ожидании подкреплений. В результате русские армия и флот смогли не только успешно осуществлять десанты на шведскую территорию, но и захватывать торговые суда, направлявшиеся с контрабандными грузами в Швецию. Русская эскадра, крейсировавшая у острова Готланд, захватила в этом году 24 судна, главным образом британские и голландские»²⁸.

Все из вышесказанного правда и в то же время «липа». На самом деле часть из 22 русских кораблей была не достроена, и Норрис с одиннадцатью кораблями и тремя фрегатами был опасен для Петра.

Тем не менее появление английского флота в Балтийском море практически не повлияло на действия русского флота. Русское командование решительно приступило к исполнению задуманного плана.

В чем же дело? В авантюризме русских адмиралов? Нет, дело в географии. Шхеры Балтийского моря обеспечивали переход гребного флота от Кронштадта до Стокгольма вне досягаемости парусного (как тогда говорили, корабельного) флота. Лишь в четырех пунктах, в том числе у Гангута, парусные корабли могли перехватить гребные суда.

Русский же корабельный флот был после появления англичан на Балтике собран в Ревеле, где и находился под защитой береговых батарей.

В итоге летом 1719 г. русский галерный флот адмирала Ф. М. Апраксина высадил несколько десантов на шведскую территорию. Русские войска действовали на расстоянии 25–30 верст от Стокгольма. Десант уничтожил город Норричёпинг и несколько чугунолитейных заводов в его окрестностях.

Не менее успешно действовал отряд генерал-майора Ласси. Он шел северным фарватером вдоль берега, высаживая десанты в Эстхаммаре и Эрегрунде и уничтожая литейные заводы. 20 июля 1719 г. у Капеля в 7–8 км от города Форсмарка русский десантный отряд численностью 1400 человек вступил в бой с равным по численности шведским отрядом. Шведы окружили себя завалами и открыли огонь, но, не выдержав атаки русских, бежали, бросив три пушки.

25 июля Ласси высадил десантный отряд (2400 человек) для уничтожения железоплавильного завода Леста-Брука.

Адмирал Норрис получил подкрепление в виде восьми кораблей, но вынужден был попрежнему оставаться наблюдателем погрома, учиненного галерным флотом.

Лишь приближение холодов и ледостава заставили русский галерный флот уйти на зимовку в финский порт Або.

Верная своей вековой традиции воевать чужими руками, Англия попыталась натравить на Россию Пруссию и Речь Посполитую. В мае 1719 г. с этой целью в Берлин отправился Витворт, считавшийся одним из лучших английских дипломатов того времени. Он должен был уверить прусского короля Фридриха Вильгельма в дружбе и обещать ему закрепление Штеттина за Пруссией по мирному договору. Ну а польским панам Лондон отправил 60 тысяч злотых. Однако задираться с Петром Великим желающих не нашлось ни в Берлине, ни в Варшаве.

Напрасными оказались и призывы к Франции. Стэнгоп требовал, чтобы Франция оказала Швеции помощь против России. В итоге под давлением Англии и вопреки Амстердамскому договору 1717 г. Франция послала шведам 300 тысяч крон.

²⁸ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 206–207.

29 августа 1719 г. был подписан предварительный договор между Англией и Швецией. Договор этот предусматривал выплату Англией денежных субсидий Швеции и установление свободы британской торговли на Балтийском море. Основное содержание договора заключалось в четырех секретных статьях:

1. Гарантия ранее заключенной прелиминарной конвенции Швеции с Ганновером, включая уступку Швецией Бремена и Вердена.

2. Уступка Пруссии Штеттина и округа между Одером и Пене, а также островов Узедом и Воллин за уплату двух миллионов крон. Короли Швеции и Великобритании обязались гарантировать договор, который должен быть заключен между Пруссией и Швецией. Уступка Пруссии была сделана на условии принятия ею обязательства не оказывать помощи России против Швеции ни прямо, ни косвенно.

3. Английский король не ограничится «Добрыми услугами», но окажет помощь Швеции в борьбе против России, если Петр I откажется принять английское посредничество и будет продолжать вести войну против Швеции.

Испугавшись осенних штормов на Балтике, эскадра Норриса 20 октября 1719 г. вернулась в Англию «несолоно хлебавши».

В следующем, 1720 г. Лондон опять отправил в Варшаву круглую сумму. Ясновельможные паны деньги охотно взяли, но воевать опять не пожелали.

В середине февраля 1720 г. в портах Чатам и Дептфорд началось вооружение новой эскадры адмирала Норриса для действий на Балтике. На сей раз в ее составе должно было быть 30 судов, а численность их команд превышала 9 тысяч человек.

16 апреля 1720 г. Норрис с эскадрой из 21 корабля и 10 фрегатов и более мелких судов вышел из Нора и 12 мая прибыл в Швецию. Вместе с эскадрой в Швецию пришло более шестидесяти торговых судов с различными товарами, необходимых для Швеции.

По инструкции Норрис должен был действовать совместно со шведами для отражения русского вторжения и в целях заключения «справедливого и разумного мира».

8 мая Норрис издал приказ по эскадре: «Во всякое время, когда вы нагоните какие-либо русские суда, вы должны принять все меры, чтобы захватить, потопить, сжечь или каким-либо иным способом уничтожить их»²⁹.

Между тем в конце апреля 1720 г. русский галерный флот вышел из Або и направился к западным островам Аландского архипелага. В его составе было 105 галер (из них 19 конных³⁰), 110 островных лодок и 8 бригантин. На гребных судах находился десант (24 119 человек).

24 октября от галерного флота отделился отряд бригадира Менгдена в составе 35 галер (в том числе 9 конных). На галерах находилось 6120 солдат пехотных полков и 162 казака. Пройдя шхерами до Васы, этот отряд пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубившись более чем на 30 км, разорил шведские магазины и захватил торговые суда. 8 мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

Английский флот прибыл в Швецию только 12 мая. Объединенный английский и шведский флот двинулся к берегам России, даже не подозревая, что русские войска хозяйничают за его спиной на побережье Швеции.

В конце мая 1720 г. англо-шведский флот появился у Ревеля. Английский флот имел 18 кораблей (от 50- до 90-пушечных), три фрегата, два бомбардирских судна и один брандер. Шведский флот состоял из семи кораблей (от 64- до 70-пушечных), пинка, бомбардирского судна и двух брандеров.

²⁹ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 210.

³⁰ Первоначально эти галеры назывались «для лошадей», но уже в 20-х годах XVIII века появился термин «конные галеры».

В Ревеле находился сильный гарнизон, а местное население вооружилось личным оружием и ружьями, выданными губернатором. Вражеский флот встал на якорь в трех милях от города. Адмиралу Норрису немедленно был послан запрос от командующего русским флотом адмирала Апраксина, с какой целью прибыл английский флот. Норрис ответил на имя царя, но Апраксин, не имея полномочий принимать письма на имя царя, не взял его. Норрис был вынужден объясняться непосредственно с Апраксиным. В письме он написал, что приход английского флота на Балтику совершен исключительно с целью посредничества в переговорах России и Швеции. Между английским и русским адмиралами завязалась длительная переписка.

В это время англичане и шведы занялись промерами глубин между островами Наргеном и Вульфом с целью выяснения возможности высадки десанта. Один союзный отряд был высажен на остров Нарген, где сжег «избу да баню, которые сделаны были для работных людей». Этой «операцией» и закончилась деятельность британского флота у Ревеля. 2 (13) июня 1720 г. Норрис получил неожиданное известие о нападении русского десанта Менгдена на шведское побережье. Союзный флот вынужден был спешно возвращаться к Стокгольму.

В итоге в 1720 г. повторилась прошлогодняя ситуация. Англичане опять стали свидетелями погрома Швеции русским галерным флотом. Так, 24 июля 1720 г. русская флотилия под командованием М. М. Голицына (61 галера, 29 островных лодок, 10 941 человек десанта) вышла к Аландскому архипелагу. Недалеко от острова Лемланд к тому времени уже находились две шведские эскадры. Одной командовал вице-адмирал К. Шёблада (1 корабль, 2 фрегата, 2 галеры, 1 галиот, 2 шхербота); второй командовал К. Вахмейстер (3 корабля, 12 фрегат, 8 галер, 2 бригантины, 3 шхербота, 1 галиот, 1 шнява и 1 брандер).

На плесе Гренгам произошло большое сражение. Русские галеры пошли на abordаж вражеской эскадры. В ходе Гренгамского боя русскими были захвачены фрегаты: «Венкер» (30 пушек), «Данск-Эрн» (18 пушек), «Кискен» (22 пушки) и «Стор-Фенис» (34 пушки).

Шведы потеряли 103 человека убитыми, и 407 человек было опалено раскаленными газами при стрельбе из пушек, что свидетельствует о стрельбе в упор – борт к борту.

Шведские фрегаты были отведены в Ревель, а в августе 1720 г. – в Кронштадт, откуда их торжественно ввели в Неву. Затем они несколько лет служили в русском флоте под прежними названиями. Гренгамским сражением закончилась кампания 1720 г.

Британское правительство отклонило просьбу шведов оставить эскадру адмирала Норриса на зимовку в Балтийском море. В октябре 1720 г. эскадра ушла в Англию.

Шведам ничего не оставалось, как заключить мир с русскими. 31 марта (10 апреля) 1721 г. начались мирные переговоры в городе Ништадте (ныне город Усикаупунки). Однако шведы продолжали упрямяться. Они по-прежнему надеялись на Англию.

И действительно, 13 (24) апреля 1721 г. английский флот из 25 кораблей и 4 фрегат под командованием адмирала Норриса отправился на Балтику. В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм.

Из-за присутствия британского флота Петр решил отправить к берегам Швеции только часть галерного флота под командованием П. П. Ласси. Корабельный же флот занял оборонительное положение. Шесть кораблей находились в Ревеле, а остальные – у острова Котлин.

Отряд Ласси состоял из 30 галер, 9 островных лодок, 33 шлюпок и одного бота, на борту судов находилось 5 тысяч солдат пехотных полков и 450 казаков.

Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40 шведских каботажных судов. Был разрушен один оружейный и двенадцать железообрабатывающих заводов, сожжено три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее борьбу.

30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор. Швеция уступала России на вечные времена завоеванные русским оружием провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Муху, а также все острова Финского залива. К России отходила и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Замечу, что Ништадтский мир никто не отменял, так что формально он действует и поныне.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX–XI веках, и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Историк С. М. Соловьев справедливо отметил, что «только новые трехлетние бедствия выиграла Швеция от английского союза». Щедрое обещания, подслащенные взятками, которые раздавала британская дипломатия в Швеции, были забыты. Так что Швеции пришлось согласиться на гораздо более худшие условия мира, чем те, которые Петр был готов дать ей в 1718 г. и в начале 1719 г.

Английский историк Чанс говорил о Георге I, что, будь король частным лицом, он своими действиями по отношению к Швеции в 1719–1721 гг. заслужил бы эпитеты грабителя и обманщика³¹.

Заканчивая рассказ о взаимоотношениях России и Англии в царствование Петра Великого, стоит упомянуть о попытке присоединения англиканской церкви к православию.

Дело началось с прибытия в Англию для сбора милостыни православного фиваидского архиепископа Арсения. Он провел много времени в дебатах с рядом английских епископов, которые высказали желание соединиться с православием. Эти епископы составили обращение к константинопольскому патриарху Иеремии III, прося принять их в общение, без отмены различий в учениях. Речь шла о непризнании ими обязательности определений Вселенских соборов наравне со Священным Писанием, отрицании поклонения Пресвятой Богородице, молитвенном обращении к ангелам и святым, почитании икон и пресуществлении святых даров в таинстве евхаристии.

Архиепископ Арсений, прибыв позже в Россию, заинтересовал этим предложением англиканских епископов Синод и самого Петра I.

Однако константинопольский и антиохийский патриархи, рассмотрев заявление англиканских епископов, составили в 1721 г. следующий ответ. Патриархи высказали, что православная церковь при принятии в обществе «кафолического останка Британии» не может сделать никаких уступок, что принятие в общение с нею возможно только под условием принятия всего ее вероучения и всех постановлений и определений Вселенских соборов.

Англиканские епископы переписку с патриархами продолжили. Они отправили на восток через Россию свои объяснения, а русских снова просили о содействии. В 1723 г. синод, уведомляя об отсылке их объяснений восточным патриархам, сообщал им, что царь Петр советует им прислать в Петербург двух богословов для рассуждения о трех пунктах англиканского вероучения, из-за которых выходит разногласие.

Вслед за этим синод отправил епископам ответ патриарха Иеремии и других патриархов. В ответном послании высказывалось кратко, что православная церковь, содержащая учение веры, определенное на Вселенских Соборах так, как оно преподано самими апостолами, не может сделать никаких уступок англиканским епископам. При послании епископам было проведено «Изложение православной веры» Иерусалимского собора 1672 г., направленное

³¹ J. F. Chance. The Northern Policy of Georg I to 1718 (Transaction of the Royal Historical Society, new ser. Vol. XX. P. 106).

против протестантов. На этом и прекратились все сношения. Предполагавшиеся в Петербурге переговоры не состоялись из-за последовавшей в 1725 г. смерти императора Петра Великого.

Глава 5. От Северной войны к Семилетней

К моменту окончания Северной войны дипломатические отношения между Россией и Англией были прерваны. Английский представитель был отозван из России, а русский резидент выслан из Лондона.

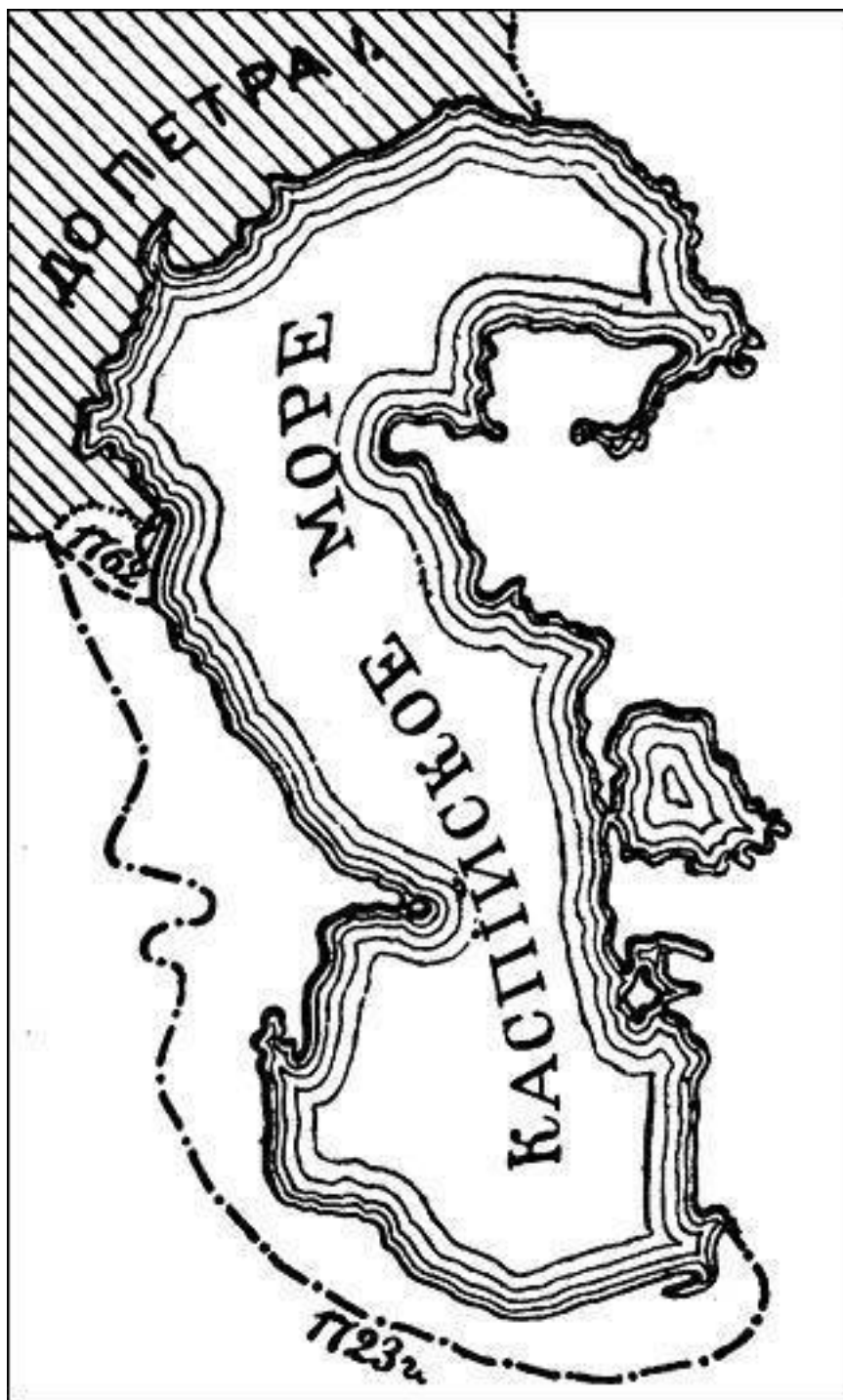
Петр не любил прощать обид, особенно когда они были нанесены не ему лично, а государству. Русские дипломаты в Париже и Мадриде выступили в поддержку Иакова Стюарта.

В апреле 1722 г. поверенный претендента Томас Гордон сообщил Петру, что, по всем сообщениям из Англии, народ там терпит большие лишения от настоящего министерства, и все страстно желают восстановления на престоле законного короля. «Истинно доношу, – писал Гордон, – что они требуют только помощи в 6000 человек войска с оружием еще на 20 000 человек и с амунициею, соответствующею этому числу. Если это великое дело исполнится с помощью вашего императорского величества, то не только увенчает бессмертною славою все великие деяния вашего прехвального царствования, но и будет содействовать счастливому окончанию последующих ваших предприятий. Для отправления русских войск, ваше императорское величество, по своей высокой мудрости соизволите указать такое место, где бы можно было это сделать с наибольшею тайною, ибо счастливый исход дела преимущественно зависит от тайны. При проходе кораблей и транспортов через Зунд надобно распорядиться так, чтобы они были свободны от посещения датских офицеров для осмотра и взимания пошлины: и когда войска благополучно достигнут назначенного места в Британии, то военные корабли и транспорты должны возвратиться, не теряя ни минуты времени, чтобы неприятель не захватил их в свои руки»³².

В июне того же года претендент король Иаков писал Петру, что у него не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность за доброе расположение, оказываемое ему императором столь долгое время. «Чувства, столь достойные его императорского величества, могут только привлечь к нему новые благословения неба и доставить имени его еще большую славу в Европе, ибо поддержанием правого дела Стюартов он может установить прочный мир в Европе». При этом Иаков прислал план высадки русских войск в Англии и просил как можно скорее привести этот план в исполнение.

Однако десант в Англию так и не состоялся, поскольку Петр был занят походом в Персию. 18 июля 1722 г. большая русская флотилия вышла из Астрахани, а сухим путем в Персию пошла конница. Русские овладели Дербентом, Баку и Рештом. В 1724 г. с персидским шахом был заключен мир, по которому все западные и южные части побережья Каспия отходили к России.

³² Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 435.

Закаспийские земли, присоединенные к России в царствование Петра Великого

Видимо, Персидский поход и неудачная экспедиция князя Бековича-Черкасского в Среднюю Азию были элементами грандиозного плана проникновения в Индию. Увы, конкретные документы, раскрывающие планы Петра Великого на Востоке, равно как и на Западе, до нас не дошли. Видимо, они были уничтожены или до сих пор лежат в архивах под грифом «сов. секретно».

Еще одним элементом этого плана стала попытка царя отправить русскую эскадру на Мадагаскар и далее в Индию. В 1721 г., вскоре после заключения Ништадского мира между Россией и Швецией, в Петербурге появился шведский адмирал Даниэль Вильстер. Он изъявил

желание поступить на службу в русский флот и представил Петру I проект некоей сверхсекретной экспедиции.

Вильстер подробно рассказал о планах шведской экспедиции на Мадагаскар. Дело в том, что в 1684 г. распалось «береговое братство» буканьеров Вест-Индии, и многие пираты Тортуги и Ямайки ушли в Индийский океан, организовав новое сообщество на Мадагаскаре и расположенном неподалеку от него острове Санта-Мария. В 1713 г. в Стокгольм прибыла пиратская делегация, искавшая покровительства шведской короны. Сенат принял пиратскую петицию, но решение по ней было отложено до возвращения с войны Карла XII. Обнадеженные разбойники вернулись на Санта-Марию, но совет капитанов признал их действия неудовлетворительными и постановил как можно скорее организовать на Мадагаскаре шведскую колонию. Для форсирования плана в 1718 г. в Европу отправляется сам «пиратский адмирал» Каспар Морган (не путать с «генералом пиратов Ямайки» Генри Морганом).

Пиратами заинтересовался уже известный нам барон фон Герц. Он собирался использовать их в своих планах борьбы с Англией. С подачи премьера Герца 24 июня 1718 г. Карл XII подписал охранное письмо, в котором Морган объявлялся наместником шведской короны на Мадагаскаре. Были назначены главные лица островной администрации и оговорены основные принципы управления колонией.

Начальником шведской экспедиции на Мадагаскар был назначен подполковник барон Карл Врангель. Однако, как мы уже знаем, Карла XII застрелили в Норвегии, а Герца повесили в Стокгольме, и экспедиция Врангеля не состоялась.

К мадагаскарским планам шведы вернулись уже при преемниках Карла XII королеве Ульрике-Элеоноре и ее муже Фридрихе Гессенском. В 1722 г. из Готенбурга вышла в Индийский океан вторая шведская мадагаскарская экспедиция. Командор Карл Ульрих вел эскадру из пяти военных кораблей, замаскированных под купеческие суда. Инструкции предписывали Ульриху не поднимать военных флагов и избегать захода в порты. В Кадисе эскадра Ульриха несколько месяцев стояла на якорях, ожидая прибытия пирата Моргана, который обещал привести шведов в тайную гавань пиратов на Мадагаскаре. Увы, Морган так и не явился, и Ульриху пришлось отправиться домой.

Петр I приказал готовиться к экспедиции на Мадагаскар в строжайшем секрете. Мало того, царь призывает отряды потом идти в Бенгалию.

21 декабря 1723 г. из Ревеля вышли два 32-пушечных фрегата – «Амстердам Галей» и «Декрон де Ливде» – с командами соответственно в 204 и 200 человек. Однако отряд не дошел даже до Датских проливов. 20 декабря в шторм на фрегате «Амстердам Галей» открылась сильная течь, и адмирал Вильстер приказал возвращаться обратно.

Петр тем не менее не отказался от своего намерения: поврежденные корабли по просьбе Вильстера были заменены фрегатами «Принц Евгений» и «Крюйсер», развернулись новые и более тщательные приготовления. Смерть императора стала концом Мадагаскарского проекта.

Лишь после смерти Петра Великого и восшествия 12 февраля 1725 г. на престол Екатерины I Англия направляет в Петербург своего резидента Джона Лена. Однако вскоре Лен был выслан из России. Тем не менее русское правительство издает в 1726 г. декларацию о разрешении англичанам торговать в России.

В царствование Анны Иоанновны произошло восстановление англо-русских дипломатических отношений в полном объеме. В конце 1731 г. русским резидентом при английском дворе был назначен поручик гвардии князь Антиох Кантемир.

В галантном XVIII веке смерть монарха почти в половине случаев вела к европейской войне. В январе 1733 г. саксонский курфюрст и по совместительству польский король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1 (11) февраля.

Первый министр Франции кардинал де Флёрі уже давно плел интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправил в Варшаву миллион ливров золотом. Замечу, что беглый король Стась жил во Франции и успел стать зятем короля Луи XV.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдет к его сыну Августу, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице австрийского императора Карла VI. Но прусский король Фридрих Вильгельм был категорически против. Тогда австрийский император предложил компромиссную фигуру португальского инфанта дона Эммануила. Посему поводу из Вены на подкуп радных панов было отправлено сто тысяч золотых.

В то время как в Варшаве шла эта бойкая торговля, из Петербурга к примасу была отправлена грозная грамота, в которой императрица Анна Иоанновна требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол.

14 августа 1733 г. Россия и Саксония заключили военный союз, целью которого было возведение на польский трон нового саксонского курфюрста. Обе стороны понимали, что дело не обойдется без войны, поэтому в тексте договора содержались следующие условия: «... выставляя вспомогательное войско: Россия – 2000 кавалерии и 4000 пехоты, а Саксония – 1000 пехоты и 2000 кавалерии; курфюрст признает за русской государыней императорский титул, а по достижении польской короны будет стараться, чтоб и Речь Посполитая сделала то же самое; обе стороны пригласят к союзу Пруссию, Англию и Данию».

Между тем из Лондона князь Кантемир доносил: «Нынешнее министерство всеми средствами старается сохранить внутри и вне государства тишину, которую английский король парламенту своему и в прошлом, и в нынешнем году обещал; поэтому я не надеюсь, чтоб против французского двора английский король захотел поступить открыто»³³.

Кантемир предложил английским министрам, что для сохранения спокойствия в Европе Англии и России нужно прийти в тесное согласие. На что министры от имени короля ответили о желании Англии заключить союз с Россией.

Теперь уже Россия просила Англию послать в Балтийское море свою эскадру для противодействия французскому флоту. Однако англичане тянули время.

Между тем в августе 1733 г. Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей, трех фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуан де ля Люзерна. Официально считалось, что эскадра будет конвоировать корабль «Le Fleuron», на котором в Польшу прибудет Станислав Лещинский. Однако в ночь с 27 на 28 августа 1733 г. в Бресте на борт «Le Fleuron» поднялся граф де Трианж в костюме короля Стася, а сам король отправился сушей инкогнито.

В плохую погоду суда эскадры разделились, но в сентябре они постепенно собрались в Копенгагене. Узнав о том, что Станислав избран королем в Варшаве, Людовик XV приказал ля Люзерну возвращаться назад, а де Трианжу кончать маскарад. 22 октября французская эскадра подняла якоря и отправилась из Копенгагена в Брест.

Увы, французский король слишком плохо знал и поляков, и русских. Судьба польского короля была решена не в Варшаве 11 сентября, а в Петербурге 22 февраля 1733 г. на секретном совещании, собранном по приказу императрицы Анны Иоанновны. Совещание приняло решение об интервенции в Польшу, то есть о введении туда «ограниченного контингента» войск в составе 18 полков пехоты и 10 полков кавалерии.

Луи решил помочь полякам, и 30 апреля в Данциг прибыли два французских корабля, три фрегата и отряд транспортных судов с десантом в виде Перигорского полка.

³³ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 360.

Говорят, что командующий русскими войсками граф Бурхард Миних³⁴, узнав о высадке французов, изрек: «Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд». Так и случилось. В июне того же года гарнизон Данцига сдался, вместе с ним сдались Перигорский полк и фрегат «Брильянт». Остальные суда своевременно ушли.

Надобность в британской эскадре отпала.

25 декабря 1734 г. в Кракове состоялась коронация Августа III, а Станислав Лещинский уехал из Кёнигсберга во Францию и больше не возвращался в Польшу.

Зато в Европе из-за Польши началась большая война. Людовик XV объявил войну австрийскому императору Карлу VI. Францию поддержали Испания и Сардинское королевство. Союзники захватили районы Неаполя и Милана, Сицилию и Ломбардию.

Две французские армии двинулись в Германию. Ряд германских государств (Бавария, Майну, Кёльн, Пфальц и др.) приняли сторону Людовика XV. Французы заняли Лотарингию, овладели Келем и Филипсбургом.

Австрия срочно попросила Россию о помощи. 8 июня 1735 г. двенадцатитысячная русская армия под командованием Ласси двинулась из Польши в Силезию и далее к Рейну на соединение с австрийской армией принца Евгения Савойского.

Появление русской армии на Рейне вызвало шок в Париже и смешанные чувства в Лондоне. С одной стороны, русские и австрийцы побили главного соперника Англии в XVIII веке. А с другой стороны, Россия стала играть чересчур большую роль в Европе, что совсем не устраивало Альбион.

Чтобы добиться отправки британской эскадры на Балтику, русское правительство решило задобрить Сити и в 1734 г. дало разрешение англичанам торговать с Персией, плавая по Волге к Каспийскому морю.

Английские купцы в 1738 г. уже имели фактории в персидском порту Гиляне. Замечу, что по приказу Анны Иоанновны в 1735–1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент.

В 1737 г. в Оренбурге появился английский капитан Джон Элтон, где стал заниматься «астрономией». Там «просвещенный мореплаватель» завел дружбу с астраханским губернатором Василием Татищевым и в 1742 г. отправился на Каспий сделать какие-то губернаторские гешефты. Позже Татищев оправдывался: «...якобы я с английским капитаном Элтоном, который в Персии, общий торг имею»³⁵. За Элтона и другие хищения Татищев был снят с должности губернатора и отдан под суд.

Ну а капитан Элтон вместе с другим англичанином – Воордоорфом – в 1742–1744 гг. проплыл вдоль берегов Каспия и произвел картографические съемки. Мало того, он предложил персидскому шаху Надыру строить на Каспии корабли «европейского маниру». Шах радостно согласился, и Элтону удалось построить два военных корабля.

Императрица Елизавета Петровна была крайне возмущена деятельностью англичан на Каспии. 24 апреля 1746 г. «при докладе об иностранных делах она рассуждала, что английские купцы действуют в Персии так, что для России могут быть от этого дурные следствия, что они там уже построили два корабля и еще строить хотят, а для России было бы очень вредно, если бы у персиян заведен был флот. Англичанам позволено торговать с Перисею через Россию; но от этой торговли велика прибыль только англичанам, а здешней империи, особенно купцам и

³⁴ Миних родился 9 мая 1683 г. в княжестве Ольденбург (Германия) в деревне Нейнгунторф в крестьянской семье, многие поколения которой строили водяные мельницы и каналы. С детства Миних проявил любовь к математике и в 16 лет поступил инженером во французскую армию. Приняв активное участие в войне за Испанское наследство, после окончания войны в 1716 г. Миних отправился в Польшу на службу к королю Августу II, где получил чин генерал-майора. В 1720 г. он получил предложение Петра I занять должность генерал-инженера. В феврале 1721 г. Миних прибыл в Петербург. Миних неутомимо строил крепости, шлюзы, каналы. О нем Петр I говорил: «В службе у меня еще не было такого иностранца, который бы так умел приводить в исполнение великие планы, как Миних». В 1728 г. Миних стал графом Российской империи и генерал-аншефом.

³⁵ Соловьев С. М. Сочинения. Т. XI. С. 318.

фабрикантам, помешательство и убытки происходят; очень жаль, что такое позволение дано, и всеми мерами надобно эту английскую торговлю прекратить. Канцлер [А.П. Бестужев] отвечал, что такие известия и в коллегии Иностранных дел получены, что один военный корабль в Персии построен, а другой заложен и что в этом один из англичан, недобрый человек, именем Элтон, упражняется, а беглые из России разбойники помогают; от коллегии английскому двору сделаны представления, чтоб этот Элтон вызван был из Персии, и объявлено, что если он вызван не будет, то и торговля англичан с Персией вся пресечена будет. От английской компании к этому Элтону писано, чтоб выехал из Персии, за что обещана ему погодная пенсия по смерти до 2000 рублей; но он, несмотря на то, оттуда не едет, а иначе поступить с ним английскому двору нельзя, ибо известно, что английский народ вольный»³⁶.

Торгующие с Персией англичане держали на Каспии два собственных корабля. Однако англичане погрузили на них большое число парусов и такелажа, купленных в России. Понятно, что это все предназначалось для строительства персидских военных судов. Замечу, что Россия со времен царя Алексея Михайловича и, по крайней мере, до 1917 г. не допускала строительства персидских военных судов на Каспии.

Посему императрица Елизавета Петровна приказала: английские суда в Астрахани задержать. Ходить в Персию им было запрещено, англичанам предложили возить в Персию свои товары на русских судах, а свои суда продать русским купцам.

Елизавета изволила заметить: «... так как эта коммерция для здешней империи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправлении этого дела надобно прилагать старания, а лучше эту коммерцию отклонить и вовсе прекратить».

В августе 1746 г. этот вопрос вновь встал, так как было получено известие, что один персидский корабль с пушками, уже достроенный и оснащенный, подошел к Дербенту и потребовал от русских судов салютовать ему, «а командир и его команда били и другие озлобления делали русским купцам». Елизавета попеняла Бестужеву, что все это происходит из-за того, что англичанам разрешено торговать с Персией через Россию, а когда у персиян появится морской флот, станет еще хуже. «И потому английскую коммерцию в Персию теперь непременно пресечь и английскому послу о том объявить; а каким бы образом это заведенное у персиян строение судов вовсе искоренить, о том в Сенате вместе с коллегиею Иностранных дел советоваться и меры без упущения времени принимать»³⁷.

20 июня 1747 г. в военном лагере под Хабушаном (Харосаном) заговорщики ночью прокрались в опочивальню Надир-шаха и закололи его кинжалами. Бестужев, докладывая императрице о смерти шаха, предложил послать в Гилян русские войска «на помощь персиянам против турок в случае внезапного нападения последних»³⁸. Канцлер повторил свое прежнее предложение «о сожжении построенных в Персии кораблей и о захвачении Элтона».

21 августа Елизавета приказала пригласить в коллегию Иностранных дел для обсуждения персидских дел и разработки плана действий генерала графа Румянцева, генерал-прокурора князя Трубецкого, генералов Бутурлина, адмирала Апраксина и тайного советника барона Черкасова.

27 августа этот совет постановил: «1) удостовериться в смерти шаха Надира; ... 5) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилянским берегам до 1000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк; 6) воспользоваться смутою в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся,

³⁶ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 438.

³⁷ Там же. С. 439.

³⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 479.

сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать. Если б это не удалось, можно тем командирам, которые на судах с продажным хлебом к гилиянским берегам будут отправлены, поручить, чтоб они как на походе в море, так и в бытность при берегах всегда примечали и, где им персидские корабли попадутся, всячески старались если возможно, скрытно, а по нужде хотя и явно зажечь и таким образом сделать, чтоб они вовсе пропали; также командиры приложили бы старание, будучи там на малых судах, тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать»³⁹.

Императрица одобрила этот доклад, подписанный графом Алексеем Бестужевым.

Финал британской авантюры со строительством персидского флота на Каспии состоялся в октябре 1752 г. Канцлер Бестужев доложил императрице о награждении морских офицеров и служителей, которые в 1751 г. из Астрахани были посланы к персидским берегам и там тайно сожгли два корабля, построенные Элтоном. Елизавета велела каждого повесить на один чин и раздать им три тысячи рублей. Куда делся сам Элтон, установить не удалось.

В отличие от персидских дел, взаимоотношения Англии и России в Европе развивались довольно успешно. С 1741 г. там шла «война за австрийское наследство». 20 октября 1740 г. скончался император Священной Римской империи Карл VI Габсбург, не имевший наследников мужского пола. Однако еще в декабре 1724 г. он обнародовал так называемую «Прагматическую санкцию», согласно которой императорский титул должен был передаваться только членам семейства Габсбургов, причем даже по женской линии. И вот теперь австрийский престол должна была занять дочь Карла VI Мария-Терезия. Однако Мария была младшей внучкой императора Леопольда I, а старшая – женой баварского курфюрста Карла Альберта.

И вот в 1741 г. Карл Альберт начинает войну против Марии-Терезии, а в начале следующего года он объявляет себя императором Священной Римской империи Карлом VII.

Любитель баталий французский король Луи XV не мог удержаться от соблазна и послал войска на помощь Карлу VII. Его поддержал прусский король Фридрих II. Соответственно, главный противник Франции на море Британия приняла сторону Марии-Терезии.

20 января 1745 г. умер «параллельный император» Карл VII, тем не менее война за австрийское наследство продолжалась. 4 июля 1745 г. Фридрих II наголову разбил войска Марии-Терезии при Гогенфридберге, а затем разгромил Саксонию. В итоге в конце декабря 1745 г. между ним и Марией-Терезией был подписан сепаратный мир. Мария-Терезия уступала Пруссии Силезию, а Фридрих II за это признал ее супруга Франца I императором Священной Римской империи. С тех пор Пруссия держала нейтралитет в войне.

В декабре 1743 г. в Петербург вновь прибыл французский посол маркиз Шетарди. Он желал склонить императрицу к союзу с Луи XV. Маркиз дал взятку Лестоку, и лейб-медик стал «агентом влияния» Франции. Однако подкупить Бестужева не удавалось. 28 мая 1744 г. Шетарди писал в Версаль: «Совершенно невозможно договориться с Бестужевым, который охотно принес бы в жертву интересы России, если бы верил, что тем самым причиняет вред интересам Франции... Тот, кто руководит в России иностранными делами, – смертельный враг Франции»⁴⁰.

³⁹ Там же. С. 479–480.

⁴⁰ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М.: Наука, 1995. С. 42.

В свою очередь, Австрия выплатила канцлеру Бестужеву 6 тысяч дукатов, а британский кабинет добавил еще 10 тысяч рублей.

Так, благодаря огромной сумме, выплаченной вице-канцлеру, 22 мая (2 июня) 1746 г. в Петербурге был подписан секретный договор между Россией и Австрией (имеется в виду правительство Марии-Терезии). А 29 декабря того же года Елизавета Петровна собрала в Зимнем дворце совещание, на котором был составлен план кампании.

Тридцатитысячное русское войско, по мнению фельдмаршала Ласси, должно было действовать на Рейне вместе с союзниками. По плану кампании «войско должно было выйти из Курляндии и двигаться через Литву и Польшу на Краков в Силезию одной дорогой, разделяясь на три колонны, по маршруту, предложенному австрийским посланником бароном Бретлаком».

1 (12) июня 1747 г. в Петербурге канцлер Бестужев и британский посол лорд Джон Гиндфорт подписали «первую русско-английскую военную конвенцию». Согласно ее условиям: «Россия содержит на северной границе Литвы со стороны Балтийского моря и Лифляндии войско в 30 тыс. человек и 50 галер в течение года с целью недопущения польских и прусских сил на Балтику против союзной с Англией Швеции. Англия обязуется оплачивать содержание этих блокирующих сил из расчета 100 тыс. фунтов стерлингов ежегодно»⁴¹.

8 (19) ноября того же года персоны подписали «вторую русско-английскую военную конвенцию», согласно которой:

«Россия направляет на Рейн, в Германию (через Польшу и Саксонию), 30 тыс. русских солдат для службы в помощь английскому королю и Голландским Генеральным Штатам в течение двух лет.

Англия и Голландия обязуются помимо содержания этого экспедиционного корпуса у себя на пропитании в течение двух лет ежегодно уплачивать России по 300 тыс. фунтов стерлингов, считая время с момента выступления корпуса за русские границы и до возвращения его в пределы русских границ.

За пропитание корпуса при проходе Польши в оба конца Англия и Голландия уплачивают 300 тыс. фунтов стерлингов.

За пропитание корпуса на зимних квартирах в Богемии – 200 тыс. голландских червонцев (гульденов)»⁴².

15 марта 1748 г. 37-тысячная армия В. А. Репнина выступила в поход. В германские порты на Балтике прибыли 60 русских галер для поддержки войск с моря и их снабжения. Войска должны были войти в район Рейна – Мозеля.

В июле русская армия вступила во Франконию. Людовик XV вновь не пожелал драться с русскими, и в апреле 1748 г. в Ахене (Аахене) открылся международный конгресс, результатом которого стало подписание 18 октября 1748 г. Ахенского мира. По его условиям был подтвержден Дрезденский мир 1745 года, то есть передача Силезии Пруссии. Три итальянских герцогства – Парму, Пьяченду и Гуастелу (Гвасталу) – Австрия передала испанскому инфанту Филиппу, а часть Миланского герцогства – Сардинии.

Ну а Россия? Россия получила дырку от бублика, конечно, если не считать удовлетворенных амбиций матушки Елизаветы Петровны.

В 1756 г. три милые дамы – Мария-Терезия, мадам де Помпадур и Елизавета Петровна – затеяли войну со зловредным Фридрихом II. Самое забавное, что у Фридриха не было ни малейшего желания ссориться с Россией, с которой у него не было ни спорных проблем, ни даже общей границы.

⁴¹ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995. Кн. I. С. 734.

⁴² Там же. С. 735.

Что же касается Англии, то ее короля Георга II гораздо более интересовало его наследственное владение в Германии – Ганновер, нежели сама «владычица морей». По приказу короля британские дипломаты дали взятку канцлеру Бестужеву-Рюмину, и тот 19 (30) сентября 1755 г. в Петербурге подписал так называемую «субсидную конвенцию» сроком на четыре года. По условиям этой конвенции Россия обязывалась в обмен на единовременную британскую субсидию в 500 тысяч фунтов стерлингов выставить 55-тысячный корпус и до 50 галер в случае нападения на Англию или ее союзников. Статья 5 распространяла обязательства России и на Ганновер. Конвенция предусматривала, что Англия должна выплачивать России по 100 тысяч фунтов стерлингов ежегодно на содержание русского корпуса на границе еще до начала военных действий – «диверсии». Но вот что интересно: из текста «субсидной конвенции» было неясно, против кого же она направлена.

О том, стоит ли какой-то Ганновер жизнью нескольких десятков тысяч русских солдат, ни Бестужев-Рюмин, ни сама Елизавета и не думали. Тем временем «скоропостижный» Фридрих узнал о «субсидной конвенции» и предложил Георгу II гарантировать безопасность Ганновера всего за каких-то 20 тысяч фунтов стерлингов, а в обмен потребовал военную помощь Англии в случае вторжения «иностранной державы» в Германию. В итоге 16 января 1756 г. Англия и Пруссия заключили Вестминстерскую конвенцию, фактически это был военный союз.

Ряд западных историков назвали 16 января 1756 г. днем «дипломатической революции». Действительно, рухнула вся система европейских союзов. Примирились Бурбоны и Габсбурги, враждовавшие с XVI века. 2 мая 1756 г. в Версале был заключен военный союз между Францией и Австрией.

Когда британский посол в Вене Кейт заметил Марии-Терезии, что союз с Францией есть нарушение прежних дружественных отношений Австрии и Англии, то императрица с жаром ответила: «Не я покинула старую систему; но Англия покинула и меня, и систему, когда вступила в союз с Пруссией. Известие об этом поразило меня как громом. Я и король прусский вместе быть не можем, и никакие соображения в мире не могут меня побудить вступить в союз, в котором он участвует. Мне нельзя много думать об отдаленных землях, пришлось ограничиться защитой наследственных владений, и здесь я боюсь только двух врагов: турок и пруссаков. Но при добром согласии, которое теперь существует между *обеими императрицами*, оне покажут, что могут себя защитить и что ничего им много бояться и этих могущественных врагов»⁴³.

Что же касается второй императрицы, то Елизавета Петровна, несмотря на протесты Бестужева, еще 14 марта 1756 г. разорвала «субсидную конвенцию» с Англией.

Русский и шведский флоты блокировали побережье Пруссии. И вот в начале 1758 г. в Англии по традиции стали собирать эскадру для похода на Балтику.

В апреле того же года русское правительство обратилось к Швеции с предложением «о немедленном по вскрытии вод соединении обоюдных наших флотов для действительного недопущения входа английской эскадры в Балтийское море». Швеция это предложение приняла и согласилась выделить для совместных действий 10 кораблей и 4 фрегата. Но из-за неготовности к выходу в море части кораблей и недостатка матросов Швеция дала всего лишь 6 кораблей и 3 фрегата.

С начала лета и до середины сентября 1758 г. эскадра адмирала З. Д. Мишукова в составе 24 русских кораблей, а также шведских 6 кораблей и 3 фрегатов простояла в ожидании британской эскадры, проводя досмотр проходивших Зундом коммерческих судов. Увы, англичане не появились на Балтике не только в 1758 г., но и в последующие две навигации. А «балтийская» эскадра была отправлена британским адмиралтейством в... Индийский океан.

⁴³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XII. С. 297.

Так вновь без единого выстрела закончился очередной конфликт России с туманным Альбионом.

Глава 6. Дипломатия Екатерины Великой

История британской дипломатии в России удивительно напоминает историю разведки. Любопытно, был ли хоть один британский дипломат в России, не занимавшийся шпионажем и спецоперациями? Во всяком случае, мне таковые не попадались. Не стал исключением и британский посол сэр Генбюри Вильямс. Прибывший в Петербург в 1755 г. дипломат знал, что главными орудиями вербовки агентуры являются деньги и женщины. Но в галантном XVIII веке Россией правили женщины. Как писал Максимилиан Волошин, «поэт не советский, но хороший»:

Пять женщин распухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.

Надо ли говорить, что Вильямс берет с собой в качестве «медовой приманки» не красотку, а красавца – 23-летнего Станислава Понятовского.

Секретарь посла юный Стась был сыном Станислава Понятовского и Констанции, урожденной Чарторыйской. Станислав старший, как и подавляющее большинство польских магнатов, не имел ни моральных принципов, ни политических убеждений, а действовал исключительно по соображениям собственной выгоды. Ради корысти он в начале века примкнул к королю Лещинскому и даже участвовал в Полтавском сражении, естественно, на стороне шведов. Затем Понятовский бежал вместе со шведским королем в Турцию, где они оба подстрекали султана к войне с Россией. Убедившись, что дело Лещинского проиграно, Понятовский поехал мириться с королем Августом II.

Последующей удачной карьере хорошо способствовала женитьба Станислава Понятовского на дочери Казимира Чарторыйского – литовского подканцлера и каштеляна Виленского. Сразу после смерти короля Августа II Стась попытался было пролезть в короли. По сему поводу русский посол в Варшаве Левенвольде отписал в Петербург: «...избрание королем Станислава Понятовского опаснее для России, чем избрание Лещинского».

Вскоре Понятовский сообразил, что королем ему не бывать, но удержаться от активной политической игры не смог, да и в придачу «поставил не на ту лошадь». В итоге Понятовский оказался в осажденном русскими Данциге вместе со своим давним приятелем Лещинским.

После утверждения Августа III на престоле Станислав Понятовский примкнул к «русской партии», возглавляемой Фамилией⁴⁴. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыйским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

Большую часть времени Станислав Младший проводил не в Польше, а в столице Саксонии Дрездене при дворе короля Августа III. Там юный плебей приглянулся сэру Генбюри Вильямсу – английскому послу при саксонском дворе. В 1755 г. Вильямса назначают английским послом в Петербурге, и он берет с собой двадцатитрехлетнего Станислава.

Вот как польский историк Казимир Валишевский характеризует новую звезду, появившуюся на петербургском небосклоне: «У него было приятное лицо... он был *gentilhomme* в полном смысле этого слова, как его понимали в то время: образование его было разностороннее, привычки утонченные, воспитание космополитическое, с тонким налетом философии... Он олицетворял собой ту умственную культуру и светский лоск, к которым она [Екатерина

⁴⁴ Многочисленный клан Чарторыйских в Польше стали называть Фамилией еще в 20—30-х годах XVIII века.

II. – А.Ш.] одно время пристрастилась, благодаря чтению Вольтера и мадам де-Севинье. Он путешествовал и принадлежал в Париже к высокому обществу, блеском и очарованием своим импонировавшему всей Европе, как и королевский престиж, на который еще никто не посягал в то время. Он как бы принес с собой непосредственную струю этой атмосферы и обладал как качествами, так и недостатками ее. Он умел вести искристый разговор о самых отвлеченных материях и искусно подойти к самым щекотливым темам. Он мастерски писал записочки и умел ловко вернуть мадригал в банальный разговор. Он обладал искусством вовремя умилиться. Он был чувствителен. Он выставлял напоказ романтическое направление мыслей, при случае придавая ему героическую и смелую окраску и скрывая под цветами сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизм, даже неисчерпаемый запас цинизма»⁴⁵.

Зная характер Елизаветы Петровны, Генбюри Вильямс не пропускал ни одного бала и ни одного маскарада. Однако все его попытки получить какое-либо влияние на императрицу были бесплодны. Как писал тот же Валишевский: «Его искательство перед Елизаветой было ей, по-видимому, очень приятно, но политически оказалось совершенно бесплодным. Когда он пытался стать на твердую почву переговоров, государыня уклонилась. Он тщетно искал императрицу, но находил лишь очаровательную танцовщицу минуэта, а иногда и вакханку. Через несколько месяцев он пришел к убеждению, что с Елизаветой нельзя говорить серьезно, и стал оглядываться кругом. Разочаровавшись в настоящем, он подумал о будущем. Будущее – это молодой двор.

Но опять-таки он наткнулся на фигуру будущего императора и, обладая ясным взглядом людей своей расы, с первого же раза решил, что он и тут лишь потеряет время. Его взоры остановились наконец на Екатерине... Вильямс подметил знаменательные шаги в сторону великой княгини, подземные ходы, приводившие к ней. Он быстро решил. Осведомленный придворными слухами о любовных приключениях, в которых фигурировали красавец Салтыков и красавец Чернышев, сам довольно предприимчивый, Вильямс попытался было пойти по этим романтическим следам.

Екатерина приняла его очень любезно, говорила с ним обо всем, даже о серьезных предметах, которые Елизавета отказывалась обсуждать, но она смотрела в другую сторону»⁴⁶. И тут-то Вильямс вспомнил о Понятовском.

Супруга наследника престола Екатерина была почти на три года старше Понятовского и уже родила сына Павла.

Позже Понятовский напишет о предмете своей любви: «...она недавно лишь оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, рот, как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорей высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятные тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом».

Надо полагать, что в антрактах между «шаловливыми играми» Стась и Като не переходили к игре в «крестики-нолики» или «морской бой». Таблица цифр – это цифровые коды, и цесаревна, как видим, совмещала функции Штирлица и Кэт, то есть сама собирала информацию и сама шифровала.

Сложные политические интриги заставили Вильямса в октябре 1757 г. покинуть Петербург, но Понятовский теперь уже в качестве саксонского посланника остался и в Петербурге, и

⁴⁵ Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 70.

⁴⁶ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XII. С. 69.

в постели цесаревны. Вскоре любовник потерял всякое чувство меры и был выслан Елизаветой Петровной из России.

Итак, русская цесаревна стала агентом британской разведки? На самом деле Екатерина сумела переиграть матерого британского разведчика. Она использовала деньги и влияние Вильямса в своих личных целях. Ну а шалопая Стася она сделала своей козырной картой, и не простой, а королем. И действительно, в августе 1764 г. Стась был выбран польским сеймом в короли под именем Станислава Августа IV.

Екатерина писала графу Н. И. Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали». Для обеспечения «свободного волеизъявления» панства еще в апреле 1763 г. в Речь Посполитую был введен «ограниченный контингент» русских войск. В сентябре русский посол в Польше князь Н. В. Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторьский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Примасу Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Россия и Пруссия сразу же признали нового польского короля. Англия, Франция и Турция тянули время, показывая свое недовольство результатами выборов. Король Луи XV, считавший Польшу чуть ли не своей провинцией, стал оказывать активную поддержку противникам короля Станислава Августа, посылая им деньги, оружие и офицеров-инструкторов.

Лондон же в очередной раз оказался в сложном положении. С одной стороны, враг его заклятого врага Франции должен был бы автоматически становиться другом Англии, но, с другой стороны, правящие круги Британии всегда были против любого усиления России.

Ну а Екатерина II хотела от короля Георга III того же, что и от сэра Вильямса – денег, но в куда большем объеме. 5 января 1764 г. английский посланник граф Бекингам на конференции с вице-канцлером объявил, что его правительство «никак не может дать России 500 000 рублей субсидии на текущие польские дела»⁴⁷. Козырем Екатерины было заключение нового торгового договора. Король тянул резину с субсидиями, а императрица – с договором.

Так, лорд Сандвич, заведовавший иностранными делами по северному департаменту, заявил русскому послу Грассу, что «в русском проекте есть два пункта, которых Англия никак не может принять: один пункт о Польше, другой – о Турции. Англия не может обязаться помогать России в случае войны последней с Турцией по своим существенным торговым интересам; не может также обязаться субсидиями для польских дел, потому что казна истощена последней войною [Семилетней. – А.Ш.], и таким обязательством нынешние министры возбудили бы против себя всенародный крик; а на все другие предложения императрицы в Англии охотно согласятся»⁴⁸.

В России активным сторонником союза с Англией был граф Никита Иванович Панин, руководивший коллегией Иностранных дел с 1763 по 1781 г. Его идеей-фикс был «Северный союз», или, как тогда говорили, «Северный аккорд».

Согласно плану Панина, союз северных не католических стран Европы должен противостоять союзу южных католических государств. Панин предлагал в тесном военно-политическом союзе Россию, Англию, Пруссию, Саксонию, Швецию и Данию против Австрийской империи, Франции и Испании.

Проницательная Екатерина с самого начала видела изъяны этого «академического проекта», но сперва помалкивала и пыталась использовать Панина и его идеи в своих целях, которые с 1762 г. полностью совпадали с интересами Государства Российского.

⁴⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. С. 379.

⁴⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XIII. С. 381.

Об отношениях с Англией в 1765 г. хорошо сказал С. М. Соловьев: «Содержанием отношений с Англией по-прежнему были бесплодные толки о союзе. Делали друг другу взаимные комплементы: Панин в заметках своих для императрицы называл англичан торгошниками, лавочниками; новый английский посланник Макартней, жалуясь на медленность переговоров, писал своему министерству, что не может быть иначе в стране, где все дело ведется в лавках, величайших коллегиями, и мелкими купцами, которых угодно называть членами комиссий. Это относительно торгового договора; что же касается политического союза, то Макартней нашел другого противника уже не в членах русских комиссий; он писал: “Король прусский не желает, чтоб русский двор имел других союзников, кроме него”»⁴⁹.

Наконец 20 июня (1 июля) 1766 г. в Петербурге граф Панин и английский посланник Джордж Макартней подписали договор о мире, дружбе и взаимной торговле. Что же касается «Северного аккорда», то он Лондону в принципе нравился, но там никак не хотели включить пункт о помощи России в войне против Турции. Тем не менее, Англия в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. занимала позицию крайне благожелательного к России нейтралитета.

В сентябре 1768 г. султан Мустафа III, считавшийся «тенью Аллаха на земле», объявил России священную войну. Екатерина II, занятая по горло Польшей, а главное, внутренними преобразованиями в империи, всячески оттягивала войну, и в 1765–1768 гг. пошла на ряд уступок султану. Однако, узнав об объявлении войны, императрица пришла в ярость. Из письма Екатерины к послу в Англии графу И. Г. Чернышеву: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла».

Ну а в своем тесном кругу императрица пригрозила «поджечь империю османов с четырех концов». Для реализации этого плана Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда.

Командованию русской эскадры Екатерина дала подробные наставления, где в числе прочего говорилось об отношениях с европейскими державами: «Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательна, и одна из дружественных наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут. Кроме того, имеем мы с великобританской короной трактат дружбы и коммерции, которым взаимная наша навигация в землях и владениях обеих сторон поставлена в совершенной свободе. Должно, кажется, было бы сих двух оснований к удостоверению нашему, что порты его британского величества будут отверсты эскадре нашей; но и затем еще, начиная экспедиции наши в Средиземное море, изъяснились мы откровенно чрез посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что дружественные, и как таковые снабжаемы всякой, по востребованию обстоятельств, нужной помощью»⁵⁰.

Отношение же к Франции совсем иное: «...а гавани их, кроме самой крайней нужды, обегать надобно, разве когда к спасению другого пути оставаться не будет»⁵¹.

Англичане любили воевать чужими руками и с большим удовольствием стравливали Россию с Людовиком XV. Кроме того, на внешнюю политику Лондона сильно влияла зависимость Англии от русской торговли. В 60—80-х годах XVIII века в русские порты ежегодно прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

В итоге в ходе первой турецкой войны 1768–1774 гг. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

⁴⁹ Там же. С. 447.

⁵⁰ Чичагов П. В. Записки. М.: Российский фонд культуры, 2002. С. 134.

⁵¹ Там же. С. 135.

Во время прохождения русских эскадр в 1769–1774 гг. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в порту Мак-Магон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

В ходе обеих русско-турецких войн (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.) Англия охотно продавала России оружие и военные корабли. В русской армии и флоте служили десятки, если не сотни английских офицеров. Среди них получили известность адмиралы: Нольс, Самуил Грейг, Ельфистон, Тревенен, Тет, Кроун и другие. А, к примеру, для войны в Архипелаге Россия купила в Англии два бомбардирских судна – «Молнию» и «Страшный».

Для войны с Турцией русскому флоту требовались тысячи мощных корабельных орудий. Между тем отечественные чугунолитейные заводы поставляли орудия весьма низкого качества. На службу принималось от 12 до 50 процентов (из разных партий) чугунных пушек, а остальные шли в брак. Увы, и принятые казенной (военной) приемкой пушки оставляли желать лучшего. Так, в Эландском сражении со шведами в июле 1788 г. наши корабли больше всего пострадали от действия... собственных пушек. Чтобы не быть голословным, процитирую донесение адмирала Чичагова: «...убито нижних чинов на корабле “С. Петр” 5 человек, да ранено 22 человека, но в сем числе большая часть убитых и раненых *от разрыву своей одной пушки...*

...Находившийся в линии подле корабля “Мстислава” корабль “Дерись” принужден был *по случаю разрыва трех* своих пушек и учинившегося от того немалого убийства людей и возгорания внутри корабля, для утушения огня выйти из линии, но как от сего же разрыва взломаны были палубы так, что никак не мог оный левым боком продолжать свой с неприятелем бой, то и остался до конца сражения вне линии»⁵².

Екатерина II была просто вынуждена закупать большие партии корабельных пушек в Англии. Главным поставщиком их стал Карронский завод в Шотландии. Завод был построен в 1760 г. талантливым инженером Чарльзом (Карлом) Гаскойном на средства местного купечества. Свое название завод получил по реке Каррон.

Россия закупила несколько сот орудий Карронского завода всех калибров, используемых в русском флоте, – 6, 8, 12, 18, 24, 30 и 36 фунтов. Закупка велась и на других заводах, но в меньших объемах. Так, в Англии закупили корабельные медные 12-фунтовые пушки.

В 1776 г. Гайскон изобрел новый тип орудия – карронаду. За счет меньшей длины и особой конструкции ствола карронада в 3–4 раза меньше, чем пушка того же калибра⁵³. Скорострельность карронад в три раза выше, чем у пушек. Естественно, что дальность стрельбы карронад меньше, чем у пушек, но это было несущественно для морских батальонов XVIII века, когда корабли сходились «на пистолетный выстрел». Зато огонь карронад производил страшные разрушения на кораблях противника.

Адмирал русской службы Самуил Грейг, по происхождению шотландец, предложил Екатерине пригласить в Россию своего земляка Чарльза Гаскойна. Замечу, что осуществить сей замысел было весьма непросто. В Англии существовал закон, запрещающий вывоз из страны машин и инженеров, за что полагалось суровое наказание вплоть до смертной казни.

Но что британские законы против русского золота? Для переезда Гаскойна русский посол в Лондоне граф Семен Воронцов получил как минимум две суммы: первую – в январе 1786 г. – 700 фунтов стерлингов, а вторую – через несколько недель – 1500 фунтов стерлингов. Куда пошли сии суммы, неизвестно. Не исключено, что самому премьеру Вильяму Питту Младшему. Благо, премьер дал разрешение Гаскойну на «частную поездку».

⁵² Чичагов П. В. Записки. С. 316, 317.

⁵³ Так, тело 24-фунтовой чугунной пушки Карронского завода весило 149 пудов, а тело 24-фунтовой карронады – 44 пуда.

В мае 1786 г. Гаскойн с одиннадцатью инженерами Карронского завода сел на собственный корабль, погрузил туда несколько десятков станков и был таков. В России Гаскойна ждало огромное жалование – 2500 фунтов стерлингов в год плюс половина прибыли руководимых им заводов.

Безобразия, мол, русским мастерам гроши платили, а тут!.. Ну что ж, великие люди не считали копейки, когда игра стоила свеч. Тот же Сталин в 1946–1953 гг. платил в 3–4 раза больше германским ученым и инженерам, чем отечественным.

Уже в октябре 1786 г. Гаскойн и карронские инженеры прибыли в Петербург на Олонецкий завод. Там были установлены новейшие английские воздухоудвные машины, сверлильные станки и т. д. А в 1788 г. впервые в России на Александровском заводе в Петрозаводске была введена в эксплуатацию железная дорога! Пусть ее длина оказалась невелика – всего 173 метра, но идея и эффективность были налицо. В 1791 г. на Александровском заводе была изготовлена первая в России паровая машина для откачки воды, а за ней – серия таких машин.

Главное же – русский флот получил сотни первоклассных пушек и карронад. Если в 1783 г. из 458 пушек, отлитых на Александровском заводе, из-за наличия раковин было забраковано 189, то в 1798 г. из 467 пушек не выдержала пробы лишь одна⁵⁴.

На заводах, руководимых Гаскойном, брак орудийных стволов никогда не превышал 4 процентов. Императрица присвоила инженеру звание действительного статского советника, соответствовавшее званию губернатора или генерал-майора в армии. Зато даже полный генерал русской армии получал жалование на порядок ниже Гаскойна.

Деятельность Гаскойна не ограничилась Петрозаводском. Он основал чугунолитейные заводы в Кронштадте и Луганске. Именно он основал в Петербурге Механический завод, которые в середине XIX века получил название Путиловский, а при большевиках – Кировский.

В XIX веке многие утверждали, что именно о Гаскойне сложена песня: «Английский мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину». Ну а в XX веке о знаменитом русском шотландце все забыли.

Замечу, что один из спутников Гаскойна, прибывших вместе с ним в Россию, – Чарльз Берд – основал в Петербурге знаменитый завод Берда.

В ходе войны Североамериканских Штатов за независимость король Георг III обратился к Екатерине II с просьбой прислать русские войска в Америку для борьбы с повстанцами. Естественно, услуга должна была быть хорошо оплачена. Однако императрица категорически отказалась. Замечу, что острая на язык матушка-государыня в своем кругу английский Кабинет обычно именовала «суконщиками», а 16 декабря 1788 г. писала Потемкину: «Известно тебе, я чаю, что Король Английский с ума сошел так совершенно, что четыре человека насилу его держать могут, когда приходит на него rage (раж – *фр.*)»⁵⁵. Увы, Екатерина была права – Георг III действительно страдал психическим расстройством.

В феврале 1778 г. король Луи XVI признал независимость Соединенных Штатов и подписал с ними торговый договор. Британский Кабинет немедленно разорвал дипломатические отношения с королевством, а в июне 1778 г. объявил Франции войну. В том же июне Англия объявила войну Испании, а в декабре – Голландии. Французский флот состоял из 80, а испанский флот – из 60 кораблей, против которых Англия могла выставить около 150 кораблей, так что силы были почти равны.

Однако союзники действовали несогласованно, и господство на море осталось за англичанами. Британские военные корабли и каперы нападали и грабили торговые суда всех стран Европы, вызывая возмущение нейтральных стран. Представителям нейтральных стран, в том числе и российскому посланнику в Лондоне И. М. Симолину, приходилось неоднократно тре-

⁵⁴ Рубцов Н. История литейного производства в СССР. М.: Машгиз, 1947. Ч. I. С. 120.

⁵⁵ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997. С. 330.

бовать от английского правительства «изъяснений» по поводу нападений военных кораблей британского флота на их торговые суда. Всего за время войны Англия захватила 17 русских судов.

Терпение Екатерины II лопнуло, когда в начале января 1780 г. испанцы захватили в Средиземном море два русских торговых судна – «Конкардию» и «Св. Николая» – и отвели их в Кадикс. Реакция из Петербурга была мгновенной. Императрица не ограничилась требованием от поверенного в делах Испании в России официальных объяснений и извинений за оскорбление российского флага. 27 февраля (9 марта) 1780 г. на имя русского посла во Франции князя И. С. Барятинского был отправлен высочайший рескрипт, в котором говорилось: «... признали Мы необходимым... прежде чем оскорбление Российского торгового флага преобразится в вредную привычку, употребить с своей стороны к совершенному ограждению и обеспечению его, все от нас и державы нашей зависящее пособия, с твердым однако ж предположением свято и ненарушимо согласовать оные в продолжение настоящей войны с правилами строжайшего нейтралитета».

Рескрипт обязывал князя Барятинского официально уведомить министра иностранных дел Франции о решении императрицы летом 1780 г. направить в Северное море четыре военных корабля «для удаления из тамошних вод всяких арматоров и обеспечения к портам нашим свободного плавания всех вообще дружеских народов». Кроме того, предусматривалось подготовить и оснастить всем необходимым в Кронштадте еще 19 кораблей, «чтоб они по первому повелению в море пуститься могли».

К рескрипту прилагалась «Декларация о вооруженном нейтралитете», в которой говорилось, что для освобождения морской торговли от притеснений императрица «считает обязанностью объявить правила, которым будет следовать, и для поддержания которых и покровительства чести российского флага и безопасности торговли ее подданных, противу кого бы то ни было, она повелит выступить в море со значительной частью своих сил».

Правила эти состояли в следующем:

1) Нейтральные корабли могут свободно плавать из одного порта в другой и у берегов воюющих держав.

2) Имущество, принадлежащее подданным воюющих держав, свободно на нейтральных судах, за исключением заповедных товаров.

3) Заповедными товарами признаются только военные снаряды и оружие.

4) Блокированным портом почитать только тот порт, войти в который предстоит очевидная опасность по расположению судов атакующих держав, находящихся довольно близко к порту.

5) Правила эти будут служить руководством в судах и приговорах о правах⁵⁶.

Принципы вооруженного нейтралитета, сформулированные Россией в декларации от 27 февраля (9 марта) 1780 г., сразу же были признаны Францией и Испанией. В сентябре – октябре 1780 г. эта декларация стала предметом специального рассмотрения Континентального конгресса Североамериканских Штатов. 5 октября 1780 г. Конгресс принял по этому вопросу постановление, полностью одобрявшее декларацию, как основанную «на принципах справедливости, беспристрастности и умеренности». Американские представители за рубежом получили распоряжение Континентального конгресса присоединиться к провозглашенным Россией принципам.

Первой из нейтральных стран, присоединившихся к декларации о вооруженном нейтралитете, стала Дания (9 июля 1780 г.). Затем присоединились Швеция, Голландия, Пруссия,

⁵⁶ Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 года). М.—Л.: Военмориздат, 1939. С. 112–113.

Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. В итоге к 1783 г. образовалась большая коалиция нейтральных держав, с мнением которой должна была считаться Англия.

Провозглашение Екатериной II политики вооруженного нейтралитета означало, помимо прочего, окончательный отказ императрицы от «Северного аккорда». Одновременно потерял внимание и автор этой идеи граф Н. И. Панин. В мае 1781 г. Екатерина отправила его в продолжительный отпуск «по болезни». По возвращении же через несколько месяцев из своего поместья Панина полностью отстранили от «иностранных дел».

В мае 1780 г. в ходе знаменитого путешествия Екатерины II в Тавриду она встретила в Могилеве с австрийским императором Иосифом II и вступила в союз с Австрией.

Захват двух русских купеческих судов испанцами в начале 1780 г. стал для Екатерины не причиной, а всего лишь поводом для объявления вооруженного нейтралитета. Еще 24 апреля 1779 г. бригадир С. П. Хметевский вывел из Ревеля отряд в составе двух кораблей и одного фрегата и повел их к северному побережью Норвегии. Там у мыса Варде 7 июля Хметевский соединился с отрядом из двух кораблей и двух фрегатов, вышедшем из Архангельска (там они были и построены). К концу навигации объединенная эскадра Хметевского вернулась в Кронштадт.

11 июня 1780 г. из Кронштадта вышли сразу три отряда. Бригадир Н. Л. Палибин повел четыре корабля и фрегат к берегам Португалии. Зимовали три корабля и фрегат в Лиссабоне, а корабль «Дерись» – в Портсмуте. «Дерись» вернулся в Кронштадт в июне, а остальные суда – 15 июля 1781 г.

Второй отряд (пять кораблей и один фрегат) контр-адмирал И. А. Круз повел на крейсерство в Северное море. Вернулся он 8 октября 1780 г.

Третий отряд в составе четырех кораблей и трех фрегатов бригадир Борисов повел в Средиземное море. Там 66-пушечный корабль «Слава России» 23 октября 1780 г. был выброшен штормом на камни в районе Тулона и разбит волнами. Погибло 11 человек. Остальные суда благополучно вернулись в Кронштадт 14 августа 1781 г.

Следующий поход на Средиземное море начался 25 мая 1781 г. Отряд контр-адмирала Я. Ф. Сухотина в составе четырех кораблей и трех фрегатов крейсировал на Средиземном море и вернулся в Кронштадт 8 июля 1782 г.

Дольше продолжался поход на Средиземное море отряда из трех кораблей и двух фрегатов вице-адмирала П. В. Чичагова – с 20 июня 1782 г. по 21 августа 1784 г.

Были ли эти дорогостоящие походы столь жизненно важны для России? Ни в коем случае! Вроде бы морская торговля была крайне важна для империи. Так, к примеру, торговый оборот (импорт плюс экспорт) Петербургского порта составил в 1760 г. – 7,8 млн рублей, в 1780 г. – 19,5 млн рублей, а в 1790 г. – 44,5 млн рублей. Однако в 1780 г. из 555 судов, прибывших в Петербург, подавляющее большинство составляли английские (284), по 35–40 судов приходило под датским, голландским, ростокским и любекским флагами. Российских судов было 18, то есть 3,3 %⁵⁷.

Понятно, что захват половины, а то и всех русских купеческих судов англичанами стал бы булавочным уколом для империи. Но Екатерина II пошла на принцип и еще раз показала всему миру военную мощь России и непреклонную волю ее монарха.

Несмотря на ряд успехов королевского флота, в целом Англия проиграла войну 1778–1783 гг. Предварительные условия мира были подписаны в Версале 20 января 1783 г., а окончательно мир был заключен в июне того же года. По этому миру Англия признала независимость Соединенных Штатов, Франция вернула Англии все занятые острова в Вест-Индии,

⁵⁷ Познер М. В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб., 1895. С. 121.

за исключением Тобаго, и получила от Англии остров Сан-Люсию. Также Франция получила назад все свои владения в Ост-Индии, а Испания получила Флориду и Минорку.

Глава 7. Как Лондон втянул Петербург в войну с Парижем

В 1789 г. во Франции произошла революция, то есть событие, казалось бы, чисто внутреннее. 14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли Бастилию. По этому поводу французский посол в Петербурге Сегюр писал: «...в городе было такое ликование, как будто пушки Бастилии угрожали непосредственно петербуржцам».

Екатерина же была крайне возмущена событиями во Франции. Ее гневные слова разлетались по всей Европе. Она называла депутатов национального собрания интриганам, недостойными звания законодателей, «канальями», которых можно было бы сравнить с «маркизом Пугачевым». Екатерина призывала европейские государства к интервенции – «дело Людовика XVI есть дело всех государей Европы».

Зато мнение матушки-государыни о событиях во Франции в узком кругу резко отличалось от публичных высказываний. О Людовике XVI она заметила: «Он всякий вечер пьян, и им управляет, кто хочет». 4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в период «революционных войн». А вот в России происходят странные события. Лучшие силы армии и флота стягиваются не на запад против злодеев-якобинцев, а на юг. В 1793 г. с Балтики на Черное море было переведено 145 офицеров и 2000 матросов. В Херсоне и Николаеве было заложено 50 канонерских лодок и 72 гребных судна разных классов. К навигации 1793 г. в составе Черноморского флота было 19 кораблей, 6 фрегатов и 105 гребных судов, а также 25 морских лодок черноморских казаков (бывших запорожцев). В указе о приговлении Черноморского флота было сказано, что он «Чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

В январе 1793 г. в Херсон прибывает новый главнокомандующий граф А. В. Суворов. Пока Екатерина сколачивала коалицию для борьбы с якобинцами и устраивала публичные истерики по поводу казни короля и королевы, на санкт-петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой – горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест.

Операция по захвату Проливов была намечена на начало навигации 1793 г. Однако весной этого года началось восстание в Польше под руководством Костюшко. Скрепя сердце, Екатерина была вынуждена отказаться от похода на Стамбул. 14 августа 1793 г. Суворов прибывает в Польшу, а уже 24 октября перед ним капитулирует Варшава. В результате Суворов стал фельдмаршалом, Екатерина присоединила к России еще три губернии – Виленскую, Гродненскую и Ковенскую, а заодно и герцогство Курляндское. Но не всегда синица в руках лучше журавля в небе. Екатерина это прекрасно понимала, и на 1797 г. была запланирована новая операция. По ее плану граф Валерьян Зубов должен был закончить войну в Персии и двинуть войска в турецкую Анатолию. Суворов с армией должен был двинуться к Константинополю через Балканы, а вице-адмирал Ушаков с корабельным и гребным флотом – к Босфору. Формально командовать флотом должна была лично императрица.

В 1791 г. французский эмигрант маркиз де Сент-Жени предложил Екатерине II план похода в Индию через Бухару и Кабул. Местом сосредоточения русских войск должен был стать

Оренбург. Екатерина II должна была издать манифест о восстановлении империи Великого Могола. План не был реализован, но показательно, что императрица восприняла его всерьез.

И все это время матушка-государыня проклинала якобинцев и даже публично разревелась, узнав о казни Луи XV. Но проклятий и слез было недостаточно, чтобы отвлечь Европу от дел турецких и персидских. И вот 7 (18) февраля 1795 г. в Петербурге был заключен союзно-оборонительный русско-английский договор о взаимопомощи в случае войны с непоименованным неприятелем, что было скрытой формой субсидиарного договора.

По нему Россия обязалась выставить для Англии в случае ее войны с одной из европейских держав 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. человек конницы за денежную помощь ежегодно 500 тыс. рублей плюс продовольственно-вещевое содержание этой армии.

Собиралась ли Екатерина II выполнять сей договор, мы никогда не узнаем, но в любом случае 12 тысяч солдат для России особой роли не играли.

В начале навигации 1795 г. Екатерина направила в Северное море эскадру вице-адмирала П. И. Ханькова в составе 12 кораблей и 8 фрегатов. Эта эскадра конвоировала купцов, вела блокаду голландского побережья и т. п. Боевых потерь она не имела. Фактически это была обычная боевая подготовка с той разницей, что финансировалась она целиком за счет Англии.

В эскадре младшим флагманом на корабле «Елена» состоял контр-адмирал Макаров. В следующем году эскадра Ханькова вернулась на Балтику. Макаров остался с лучшими кораблями у берегов Англии.

16 апреля 1797 г. в порту Ститхед моряки Флота Канала подняли мятеж, затем начался бунт матросов в Порт-Каре. Эскадра адмирала Макарова приняла участие в подавлении бунта английских матросов. За это король Георг III наградил Макарова золотой шпагой, а император Павел I – орденом Святой Анны I степени.

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая, и вновь, как и после смерти Елизаветы Петровны, внешняя политика России резко изменилась. В тот же день с барабанным боем и развернутыми знаменами в Петербург вступили прусские войска. Очевидец француз Масон сострил: «Дворец был взят штурмом иностранным войском». Но, конечно, это были не пруссаки, а гатчинское воинство, которое Павел еще при жизни матери одел в прусские мундиры и муштровал по прусским уставам.

Поначалу Павел решил вести мирную политику. Он прекратил подготовку к Босфорской операции и указом от 8 апреля 1797 г. отозвал эскадру Макарова из Северного моря.

В первые месяцы своего правления Павел не вмешивался в европейские дела, но внимательно наблюдал за ними. 1796–1797 гг. ознаменовались, с одной стороны, политической нестабильностью во Франции, а с другой – успехами французской армии в борьбе против европейской коалиции. Такую ситуацию Павел воспринял лишь как военную слабость монархов Европы. Он постепенно давал себя убедить, что без его вмешательства порядок в Европе навести невозможно.

В апреле 1796 г. французская армия под командованием 27-летнего генерала Бонапарта вторглась в Италию. Австрия послала одну за другой лучшие армии под командованием лучших своих полководцев, но они вдребезги были разбиты Бонапартом. В мае 1797 г. французы заняли Венецию. По приказу Бонапарта на венецианские корабли был посажен французский десант, который в июне 1797 г. занял Ионические острова, принадлежащие Венеции. Эти острова – Корфу, Цериги (ныне Китира), Санта-Мавра и другие – находятся вблизи берегов Греции и имеют стратегическое положение в центральном и восточном Средиземноморье.

18 октября 1797 г. Австрия и генерал Бонапарт заключили мир, вошедший в историю как Кампаформийский.

А как реагировал Павел на Кампа-Формио? Да никак. При известии о Лёбенском перемирии, когда австрийский посол Кобенцель дал понять, что его можно нарушить, если только

Россия захочет поддержать свою союзницу, Павел пожал плечами: «Вы еще недостаточно терпели поражений?»⁵⁸

Но вот к императору прибыл представитель французских эмигрантов. По условиям мира Австрия уже не могла держать на своей территории эмигрантские отряды, которыми командовал принц Конде. На этот раз эмигранты просили не военной поддержки, а убежища, взывая к милосердию императора. Павел считал себя благородным рыцарем без страха и упрека. «Русский Дон Кихот», – называл его Наполеон. Не подумав о последствиях и интересах России, Павел широким жестом пригласил эмигрантов к себе.

Самому принцу Луи Конде, его сыну герцогу Бурбонскому и его внуку герцогу Ангиенскому в Петербурге было оказано пышное гостеприимство, а их отряды Павел велел расквартировать в Подолии и на Волыни. Даже был поднят вопрос о браке Александры Павловны с Антуаном, герцогом Ангиенским.

А в декабре 1797 г. сам претендент на французскую корону герцог Прованский поселился в Митавском замке, и Павел назначил ему пенсию в 200 тысяч рублей.

Русская военная партия сфабриковала заговор поляков в Вильно, которых якобы субсидировал Бонапарт. На самом деле в Вильно хватало скандальных панов, но серьезным заговором и не пахло. Да и «Бонапартий» в те годы даже не слыхивал о таком городе. Тем не менее слухи о заговоре и участии Бонапарта вызвали ярость императора.

Существенную роль во втягивании России в войну сыграли и мальтийские рыцари. Павел I считал себя рыцарем, и вот рыцари Мальтийского ордена просят его покровительства. Император был в восторге.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта – от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались и решили, что злодей «Бонапартий» не иначе, как замыслил отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала ордену мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убираться с острова по-добру по-здорову. 20 июня 1798 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли 6 кораблей, 7 фрегатов и 3 авизо. На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого «Ушак-паши» шла к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будет и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских полях.

Начав войну с Францией, Павел решил не ограничиваться посылкой эскадры Ушакова в Средиземное море. 29 декабря 1798 г. в Петербурге был подписан русско-английский договор, согласно которому Россия обязывалась направить в Европу для военных действий против Франции 45-тысячную армию, а Англия со своей стороны соглашалась предоставить единовременную денежную субсидию в 225 тыс. фунтов стерлингов и выплачивать ежемесячно по 75 тысяч.

Любопытно, что монархическая Европа потребовала от России не только пушечное мясо, но и полководца. Еще в марте 1798 г. Гримм писал из Гамбурга Семену Воронцову: «В 1793 г. старый граф Вюрмзер говорил мне в главной квартире короля Прусского, во Франкфурте:

⁵⁸ Валишевский К. Сын Великой Екатерины. Император Павел I. М.: СП «ИКПА», 1990. С. 296.

«Дайте нам вашего графа Суворова с 15 000 русских, и я вам обещаю, что через две недели мы будем в Майнце и заберем в свои руки все, вместе с оружием и обозом»⁵⁹.

В конце же 1798 г. послы Австрии и Англии почти ультимативно потребовали назначения Суворова командующим русскими войсками, которые будут действовать в Европе.

Помимо посылки эскадры Ушакова в Средиземное море Павел I решил послать корабли Балтийского флота в Северное море на помощь британскому флоту. 22 апреля 1798 г. Макарову был направлен указ: «По союзу нашему с Его Величеством королем великобританским, и по случаю требуемой от нас помощи, повелеваем вам с 5 кораблями, пристойным числом фрегатов и других военных небольших судов отправиться для соединения с английским флотом к берегам Англии, равно и архангелогородской эскадре, состоящей под начальством нашего вице-адмирала Тета».

Эскадра Макарова в составе пяти кораблей, фрегата и катера выступила 22 мая, зашла в Ревель, где на борт флагманского корабля «Елизавета» прибыл Макаров. 29 мая эскадра снялась, 9 июня была в Копенгагене, 19 июня ушла с Эльсинорского рейда, конвоируя купеческие суда в английские порты, и 3 июля у Текселя сошлась с английской эскадрой вице-адмирала Онслоу. 3 августа прибыл адмирал Дункан, принявший командование соединенной эскадрой.

По приказу Павла для высадки в Голландии был сформирован 17,5-тысячный корпус под командованием генерала от инфантерии Германа фон Ферзена.

Для перевозки корпуса из Ревеля в Голландию Англия прислала 9 кораблей, 7 фрегатов и 5 транспортов под командованием командора Форферса. На судах Форферса отправилась первая дивизия вместе с самим Германом. Остальные войска под командованием генерал-майора графа Магнуса Эссена шли на судах эскадры П. В. Чичагова, в составе которой было 6 кораблей, 5 фрегатов и два транспорта.

Плавание Чичагова до Текселя продолжалось около месяца и было весьма бурное: все его суда получили более или менее серьезные повреждения, а два фрегата должны были возвратиться к своим портам.

В первых числах сентября русский корпус высадился в Голландии в окрестностях Бергена. Вместе с ним действовала британская армия герцога Йоркского, сына короля Георга III. На вопрос одного из генералов, где остановить полки, самоуверенный Герман фон Ферзен ответил: «На плечах французов».

Увы, французский командующий генерал Брюн не оценил способностей нашего гениального полководца, которому Павел I повелел быть «ментором, коего советы и мнения должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами»⁶⁰. (Павел имел в виду Суворова.)

Русские и англичане были вдребезги разбиты, а генералы Герман и Жеребцов попали в плен.

Однако герцогу Йоркскому удалось добиться почетной капитуляции, согласно которой были освобождены все пленные, а союзники к определенному сроку обязались удалиться из Голландии.

Между тем для подкрепления эскадры Макарова из Архангельска был отправлен отряд в составе трех кораблей и двух фрегатов под командованием вице-адмирала Баратынского. Отряд выдержал самое «бедственное» плавание и добрался до Англии только ко времени окончания высадки. Из пяти судов отряда четыре потеряли все мачты и бушприты, а один корабль из-за невозможности продолжать путь остался зимовать в норвежском порту Берген.

Эскадра Макарова, состоявшая из 18 кораблей, 10 фрегатов, двух транспортов и одного катера, зиму 1799/1800 г. провела в Англии, исправляя свои многочисленные повреждения. С наступлением весны эскадра отдельными отрядами начала возвращаться к своим портам

⁵⁹ Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. XX. С. 332.

⁶⁰ Михайлов О.Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 369.

на Балтику, перевоза наши сухопутные войска, зимовавшие по возвращении из Голландии на английских островах Гернзе и Жернзе. В сентябре 1800 г. все русские суда, бывшие в Англии, возвратились к своим портам.

Куда более успешно шли дела в Италии у Суворова и на Адриатике у Ушакова. Их действия в общих чертах известны читателям, ну а интересующихся я отсылаю к моим книгам «Франция. История вражды, соперничества и любви», «Турция. Пять веков противостояния», «Россия на Средиземном море».

Постепенно Павел I осознал всю глупость затеянной им войны. Австрийцы и англичане использовали русских лишь как пушечное мясо. К осени 1799 г. они решили, что дни революционной Франции сочтены, и постарались лишить русских лавров победы.

Победы Суворова ничего не дали России, зато принесли огромную пользу... генералу Бонапарту. Покорив Египет, генерал не смог взять сирийскую крепость Акру и был вынужден отступить. Адмирал Нельсон в ходе Абукирского сражения уничтожил французский флот. Таким образом, англичане лишили французскую армию в Египте связи с метрополией. Бонапарт мог еще держаться несколько месяцев, но у него был лишь один выход – позорная капитуляция перед Нельсоном.

Но Суворов спас Наполеона. Теперь он мог бросить в лицо адвокатам, правившим страной: «Что вы сделали с Республикой?»

23 августа 1799 г. генерал Бонапарт садится в Александрии на фрегат «Мюирон» и в сопровождении двух малых судов покидает Египет. С формальной точки зрения это было элементарное дезертирство. Командующий армией по своей инициативе покинул войска. Ни Директория в Париже, ни армия в Египте, ни даже генерал Клебер, которому Бонапарт оставил армию, ничего не знали об отъезде командующего.

9 октября Наполеон высадился в Сен-Рафаэле близ Фрежюса. Генерал Мармон вспоминал: «Возвращение Бонапарта было восходящим солнцем: все взоры устремились на него».

Население Франции устало от нестабильности, от шатаний Директории то вправо, то влево. Миллионы буржуа и крестьян, захвативших или купивших дворянское или церковное имущество, не желали более ожидать, пока придет Суворов с эмигрантской армией принца Конде.

Стране нужна была сильная рука, и 18 брюмера (9 ноября) вместо продажных «директоров» Франция получила трех консулов, из которых два были декоративными, а один обладал неограниченной властью.

Став первым консулом, Бонапарт сразу же обратил внимание на нелепость ситуации – Россия воевала со страной, не имеющей общей границы и вообще предметов спора, если не считать идеологий. «Мы не требуем от прусского короля ни армии, ни союза; мы просим его оказать лишь одну услугу – примирить нас с Россией», – писал Бонапарт в январе 1800 г.

Как ни странно, те же мысли пришли в голову и Павлу I. На донесении от 28 января 1800 г. русского посланника в Берлине Крюднера, сообщавшего о шедшем через Берлин французском зондаже, император своей рукой написал: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности как противовесу Австрии».

Между тем 5 сентября 1800 г. французский генерал Вобуа после двадцатимесячной блокады Мальты был вынужден капитулировать перед англичанами. Капитуляция была почетной, и французский гарнизон немедленно переправили английскими кораблями во Францию.

Когда до Петербурга дошла весть о падении Мальты, граф Ростопчин немедленно потребовал от Лондона согласия на высадку в столице Мальты Ла-Валетте русского корпуса. Лондон не ответил. 22 ноября Павел приказал наложить секвестр на английские товары в русских лавках и магазинах, остановить долговые платежи англичанам, назначить комиссаров для ликвидации долговых расчетов между русскими и английскими купцами.

В декабре 1800 г. Россия подписала вместе с Пруссией, Швецией и Данией договоры, возобновлявшие в более широких размерах систему вооруженного нейтралитета 1780 года.

В ответ англичане пошли на примитивную хитрость. В январе 1800 г. английский посол во Флоренции посетил русского посланника графа Моцениго и заявил, что Англия не имеет никаких видов на остров Корсику и что, по его мнению, «завоевание Корсики имело бы большое значение для его императорского величества».

Каково! Не только согласие России на замену Мальты Корсикой, но и сам факт переговоров взбесил бы первого консула – корсиканца.

Но Павел не пошел на столь грубо сработанную провокацию. 18 (30) декабря 1800 г. русский император написал Бонапарту: «Господин Первый Консул. Те, кому Бог вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе». Тут не грех процитировать Манфреда: «Сам факт обращения к Бонапарту как главе государства и форма обращения были сенсационными. Они означали признание де-факто и в значительной мере и де-юре власти того, кто еще вчера был заклеямен как “узурпатор”. То было полное попрание принципов легитимизма. Более того, в условиях формально непрекращенной войны прямая переписка двух глав государств означала фактическое установление мирных отношений между обеими державами»⁶¹.

Примерно в октябре 1800 г. граф Растопчин подал императору довольно смелую записку. Я приведу лишь выдержки из нее: «Франция в самом изнеможении своем похвально в виде завоевательницы обширных земель и законодательницы в Европе. Нынешний повелитель сей державы слишком самолюбив, слишком счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, чтобы не желать мира. Он употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своей завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции...»

...Во время французского вооружения Англия вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции...»

Замечание Павла: «И нас грешных!»

«Чтоб овладеть торговлею целого света, дерзнула завладеть Египтом и Мальтой. Россия, как положением своим, так равно и неистошимою силою, есть и должна быть первая держава мира... Бонапарт старается всячески снискать наше благорасположение...»

Замечание Павла: «И может успеть».

«Но при общем замирении... за исключением Австрии, все сии три державы кончат войну с значительными выгодами. Россия же останется не при чем, потеряв 23 000 человек. Ваше Императорское Величество дали неоспоримое право истории сказать некогда грядущим векам: “Павел I, вступая в войну без причины, также и отошел от оной, не достигнув до цели своей, и все силы его обращены были в ничто от недостатка упорства в предпринимаемом...»

Замечание Павла: «Стал кругом виноват»⁶².

В феврале 1801 г. в Париже по указанию Бонапарта началось изучение возможности совместного русско-французского похода в Индию. Но Павел опередил первого консула и уже 12 января 1801 г. отправил атаману Войска Донского Орлову приказ начать поход в Индию. «Индия, – писал царь Орлову, – куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговли, приобретенные или деньгами или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан. Торг ее обратить к нам».

Атаман дал казакам всего шесть дней на сборы, причем цель похода держалась в секрете. Всего Донское казачье войско выставило 510 офицеров, 20 947 казаков конных полков,

⁶¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. С. 359–360.

⁶² Валишевский К. Сын Великой Екатерины. С. 472–473.

500 артиллеристов и 500 калмыков. Все они составили 41-й конный полк. С войском шло две конно-артиллерийских роты, всего 12 пушек и 12 единорогов.

Поход казаков был очень труден. В начале марта началась оттепель. Степь размокла, грязь стала непроходима. Теперь каждая балка стала для войска страшным препятствием. С большим трудом казаки Орлова форсировали Волгу. Лошади падали от голода, и путь, пройденный казаками, обозначался длинной вереницей вздувшихся конских трупов да черными стаями кружившихся над ними ворон.

Отряд прошел от Дона 700 верст. Но 23 марта казаков, дошедших до села Мечетное Вольского уезда Саратовской губернии, догнал курьер из Петербурга. Он объявил о кончине Павла I и о том, что новый император повелевает возвращаться домой. Атаман Орлов собрал полки и приказал: «Жалует вас, ребята, Бог и государь родительскими домами!»

Бесспорно, поход был плохо организован, но он показал оперативность казачьих войск. Англичане на целый век поняли, что достаточно одного слова царя, и русские войска войдут в Индию.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке группой офицеров был зверски убит Павел I.

Весьма активную роль играл, а, как многие утверждают, и руководил заговором британский посол Чарльз Витворт, кстати, масон высокого градуса. Витворт стал любовником Ольги Александровны Жеребцовой, родной сестры Платона Зубова. Именно Платон стал непосредственным убийцей царя, пробив ему голову золотой табакеркой. Через Жеребцову Витворт передавал заговорщикам инструкции и деньги. Есть сведения, что на организацию заговора Витворт потратил миллион рублей – огромную по тем временам сумму. Позже П. А. Толстой рассказывал, что в марте 1801 г. видел у графа Палена (видного заговорщика) целые свертки английских гиней.

Любопытно, что первый консул в Париже лучше понял механизм заговора против Павла, чем высший свет Петербурга. Бонапарт, узнав об убийстве Павла, впал в бешенство и во всем винил Англию. «Они промахнулись по мне 3 нивога, но попали в меня в Петербурге», – говорил он. В Париже не сомневались о причастности Англии к трагедии в Михайловском замке. И позже, на острове Святой Елены, вспоминая об убийстве Павла I, с которым он сумел установить дружественные связи, Бонапарт начинал всегда с имени Витворта.

Новый император Александр I сразу же оказался перед лицом британской агрессии.

В январе 1801 г. британское правительство приказало захватить все русские, шведские и датские суда в английских портах. Одновременно началось формирование Балтийской эскадры в составе 20 кораблей, 5 фрегатов, 7 бомбардирских кораблей и 21 мелкого судна. Во главе экспедиции был поставлен адмирал Гайд-Паркер, вторым флагманом назначили вице-адмирала Нельсона.

Узнав о приготовлении англичан, А. Ф. Крузенштерн, будущий знаменитый путешественник, 5 декабря 1800 г. предложил адмиралу де Рибасу «для обуздания Англии послать эскадру к Азорским островам, с тем чтобы здесь перехватывать крупные английские суда, а мелкие просто потоплять»⁶³.

1 апреля 1801 г., то есть уже после убийства Павла I, англичане вероломно напали на датский флот, стоявший в Копенгагене. Замечу, что с 1792 г. Дания придерживалась самого строгого нейтралитета в войне. Часть датских кораблей погибла в бою, а остальные были захвачены англичанами.

Однако главной целью англичан была не Дания, а Россия.

⁶³ «Русский архив», 1878. Кн. 4. С. 491.

12 мая 1801 г. адмирал Спиридов сообщал царю: «Английская эскадра, состоящая из 11 кораблей, 1 фрегата, 2 бригов и 2 люгеров, сего числа пришла в Ревельскую бухту и остановилась на якоре верстах в 10 от гавани».

Однако до стрельбы дело не дошло. Александр I фактически капитулировал перед англичанами. Немедленно были сняты эмбарго с английских торговых судов и имущества в российских портах.

5 июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция, в сущности значительно изменяющая правила вооруженного нейтралитета Екатерины II и разрушающая цель, к которой стремился Павел I при образовании союза северных держав.

По правилам, установленным этой конвенцией, судам нейтральных держав разрешалось посещать гавани воюющих государств и привозить товары, за исключением военной контрабанды и неприятельской собственности. Находящимися в блокаде признавались только те порты, вход в которые охранялся в действительности судами воюющей державы. Но рядом с этими правилами, «облегчительными для нейтральных судов, находились постановления, крайне для них стеснительные и могущие вести к большим злоупотреблениям правом сильного»⁶⁴.

Так, к примеру, командирам кораблей воюющей державы предоставлялось право не только осматривать все нейтральные коммерческие суда, хотя бы они и шли под охраной военных судов, но и право проверять бумаги самого конвоирующего корабля. В случае какого-либо сомнения разрешалось делать обыск и отводить заподозренные суда в порт воюющей державы. Причем конвоирующему кораблю ни под каким предлогом не дозволялось сопротивляться такому задержанию».

К принятию этих правил Александр I обязывался от имени России и Англии пригласить союзные с ними правительства – датское и шведское, и, кроме того, Россия обязывалась возобновить торговый трактат с Англией, заключенный в 1797 г.

Спору нет, уступки, сделанные Англии, не затрагивали жизненных интересов русского народа. Куда хуже то, что Александр вновь втянул Россию в войну с Францией. Эта преступная война не соответствовала интересам ни французов, ни русских, а велась исключительно ради интересов англичан и немцев, проживавших как в Австрии, так и в Германии и России.

⁶⁴ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М. – Л-д.: Военмориздат. 1939. С. 204.

Глава 8. Как царь Александр стал пешкой в большой игре Лондона

Александр I и его ближайшее окружение мечтало влезть в дела Германии. В меньшей степени царя интересовала экспансия в Средиземное море. С 1801 г. русские постоянно усиливали свое военное присутствие на Средиземном море. Так, численность сухопутных войск на Ионических островах с середины 1803 г. до конца 1804 г. возросла с 1,2 до 8 тысяч человек. И это во время мира с Францией.

30 марта (11 апреля) 1805 г. в Петербурге был подписан русско-английский союзный договор, положивший начало формированию третьей антифранцузской коалиции. Обе державы ставили себе целью реставрацию династии Бурбонов во Франции. Риторический вопрос, кому в России нужны были Бурбоны?

К великому сожалению, ни царские, ни советские, ни нынешние либеральные историки так и не посчитали, сколько гиней заплатили англичане царю и его немцам как официально, согласно статьям конвенции, так и в приватном порядке.

Платить за британское золото русской армии пришлось под Аустерлицем и Фридрихсборгом. Об этих сражениях писали очень много, в том числе и я⁶⁵. Зато мало кому известно, что из-за бездарной политики и военной стратегии Александра I и его окружения на Средиземном море была потеряна большая часть боеспособных кораблей Балтийского и Черноморского флотов. Девять кораблей и один фрегат эскадры адмирала Сенявина сдались в 1808 г. англичанам в Лиссабоне. В проливе Ла-Манш англичане захватили фрегат «Спешный» с грузом золота для Средиземноморской эскадры. Еще 8 кораблей, 4 фрегата и ряд других судов оказались в руках французов.

25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области) был заключен «Русско-французский договор о мире и дружбе». Согласно этому договору, между двумя странами устанавливались мир и дружба, военные действия прекращались немедленно на суше и на море.

В ответ на заключение мира британский флот в августе 1807 г. в течение почти шести дней бомбардировал Копенгаген, а на берег был высажен английский десант. Половина города сгорела, в огне погибло свыше двух тысяч его жителей. Командовавший датскими войсками у Копенгагена престарелый (72-летний) генерал Пейман капитулировал. Англичане увели весь датский флот, а верфи и морской арсенал сожгли.

Российский императорский дом (Гольштейн-Готторпская династия) имел родственные связи с датским и гольштинским дворами. Кроме того, Дания уже много веков была традиционной союзницей России. Поэтому в октябре 1807 г. Россия предъявила Англии ультиматум – разрыв дипломатических отношений до тех пор, пока не будет возвращен Дании флот и возмещены все нанесенные ей убытки. Началась вялотекущая англо-русская война.

Вековой стратегией англичан было воевать чужими руками. В феврале 1808 г. Англия заключила со Швецией договор, по которому обязалась платить Швеции по 1 млн фунтов стерлингов ежемесячно во время войны с Россией, сколько бы она ни продолжалась. Кроме того, англичане обещали предоставить Швеции 14 тысяч солдат для охраны западных границ Швеции и ее портов, в то время как все шведские войска должны были отправиться на восточный фронт против России.

⁶⁵ Широкоград А.Б. Франция. История вражды, соперничества и любви. М.: Вече, 2008.

После заключения этого договора уже никаких надежд на примирение Швеции и России не было: Англия уже вложила средства в будущую войну и стремилась как можно быстрее извлечь военно-политические дивиденды.

Формально повод для начала войны дали сами шведы. 1 (13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию, присоединенную к России по Абоскому договору 1743 г.

Спустя неделю Александр I ответил на вызов шведского короля объявлением войны.

После разгрома Копенгагена большая часть английского флота (16 кораблей и 20 других судов) вошла в Балтийское море.

14 июля 1808 г. шведский флот в составе 11 кораблей и 5 фрегатов, к которым присоединились английские корабли «Центавр» и «Имбакейбл», при входе в Финский залив встретились с русской эскадрой адмирала П.И. Ханыкова (9 кораблей, 11 фрегатов, 19 других судов).

Ханыков, не считая возможным вступить с ними в бой в открытом море и вдали от своих гаваней, уклонился от принятия сражения и, преследуемый неприятелем, удалился со всем флотом в Балтийский порт.

74-пушечный корабль «Всеволод» имел повреждения и шел на буксире у фрегата «Поллукс». В шести милях от порта буксир лопнул, и «Всеволод» был вынужден стать на якорь. С других судов эскадры, уже вошедшей в порт, были высланы шлюпки и барказы для буксировки «Всеволода».

Английские корабли «Центавр» и «Имбакейбл» атаковали «Всеволод». Командир «Всеволода» решил защищаться «до последней крайности» и посадил корабль на мель. Артиллерийским огнем «Всеволод» был поврежден, а затем захвачен англичанами. Снять корабль с мели англичане не смогли и сожгли его.

Если сдачу «Всеволода» отечественные историки считают неудачей нашего флота, то подобный случай с катером «Опыт», которым командовал лейтенант Гавриил Невельский, объявлен подвигом.

Посланный для наблюдения за английскими крейсерами, вступившими в Финский залив, «Опыт» в пасмурную погоду 11 июня 1808 г. встретился у Наргена с английским 50-пушечным фрегатом «Salset». Вооружение «Опыта» состояло из четырнадцати 12-фунтовых карронад, а команда – из 53 человек, из которых четверо были несовершеннолетними. Англичане потребовали катеру сдаться. Но, несмотря на неравенство сил, его командир лейтенант Невельский вступил в бой. Стихнувший на короткое время ветер дал возможность катеру на веслах удалиться от английского фрегата, но при нашедшем порыве ветра англичанин быстро нагнал катер и открыл огонь. В течение четырех часов экипаж катера храбро отбивался от своего противника и вынужден был сдаться только тогда, когда катер получил сильные повреждения в рангоуте и корпусе. Многие члены команды катера были убиты и почти все, включая Невельского, ранены. Овладев катером, англичане, из уважения к блистательной храбрости русских, освободили от плена Невельского и всех его подчиненных.

Русский корабельный флот весной 1809 г. сосредоточился в Кронштадте и «готовился к отражению нападения англичан», то есть попросту оставался за фортами Кронштадта. Даже когда английские корабли подошли к острову Гогланд, высадили десант и сожгли там маяк, русский флот в Кронштадте даже не шелохнулся.

В апреле 1809 г. британский флот прошел через Зунд. В его составе было 52 корабля, на транспортах имелось 9 тысяч десантников. Командовал англичанами адмирал Джон Мур.

В начале лета 1809 г. британские корабли вошли в Финский залив. Англичане высадили десант в одном из главных стратегических пунктов залива – в Поркалауде. Английские крейсера особенно старались препятствовать движению русских судов в Финских шхерах и для захвата транспортов и их конвоирования посылали в шхеры свои вооруженные барказы. Так,

23 июня 1809 г. в Поркалауде четыре английских барказа вели бой с тремя русскими канонерскими лодками. Два британских барказа были повреждены и затонули.

17 июля между материком и островами Стури и Лилла Сварте шесть русских иолов⁶⁶ и две канонерские лодки были атакованы двадцатью английскими гребными судами (катерами и барказами). После упорного боя двум иолам удалось уйти к Свеаборгу, а остальные суда были взяты англичанами на абордаж. Русские потеряли убитыми двух офицеров и 63 нижних чина, и 106 человек были взяты в плен, из них 50 человек – раненых. Англичане потеряли убитыми двух офицеров и 17 нижних чинов, 37 человек было ранено. Захваченные иолы и канонерские лодки имели серьезные повреждения, и англичане были вынуждены их сжечь.

Британские газеты кричали о блестящих успехах королевского флота на Балтике. Но, увы, действия англичан не имели равно никакого военного значения. Русские войска в 1809 г. громили противника уже в собственно Швеции. (Вся Финляндия была занята еще в 1808 г.)

5 (17) сентября 1809 г. в городе Фридрихсгаме был подписан мирный договор между Россией и Швецией. Главным его итогом стала передача России Финляндии и Аландских островов. Русско-шведская война 1808–1809 гг., равно как и Русско-турецкая война 1806–1812 гг., еще раз подтвердили непреложный факт – Россия, имея в Европе сильного континентального союзника, может позволить себе любые меры по обеспечению своей безопасности. А «туманный Альбион» может при этом лишь лязгать зубами и наносить России булавочные уколы.

Тут стоит заметить, что в 1809 г. англичане нанесли несколько таких ударов и на севере России, пользуясь полным отсутствием там русского флота. В мае 1809 г. британская эскадра прибыла к берегам Кольского полуострова. В Екатерининской гавани англичанам удалось захватить 17 русских купеческих судов.

11 мая английский десант занял город Колу. Там англичане увели два судна, груженных пшеницей, а также до 50 коров и телят, «винный же магазин разломан, бывшие в нем 8 бочек с вином разбиты»⁶⁷. Через два дня англичане покинули город. При этом ими был забыт матрос Матез Эллис с 40-пушечного фрегата «Ней Аден». Матроса взяли в плен русские крестьяне.

Не менее пяти русских судов, захваченных в Екатерининской гавани, были отправлены в Англию. Одно из них после долгих злключенияй 1 октября 1809 г. прибыло в... Архангельск. На судно «Св. Николай», принадлежавшее Беломорской компании, было посажено 6 английских матросов, которые должны были привести его в Шотландию. Из русских на судне осталось тоже 6 человек, но из них трое были тяжело больны, один из которых вскоре помер. По пути англичане перепились, а крестьянин М. Маматов и мещанин Ф. Михайлов перерезали их и привели судно в Тромсе. Там, дополнительно взяв на борт одного русского и двух датских матросов, Михайлов повел «Св. Николай» в Архангельск.

Еще один булавочный укол Англия ухитрилась нанести России на Средиземном море. На острове Цериго (Китира) еще с 1802 г. находились 50 солдат Куринского полка во главе с подпоручиком О.А. Ивановским. Как уже говорилось, в 1807–1809 гг. весь русский флот на Средиземном море был захвачен англичанами и французами, а о 50 солдатах, занимавших форт Авлемен на Цериго, в Петербурге попросту забыли. Но осенью 1807 г. на Цериго объявились «просвещенные мореплаватели» во главе с генералом Джорджем Освальдом. Но гарнизон форта сдаваться не пожелал. Более двух лет англичане безрезультатно осаждали форт. И лишь 1 октября 1809 г. Ивановский был вынужден согласиться на почетную капитуляцию «за недостатком военных припасов».

Между тем Россия и Франция легко могли принудить к миру Британскую империю. В письме от 2 февраля 1808 г. Наполеон обратился к Александру I с предложением подавить

⁶⁶ Иол – небольшие парусно-гребные суда, иногда их называли малые канонерские лодки. Особенностью парусного вооружения иолов являлась кормовая мачта (бизань), значительно ниже передней, называемой не фок-, а грот-мачтой. Поэтому иолы часто классифицировали как полуторамачтовые суда.

⁶⁷ Доклад П.В. Чичагова Александру I об оставлении англичанами города Колы. РГАВМФ. Ф. 166. Д. 1113. Л. 51.

британскую монархию в источнике ее богатства – в Индии: «Вашему Величеству угодно ли выслушать совет от человека, вам преданного нежно и искренно. Вашему Величеству необходимо удалить шведов от своей столицы и с этой стороны распространить, насколько Вы пожелаете, границы России. Я готов содействовать Вам всеми средствами. Армия франко-русская, в 50 тысяч человек, быть может, отчасти и австрийская, которая направится через Константинополь в Азию, не успеет еще достичь Евфрата, как Англия затрепещет и преклонится перед континентом. Я твердо стою в Далматии, Ваше Величество – на Дунае. Через месяц после того, как мы придем к соглашению, армия может быть на Босфоре. Удар отзовется в Индии, и Англия будет поработана... Все может быть решено и подписано до 15 марта. К 1-му мая войска наши могут быть в Азии, и в то же время войска Вашего Величества – в Стокгольме. Тогда англичане, угрожаемые в Индии, изгнанные из Ливана, будут раздавлены тяжестью событий, коими будет переполнена атмосфера».

Александр I отвечал: «Я предлагаю одну армию для экспедиции в Индию, а другую с целью содействовать при овладении приморскими пунктами Малой Азии. В то же время я предписываю командирам Моего флота состоять в полном распоряжении Вашего Величества»⁶⁸.

Увы, «лукавый византиец» нагло врал. Ему было плевать на интересы России. На союз с Наполеоном царь пошел вынужденно. И в 1808–1809 гг. Александра занимали лишь личные обиды, которые ему якобы нанес «враг рода человеческого», и мелкие делишки его родни в Германии.

Между тем Россия и Франция могли заставить все страны Европы жестко соблюдать континентальную блокаду и, захватив Гибралтар, закрыть таким образом путь англичанам на Средиземное море. Наконец, мобилизовав все французские, русские и испанские корабли и фрегаты, можно было методом беспощадной крейсерской войны парализовать британское судоходство. Дело обошлось бы и без десанта на острова. Пусть бы Наполеон получил всю Европу, а Александру дал Черноморские проливы и ряд островов в Архипелаге. Рано или поздно Наполеон бы умер, и его родня в любом случае не сумела бы сохранить власть над Европой. Началась бы новая серия войн за передел европейских границ. А Россия тем временем спокойно бы переваривала куски, отхваченные от Оттоманской империи. Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения. И я это пишу, поскольку сейчас продажные историки вновь начинают курить фимиам Александру.

Между тем он, подстрекаемый англичанами, всеми силами провоцировал войну с Францией. Официально царь поддерживал «континентальную блокаду», а сам поощрял ее нарушение. За всю навигацию 1808 г. из тринадцати задержанных английских кораблей было выслано 8, конфисковано одно судно и груз еще четырех кораблей.

«Продолжался перевод денег в Лондон. По сведениям Коммерц-коллегии, с момента разрыва до 15 мая 1808 г. туда было переведено капиталов на сумму 1 098 822 руб. 26 1/2 коп., причем этим занимались не только частные лица, но и правительство, что официально объяснялось необходимостью помощи оставшимся в Великобритании российским подданным. А.В. Предтеченский, однако, называл "...перевод в Англию денег и векселей... не чем иным, как оплатой за купленные у нее товары". Е.В. Тарле также полагал: в эпоху континентальной блокады "...английские промышленники исправнейшим образом получали от своих континентальных контрагентов все, что те были им должны, до последнего шиллинга...". Да и жалобы Смирнова на постоянный недостаток средств свидетельствуют: эти деньги до бедствовавших в Великобритании россиян не дошли»⁶⁹.

⁶⁸ Цит. по: Порохов С. Битва империй: Англия против России. С. 66–67.

⁶⁹ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 148.

Интересные сведения о путях проникновения в Россию британских товаров во время действия блокады приводит в своих мемуарах Фаддей Булгарин. Он проживал в Кронштадте и имел возможность лично наблюдать за происходящим. Булгарин писал: «По правилам континентальной системы некоторым кораблям можно было давать позволение на ввоз аптекарских материалов. Под эти предлогом привозили дорогие английские фабричные и мануфактурные изделия, которые быстро расходились в Петербурге. Кроме того, англичане, находясь в сношениях с некоторыми коммерческими домами в Петербурге, отправляли к ним корабли ганзейских⁷⁰ городов с английскими товарами... Снисходительное правительство, уступая необходимости, не предпринимало строгих мер для прекращения торговли английскими товарами, без которых тогда весьма трудно было обойтись»⁷¹.

Э.И. Стогов говорит в своих «Записках» о поставках в Кронштадт строго запрещенного английского черного пива (портера).

Один из москвичей в донесении Ростопчину, описывая разорение Москвы в 1812 г., сообщил: «Чай, сахар и кофе валяются по улицам. Французы берут ящики и набивают их другим»⁷².

Ряд авторов пытаются объяснить нарушение Александром условий континентальной блокады требованиями недовольного дворянства. На самом деле дворяне как сами, так и их обожаемые жены и дочери куда больше страдали от отсутствия французских товаров, а не английских. Ну а для русской промышленности континентальная блокада была просто манной небесной.

«В 1811 и 1812 гг. результаты конфискации британских товаров в российских портах еще более незначительны. Были арестованы грузы 5 кораблей (2 американских и 3 немецких), причем американским судам, скорее всего, без лишнего шума позволили вернуться домой. С июня 1812 г. конфискации не проводилось вовсе и тогда же, за два месяца до формальной отмены блокады, возобновилась открытая торговля с Великобританией. Постепенное ослабление блокады в течение 1811 – начала 1812 г. и допуск в страну британской продукции на кораблях под флагами нейтральных государств свидетельствуют о начавшейся в России реальной подготовке к войне с Наполеоном.

Теперь российское правительство было готово тайно принять от Великобритании и военно-техническую помощь. Еще в течение зимы 1810–1811 гг. Р. Уэллсли сообщил члену правления «Российской компании» банкиру С. Торнтону о том, что правительство Александра I желает получить 500 тонн пороха. В обмен на этот порох – писал министр Персевалу 15 июня (н. ст.) 1811 г. – Россия готова поставить кораблестроительные материалы для британского флота. В июле четыре торговых судна перевезли в Балтику затребованное количество пороха и 1 тыс. тонн свинца, которые должны были быть обменены на 2,5 тыс. тонн российской пеньки»⁷³.

Русский император приблизил к себе всех, кто в Европе ненавидел Наполеона. Среди них были швед Армфельд, немцы Фуль, Вольцоген, Винценгероде, эльзасец Анштетт, пьемонтец Мишо, итальянец Паулуччи, корсиканец Поццо ди Борго, британский агент Роберт Вильсон. 12 июня в Россию прибыл барон фон Штейн. Эти иностранцы образовали военную партию, еще более непримиримую, чем самые ярые русские милитаристы.

Повторяю, Наполеон не хотел воевать с Россией. Отправляемого в Петербург французского посла Сельвари Наполеон напутствовал: «Я дам Вам письмо к императору Александру, которое заменит Вам верительную грамоту. Вы исполните там мои поручения: помните только одно – я не хочу войны с Россией, и пусть это послужит основанием ваших действий. Если воз-

⁷⁰ Любек, Бремен и Гамбург.

⁷¹ Воспоминания Булгарина. СПб., 1849. Ч. VI. С. 124–126.

⁷² Новые подлинные черты из истории Отечественной войны 1812 г. // Русский архив. 1864. Кн. II, № 11, 12. Стлб. 1196, № 2. «Перечень известий из Москвы и окрестности ея, от 20-го сентября [1812 г.]».

⁷³ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. С. 161.

можно сохранить этот союз мой с этой страной и создать что-либо прочное, ничем не пренебрегайте для достижения этой цели. Я доверился русскому императору, и между обоими народами нет ничего, что могло бы помешать полному их сближению: поработайте же для этого».

А еще весной 1812 г. Наполеон писал вюртембергскому королю: «Война разыграется вопреки мне, вопреки императору Александру, вопреки интересам Франции и России... Все это уподобляется оперной сцене, и англичане стоят за машинами».

Зато Александр еще в октябре 1811 г. готовил ультиматум Наполеону, а 27 апреля 1812 г. царь поручил графу Куракину передать его. В ультиматуме Александр требовал эвакуации французских войск из шведской Померании и ликвидации французских разногласий со Швецией, эвакуации прусских областей, сокращения данцигского гарнизона, разрешения торговли с нейтральными государствами. В случае принятия Францией этих предварительных условий Александр изъявлял готовность вести переговоры о компенсации за Ольденбург и об изменении русских тарифов, применяемых к французским товарам. Естественно, принять такие условия Наполеон мог лишь только после нескольких поражений своей армии.

Император Наполеон выехал из Дрездена 29 мая 1812 г. (ст. с.) и уже 23 июня был на берегу Немана. Александр выехал из Петербурга к армии еще раньше – 21 апреля, и через четыре дня был в Вильно.

И тут Наполеон сделал последний жест к примирению. 18 мая в Вильно к Александру I прибывает специальный посланник Наполеона граф Нарбонн – аристократ, бывший министр Людовика XVI. Царю очень хотелось представить себя жертвой агрессии, но в то же время он не желал никаких переговоров. Нарбонна просто заболтали, а потом бесцеремонно выставили из Вильно.

Секретная переписка русских и британских дипломатов высокого ранга вовсю шла уже зимой 1811/1812 г.

По решению Комитета министров России от 10 апреля 1812 г. на два месяца был приостановлен вывоз хлеба из портов на Балтийском море, что являлось явным признаком близкой войны. Однако английским судам разрешалось свободно загружаться зерном во всех российских портах лишь с одним условием: чтобы оно использовалось «на собственное употребление Англии, не обрачая отнюдь оно во внешнюю торговлю».

Александр I писал 11 июня 1812 г. великой княгине Екатерине Павловне: «Я надеюсь в скором времени известить Вас о мире с Англией, но пока – никому ни слова»⁷⁴.

Летом 1812 г. в шведском городе Эребро еще до начала войны с Францией начались переговоры о заключении русско-британского мирного договора. Подписан же он был 6 (18) июля, то есть уже после начала войны. Увы, этот договор официально восстанавливал русско-британские торговые отношения, но ни в военном, ни в политическом отношении ничего не дал России. Англия не послала ни одного солдата на континент, если не считать нескольких полурезвизоров-полушпионов. Для этого в Петербург прибыл британский адмирал Бентинг, а в армию Кутузова – генерал Вильсон. Именно он попортил столько нервов нашему фельдмаршалу.

Поскольку британское правительство не торопилось с поставками оружия в Россию, Комитет министров России 20 августа (1 сентября) 1812 г. принял решение самостоятельно заключить контракт с российскими купцами (по происхождению англичанами) И. Кремером и К. Бердом на закупку в Англии 50 тысяч ружей и 40 тысяч пудов пороха. Купцы заломили страшные цены: за каждое ружье – 25 рублей, за пуд пороха – 29 рублей. Общая сумма заказа составляла 2 410 тыс. рублей. Но Военное министерство в 1812 г. не могло выделить таких денег, поэтому купцам «предлагаемо было... о понижении выпрошенных... цен, но они отозвались, что понизить цен не могут и по позднему ныне времени доставят сюда порох и ружья

⁷⁴ Великий князь Николай Михайлович. Переписка Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 35.

не прежде, как в навигацию будущего 1813 года, причем просят выдать им вперед ныне же 600 тысяч рублей под залоги».

Первая партия обещанных британских ружей прибыла в Кронштадт в начале октября 1812 г. Вскрыв ящики, чиновники артиллерийского департамента увидели там старые ржавые ружья со сгнившими ремнями и треснувшими ложами, да еще и без необходимого снаряжения. Но самым страшным было то, что все эти ружья оказались калибром в «8 линий английского дюйма, почему патроны, имеющиеся в парках для наших ружей 7 линейного калибра, малы для них»⁷⁵. Поэтому потребовалось изготовить новые патроны, на что нужно было не менее 10 тысяч пудов свинца. У комиссариатского департамента военного ведомства в запасе не было ни пуда свинца, поскольку Министерство финансов не отпустило своевременно денег на его закупку.

Лишь к концу октября – началу ноября 1812 г. на Сестрорецком оружейном заводе удалось кое-как отремонтировать британские ружья. Их передали в Петербургский арсенал, а оттуда до 5 декабря 1812 г. 30 тысяч из них отправили в Арзамас для вооружения запасных войск, 7760 ружей выдали формирующимся генералом Д.М. Башуцким десяти батальонам 6-й и 21-й пехотной дивизий и 12 240 ружей остались в арсенале.

Лидер оппозиции (группы «каннингитов») Роберт Уэллсли откровенно заявил в парламенте: «Нельзя понять, чем, кроме 50 тысяч ружей, помогли России британские министры? Может быть, они считают помощью посылку лордов Каткарта и Уолполя, людей, которые вдвоем должны быть достаточным оружием для великой державы, чтобы отогнать опасного врага [Наполеона] и помочь России выйти из затруднений».

В конце концов, Палата общин расщедрилась и выделила пострадавшим от пожара жителям Москвы 200 тыс. фунтов стерлингов.

Между тем британский генерал Вильсон писал, что разрушение одной только Москвы стоило России не менее 25 млн фунтов стерлингов. Общий ущерб от разорения Москвы и Московской губернии доходил до 321 млн рублей⁷⁶.

В 1812 г. русские фактически без помощи Англии разгромили 600-тысячную французскую армию. Замечу, что около 2/3 «великой армии» составляли не французы, а немцы, поляки, итальянцы, испанцы и т. д. И лишь весной и летом 1813 г. у России в Европе объявились союзники, реально воевавшие с Наполеоном.

В конце марта 1813 г. Англия согласилась предоставить России и Пруссии 2 млн фунтов стерлингов в «звонкой валюте» и 5 млн фунтов стерлингов в «федеративных бумагах». На содержание российского флота в Великобритании выделялось 500 тыс. фунтов стерлингов в «звонкой монете». Помимо предоставления денежных субсидий английское правительство согласилось поставлять оружие и боеприпасы для российских и прусских войск.

Российско-британская торговля в навигацию 1813 г. немного оживилась. Из 690 посетивших Петербург в течение года иностранных судов 343 были английскими. С июля по август 1813 г. в Архангельск прибыли два больших каравана купеческих судов под охраной британских военных кораблей. В это же время более 120 судов под российским флагом побывали в британских портах.

И вот, как писал Пушкин: «... скоро силою вещей мы оказались в Париже».

После отречения Наполеона 18 (30) мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. с небольшим приращением, династия Бурбонов восстанавливалась на престоле и т. д. Однако окончательный раздел Европы союзники решили провести на конгрессе в Вене, который был открыт 1 ноября 1814 г.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2743. Донесение инспектора всей артиллерии генерал-барона П.И. Меллер-Закомельского Горчакову.

⁷⁶ Жаринов Д. Москва и пожар московский. // Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник. М., 1912. С. 128.

На Венском конгрессе было решено, что все союзники – Англия, Австрия и Пруссия – получат большие приращения в Европе, а Англия – еще и в колониях, а вот Россия, которая-то и вынесла основную тяжесть войны с Наполеоном, ничего не получит. Австрия и особенно Англия были категорически против передачи России района Варшавы, а Пруссии – части Саксонии. Споры нет, Александр I требовал земли, которые никогда не принадлежали Русскому государству и были заселены этническими поляками. Но ведь и оппоненты предлагали не независимость этим районам, а их присоединение к Австрии. Почему же Россия должна была отдавать плацдарм, с которого началось вторжение в 1812 г.?

Сравним, к примеру, Варшавскую область и Мальту. Англия не имела никаких прав на Мальту, и с Мальты никак нельзя было угрожать британским островам. Единственным аргументом «за» было наличие британских солдат на острове⁷⁷. Так в 1814 г. русские войска были в Париже! Почему бы не восстановить независимость Мальты, которая была там несколько столетий, или, на худой конец, не передать остров Королевству обеих Сицилий, которое находилось всего в 90 верстах от Мальты? Но, увы, на Венском конгрессе господствовал двойной стандарт: один – для просвещенной Англии, и совсем другой – для русских варваров.

3 января 1815 г. был заключен секретный союз между Австрией, Англией и Францией, которые «сочли необходимым, – как сказано в договоре, – по причине претензий, недавно обнаруженных, искать средств к отражению всякого нападения на свои владения». Договаривающиеся стороны обязались: если вследствие предложений, которые они будут делать и поддерживать вместе, владения одной из них подвергнутся нападению, то все три державы будут считать себя подвергнувшимися нападению и станут защищаться сообща. Каждая держава выставит для этого 150-тысячное войско, которое выступит в поход не позднее шести недель по востребованию. Англия имеет право при этом выставить наемное иностранное войско или платить по 20 фунтов стерлингов за каждого пехотного солдата и по 30 фунтов стерлингов за кавалериста. Договаривающиеся державы могут приглашать другие государства присоединиться к договору и приглашают к тому немедленно королей Баварского, Ганноверского и Нидерландского.

Надо ли говорить, что союз этот был направлен против России. Риторический вопрос: за что отдали жизни миллионы русских людей?

Спас Россию от новой войны «враг рода человеческого». Наполеон покинул Эльбу, высадился во Франции, и его с восторгом встретили армия и население.

Наполеон напугал союзников, и 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны русско-пруссский и русско-австрийский договоры о разделе Герцогства Варшавского. (Многие историки называют эти договоры четвертым разделом Польши.) В итоге Россия уступила Австрии четыре уезда Восточной Галиции: Злочувский, Бржезанский, Тарнопольский и Залешчикский. К Австрии отошел весь Величковский соляной бассейн (включая его подземную часть, заходящую на территорию Российской империи). А король саксонский Фридрих-Август I уступил России большую часть Герцогства Варшавского.

Итак, Россия, понеся огромные потери в ходе войн 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг., получила кусок Польши, который будет для нее постоянной головной болью все последующее столетие.

⁷⁷ Мальта имеет несколько островов, но в обиходе ее принято называть островом.

Глава 9. Война и мир 1815–1853 годов

В начале 20-х годов XIX века серьезно обострились взаимоотношения России, Англии и США в районе Аляски. До этого владения этих трех стран не имели четких разграничений. Причем США и Англия, забыв свои разногласия, в этом вопросе совместно действовали против России.

Английские и американские промысловики присвоили себе право хищнически уничтожать ценных морских зверей у берегов Русской Америки, а также свободно приставать к берегу в любом месте и начинать торговлю с местным населением.

Из Всеподданнейшего доклада руководителя Российско-Американской компании Баранова Александру I от 29 июля 1802 г.: «Бывши в Ситке, имел он свидание с англичанами и американцами из Бостона, приходившими в 1800 году на пяти кораблях для вымена мягкой рухляди и отвозу оной в Канто, и в глазах его, Баранова, и в самое короткое время наменяли они на сукно, платье, ружья, порох, пули и полосовое железо до 2000 морских бобров, у нас на Кихте [центр русской торговли] от 60 до 70 рублей продающихся... Ежегодно приходит туда до десяти иностранных судов, и предполагать можно в десять лет полученной ими чистой прибыли до 3 млн рублей, по приобретению мест одним россиянам принадлежавшей»⁷⁸.

Причем англичане и янки сбывали в Русской Америке в первую очередь оружие и алкоголь.

Представим на секунду, чтобы русское торговое судно пристало к берегу Англии или к восточному побережью США и начало незаконно торговать оружием и водкой. Оно было бы немедленно захвачено военными кораблями этих стран, а правительству России пришлось бы еще и извиняться.

А может, Англия и США не считали Аляску русской? Нет, таких претензий к большинству владений Российско-Американской компании (РАК) не было. Мало того, англичане и американцы точно так же вели себя на русском Дальнем Востоке, включая Камчатку и Чукотку.

16 мая 1823 г. сенатор Ллойд направил пространное (на 29 страницах!) письмо президенту Монро с подробным обоснованием значения торговых интересов США на северо-западе побережья Америки: «Все эти факты показывают настоятельную необходимость дать отпор необоснованным претензиям России в отношении ее юрисдикции на море: доступ к ее берегам в пределах признаваемой за ней территории, без сомнения, имел бы для нас огромное значение». Как видим, сенатор требует полной свободы для американской контрабанды на территории России.

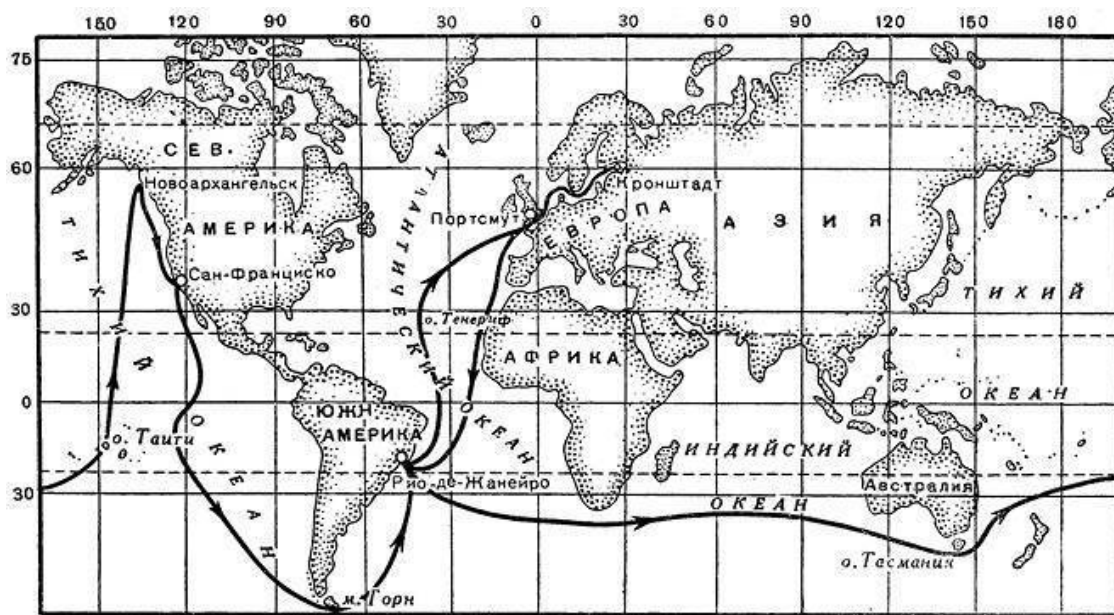
К этому времени Россия была в зените своего военного могущества. В случае войны с США один на один русский флот без труда мог прервать все коммуникации янки в Атлантике и поставить США на грань экономического краха. Ну а если бы в дело вмешалась Англия, то без вступления в войну континентальных держав началась бы война кита и слона.

И вот 4 сентября 1821 г. Александр I подписывает указ, в котором говорится: «Усмотрев из предъявленных нам сведений, что торговля наших подданных на островах Алеутских и по берегам Северо-Западной Америки, России подвластным, подвергается разным стеснениям и неудобствам от потаенного и подложного торга, и находя, что главной причиной их неудобств есть недостаток правил, устанавливающих пределы плавания вдоль сих берегов и порядок приморских сношений как в сих местах, так и вообще на восточном берегу Сибири и островам Курильским, признали мы нужным определить сии сношения особенным постановлением, при сем прилагаемом».

⁷⁸ Цит. по: Кремлёв С. Русская Америка: открыть и продать! М.: Яуза, 2005. С. 183.

Суть нового постановления была изложена в двух первых параграфах. Параграф 1 гласил: «Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки начиная от Берингова пролива и до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири... предоставляется в пользование единственно российским подданным». В параграфе 2 указывалось: «Посему воспрещается сим всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье означенным, но и приближаться к оным на расстояние менее ста итальянских миль. Нарушивший сие запрещение подвергается конфискации со всем грузом». Остальные параграфы подробно излагали, что и как надо было делать, чтобы выполнить данные положения.

Для демонстрации серьезности намерений России Морское министерство решило послать к берегам Аляски отряд кораблей в составе фрегата «Крейсер» и шлюпа «Ладога». На «Крейсере» было установлено двадцать шесть 12-фунтовых и две 6-фунтовые пушки, а также шестнадцать 18-фунтовых карронад. «Ладога» несла 20 орудий (12-фунтовые и 3-фунтовые пушки и 18-фунтовые карронады). Командовал отрядом и одновременно «Крейсером» капитан 2-го ранга Михаил Петрович Лазарев, а «Ладогой» – его старший брат капитан-лейтенант Андрей Петрович. На «Крейсере» мичманом шел Павел Степанович Нахимов – будущий знаменитый адмирал.

Маршрут кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822–1825 гг.

17 августа 1822 г. «Крейсер» и «Ладога» снялись с якоря и вышли с Кронштадтского рейда в море.

3 сентября 1823 г. «Крейсер» стал на якорь в Ново-Архангельске, где встретил шлюп «Аполлон». 9 ноября в Ново-Архангельск с Камчатки пришла и «Ладога».

Появление русских военных судов у берегов Аляски произвело нужное впечатление как на англичан, так и на янки. Тем не менее министр иностранных дел России К.В. Нессельроде убедил Александра I пойти на существенные уступки в переговорах с ними. В итоге 5 (17) апреля 1824 г. Нессельроде и американский посланник Генри Мидлтон подписали в Петербурге русско-американскую конвенцию. Согласно ее условиям:

1. Декларируется свобода мореплавания, торговли и рыболовства на Тихом океане с правом приставать к берегу в любом еще никем не занятом месте.

2. Граждане США и подданные России не могут приставать к берегам друг друга без соответствующего разрешения местных властей и не могут вести там торговлю.

3. Никакие селения не могут быть основаны или создаваемы в будущем на северо-западном побережье Америки: русскими южнее, а американцами – севернее 54°40' с. ш.

Таким образом, граница владений и сфер двух стран проводится по линии 54°40' с. ш. на побережье.

4. В течение 10 лет со дня подписания конвенции гражданам США и подданным России будет позволено заходить в порты друг друга по-прежнему по надобности и вести торговлю.

5. Запрещается торговля спиртными напитками, оружием, порохом и другими боеприпасами, и в связи с контролем за соблюдением этого правила разрешается осматривать суда и грузы и накладывать соответствующие штрафы обеим сторонам.

16 (28) февраля 1825 г. Нессельроде и британский посланник Чарльз Каннинг подписали в Петербурге аналогичную конвенцию о разграничении владений в Северной Америке.

Согласно 1-й статье конвенции, обе стороны в Тихом океане «могут пользоваться беспрепятственно и с полной свободой мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которые еще не заняты, для торга с природными тамошними жителями».

2-я статья запрещала судам одной стороны приставать к местам заселения другой стороны.

Далее устанавливалась пограничная черта, отделяющая владения Британии от русских владений на западном побережье Северной Америки, примыкающем к полуострову Аляске так, что граница проходила на всем протяжении береговой полосы, принадлежащей России, от 54° с. ш. до 60° с. ш., на расстоянии 10 миль от кромки океана, учитывая все изгибы побережья.

Таким образом, линия русско-британской границы была в этом месте не прямой (как это было с линией границы Аляски и Британской Колумбии), а чрезвычайно извилистой.

Поясню, что Российско-Американская компания фактически не имела сухопутной границы с Британской Колумбией, а владела лишь кромкой побережья и не осваивала территорию вглубь континента, поскольку этому препятствовал хребет Каменные горы (ныне Скалистые горы), который шел почти параллельно берегу океана, в разных пунктах удаляясь на 11–24 мили от кромки воды. Именно за Скалистыми горами и лежала Британская Колумбия, так что среди русских колонистов, да и местных жителей, считалось, что границей между этими двумя владениями разных государств является естественная граница – вершины хребта Скалистых гор, западные склоны которых находились в области русских владений, а восточные – британских. При этом русская сторона никогда не делала попытки переходить за Скалистые горы, хотя на протяжении почти полувека там была абсолютно безлюдная территория.

С начала 20-х годов XIX века английское правительство пыталось захватить прибрежную территорию, осваиваемую Российско-Американской компанией. Это поддало мысль руководителям компании о необходимости установить границу русских и британских владений. При этом компания считала, что такая граница должна будет идти по естественному рубежу – хребту Скалистых гор и поэтому ее установление не представит никаких трудностей. Однако русские дипломаты капитулировали перед англичанами в вопросе проведения сухопутной границы.

Ну а теперь с северной части Тихого океана перенесемся в теплое Средиземное море. После Бухарестского договора мир между Россией и Турцией продлился 16 лет. Как ранее говорилось, мир мы должны понимать как перемирие, поскольку основная проблема взаимоотношений двух стран – Проливы – решена не была, плюс нестабильность на Балканах и Кавказе.

16-летний мир длился в основном за счет объективного фактора – войны с Наполеоном, и субъективного – участия Александра I в Священном союзе. Детальное рассмотрение обоих

факторов не входит в нашу задачу, и мы ограничимся лишь общими выводами, необходимыми для понимания русско-турецких отношений.

26 сентября 1815 г. в Париже Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III заключили Священный союз. Суть союза – вечная консервация режимов, престолов и государственных границ в Европе. Увы, монархи забыли античную поговорку – все течет, все изменяется. Историю никогда не загнать в прокрустово ложе договоров.

Но дело не только в том, что Священный союз был нежизнеспособен. Его суть противоречила интересам России. Если Австрия заглотила гораздо больше, чем могла переварить, и не только не могла претендовать на большее, но и стала быстро терять захваченное (Италия, Германские княжества), то вопрос обеспечения безопасности России на юге так и не был решен. Вот послушал бы Александр I Кутузова, не полез бы в Европу, и война там продлилась еще лет десять, как минимум. А за это время Россия, глядишь, и могла бы решить вопрос с Проливами.

Принцип незыблемости границ и престолов Александр I перенес и на Турцию, но почему-то не включил Персию, имел с ней войну и откусил очень большой кус на Кавказе.

В 1821 г. в Османской империи началось восстание греков. В ответ султан Махмуд II учинил погром христиан в Константинополе, в ходе которого было убито несколько иерархов православной церкви, включая патриарха Григория. Тем не менее восстание ширилось. На суше к клефтам присоединилась и созданная турками милиция. В Албании Али-паша Янинский отказался повиноваться султану.

Большую роль в боевых действиях играл флот. В том же 1821 г. турецкий флот разгромил город Галаксии. И, как было ранее, значительная часть греческих купцов вооружили свои суда и занялись пиратством. Только жители трех островов – Индра, Специя и Псаро – выставили 176 вооруженных судов. Греческие корсары не только захватывали турецкие суда, но и опустошали берега Малой Азии.

В декабре 1821 г. – январе 1822 г. в городе Эпидавр собрались 67 депутатов, представлявших различные области Греции. Они провозгласили независимость Греции и выбрали законодательный исполнительный совет. К сожалению, в руководстве греков не было единства, и они более занимались интригами, нежели войной с турками.

30 марта 1822 г. турецкий флот в составе шести кораблей, шести фрегатов, 15 корветов и бригов, а также 27 транспортов приблизился к занятому повстанцами острову Хиос. Турки высадили десант на остров и начали резню греков.

Православный архиепископ Платон был повешен на флагманском корабле. На берегу турки сажали греков на кол, строили пирамиды из отрубленных голов, а сверху водружали свои флаги, делали плетенницы из отрубленных ушей, надевали их на носовые украшения своих кораблей, и прочая, и прочая...

События на Хиосе потрясли всю Европу. Знаменитый французский художник Эжен Делакруа в 1824 г. пишет картину «Резня на острове Хиос».

Война греков с турками ударила по России. После 1812 г. начался бурный рост экономики юга России. Царским указом от 16 апреля 1817 г. Одесса получила статус «порто-франко», или, как говорят сейчас, свободной экономической зоны. Это способствовало превращению Одессы в крупный международный торговый центр. В Одессу ежегодно приходило 500–600 торговых судов. Однако из этого числа не более 10–15 судов были построены в России. Большая часть торговых судов, посещавших Одессу, Таганрог, Мариуполь и другие русские порты, принадлежало грекам, большинство которых было подданными Порты, а часть – подданными России. Теперь же турки перехватывали и грабили греческие суда, не особенно разбирая, какое подданство имели их хозяева.

Англия в 1814 г. захватила Ионические острова и теперь была не прочь сделать своей колонией всю Грецию. В «греческом вопросе» британский кабинет боялся только России. Но

поскольку Александр I самоустранился от средиземноморских дел, то Лондон решил вмешаться. Весной 1823 г. Англия признала восставших греков воюющей стороной. А в конце года Греция получила от Лондона заем на 800 тысяч фунтов стерлингов.

Новый русский царь Николай I решил проводить самостоятельную политику и не ориентироваться на систему союзов, столь близкую сердцу его брата. Одним из результатов изменения внешней политики России стало подписание в апреле 1826 г. англо-русского Петербургского протокола. Согласно этому документу, Греция получала право независимого существования, но была обязана платить Турции определенную дань и находиться под ее верховной властью. Турецкие земли в Морее (Пелопоннес) и на островах отходили к грекам за известный выкуп. Порта принимала участие в выборе правительственных лиц в Греции, но они должны были быть непременно из греков. Грекам предоставлялась полная свобода торговли и религии.

Австрия, Пруссия и Франция приглашались присоединиться к Петербургскому протоколу. Франция, связанная с Грецией торговыми сношениями, приняла это приглашение, а Австрия и Пруссия отнеслись к нему отрицательно, считая, что оно усилит позиции России на Балканах.

24 июня 1827 г. Россия, Англия и Франция на основе Петербургского протокола подписали в Лондоне конвенцию об образовании автономного греческого государства. Стороны обязались предложить Порте свое посредничество в целях примирения с греками на следующих условиях: греки будут находиться в зависимости от султана и платить ему ежегодную подать; управление будут осуществлять местные власти, но в их назначении известное участие будет принимать Порта. «Для отделения греческой национальности от турецкой и предотвращения столкновений между ними греки получают право выкупать всю турецкую собственность, находившуюся на их территории».

Параллельно с дипломатическими усилиями русское правительство еще в 1826 г. начало готовить на Балтике эскадру для посылки в Средиземное море. В состав эскадры вошло 9 кораблей, 8 фрегатов и 3 корвета. 2 июня 1827 г. сам Николай I устроил на Кронштадтском рейде торжественный смотр уходящим кораблям. 10 июня эскадра вышла в море под командованием адмирала Д.Н. Сенявина. 28 июля эскадра пришла в Портсмут. Однако из-за интриг министра иностранных дел К.В. Нессельроде дальше пошел только отряд кораблей контр-адмирала Л.П. Гейдена в составе четырех кораблей, четырех фрегатов и 24-пушечного корвета «Гремящий».

8 августа 1827 г. отряд контр-адмирала Гейдена вышел из Портсмута, а остальная часть эскадры под командованием Сенявина вернулась в Кронштадт.

1 октября 1827 г. эскадра у острова Занте (Ионические острова) соединилась с английской и французской эскадрами. Эскадры английского вице-адмирала Кодрингтона и французского вице-адмирала де Риньи с 11 сентября крейсировали вблизи Наваринской бухты, где стоял турецко-египетский флот.

По прибытии к Наварину командующий русской эскадрой контр-адмирал Гейден и его начальник штаба капитан 1-го ранга М.П. Лазарев предложили союзникам применить решительные меры против турок и египтян, если последние не прекратят своих зверств в Греции. По настоянию командования русской эскадры командующему турецко-египетскими войсками и флотом в Греции Ибрагиму был вручен подписанный тремя адмиралами ультиматум с требованием прекратить военные действия против греков.

Ибрагим оставил ультиматум без ответа. Тогда под нажимом Гейдена и Лазарева Кодрингтон и де Риньи согласились войти в Наваринскую бухту, чтобы своим присутствием предотвратить действия турецко-египетского флота против греков. Союзные адмиралы дали взаимное обещание уничтожить турецко-египетский флот, если он сделает хотя бы один выстрел по союзной эскадре.

8 октября в 12 часов дня союзные эскадры начали втягиваться в Наваринскую бухту. Турки первые открыли огонь по союзному флоту.

В ходе ожесточенного сражения турки и египтяне потеряли больше шестидесяти судов, в том числе 3 корабля, 9 фрегатов, 24 корвета, 14 бригов, 10 брандеров и несколько транспортов. Остальные турецкие и египетские суда имели тяжелые повреждения. Противник потерял около 7 тысяч человек.

Союзники не потеряли ни одного корабля. Однако ряд кораблей имел тяжелые повреждения. Сравнительно небольшими были потери союзников и в личном составе. Русская эскадра имела 59 убитых и 139 раненых, английская – 79 убитых и 205 раненых, французская – 43 убитых и 141 раненых.

После Наваринского боя русская эскадра двинулась к Мальте и 27 октября прибыла в порт Ла-Валетта. На Мальте был произведен ремонт части русских кораблей.

В Англии чуть ли впервые в истории весьма прохладно встретили весть о победе британской эскадры под Наварином.

В 1828 г. историограф русской эскадры И.И. Кадьян писал: «Английское правительство, взглянув на аптекарские свои веса выгоды и невыгоды и изменяя неравенство сил двух империй [России и Турции], и зная, на какой стороне будет перевес, выветривая прежний жар свой в пользу Греции, начал обвинять адмирала Кодрингтона в истреблении турецкого флота. Им, как это теперь видно, хотелось, не ослабляя вдруг Турции, слегка действовать в пользу Греции, из коей они надеются, утомив своих союзников, составить новую Ионическую колонию. Им не хотелось истреблять силы оттоманские, но беречь их для России»⁷⁹.

Однако, соблюдая этикет, британское правительство удостоило Э. Кодрингтона ордена Бани, наградив и союзных адмиралов и офицеров знаками этого ордена. Говорят, что король Георг II, подписывая документ о награждении адмирала, съязвил: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки!»

2 ноября 1827 г. посланники Англии и Франции в Константинополе официально выразили Портев-паше сожаления своих правительств по поводу произошедшего инцидента. Тем не менее в начале декабря 1827 г. посланники Англии, Франции и России покинули Константинополь вследствие неуступчивости султана в «греческом вопросе».

Англичане попытались взять под контроль вооруженные силы греческих повстанцев. Генералиссимусом греческой армии был назначен англичанин генерал Ричард Черч, а командующим флотом – англичанин адмирал Томас Кохрейн. Особых успехов на суше Черч не добился. А вот Кохрейн попытался создать регулярный флот и распустил все каперские суда.

Естественно, что греческие корсары не желали превращаться в мирных купцов, да и в условиях войны это было сделать трудно. Как писал Гервинус: «Отчаянные головорезы, вполне освоившиеся с ветром и непогодой, презиравшие дружбу людей и потерявшие надежду на их сожаление, овладевали каким-нибудь небольшим судном и на нем разъезжали по морю и грабили друга и недруга на всех берегах, или, притаившись в маленькой скалистой бухте, бросались оттуда на купеческий корабль, стоявший вследствие затишья без движения. Греки собственными силами не решались бороться с этими разбойниками и предпочитали лучше молча переносить неприятности от своих же братьев, чем призывать против них турецкое начальство, которое, оказав грекам временную помощь, только навлекло бы на них со стороны пиратов жестокую месть»⁸⁰.

Командование союзным флотом договорилось начать решительную борьбу с греческими пиратами. Адмирал де Риньи составил Декларацию, подписанную русским и британским адмиралами 12 (24) октября 1827 г. В Декларации говорилось: «Тогда как союзники проливают

⁷⁹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 64.

⁸⁰ Гервинус Г. История девятнадцатого века от времени Венского конгресса. СПб., 1888. Т. II. С. 66–67.

кровь храбрых воинов своих, истребляя и поражая магоменят, тогда греческие суда, вместо того чтобы стремиться на помощь к местам, угрожаям опасностью, они как совершенные разбойники расселись в отдаленных водах, чтобы брать и грабить суда, принадлежащие нейтральным нациям». Командующие эскадрами осудили «законодательный греческий комитет», с чьими патентами «греческие корсары продолжают производить грабежи», а призовая комиссия – «единственное судилище, установленное греческим правительством, старается придать грабежам сим законный вид». Адмиралы объявили, что комиссия эта не имеет права «судить без их согласия ни одного купеческого судна», и запретили крейсерские действия греческого флота далее фактического района его военных действий против турок и египтян, то есть «от Воло до Лепанта, включая Саломину, Егину, Гидру (Идру) и Специю». А все военные суда греков, пересекшие эту линию, будут преследоваться. В случае же явного нарушения данной Декларации греческий флот буден уничтожен «подобно турецко-египетскому».

Также Декларацией запрещалось «распространять восстание» на «турецкой» территории, то есть в Албании и на острове Хиос.

Борьба с греческими корсарами имела смысл только для Англии и Франции. Во-первых, серьезно страдали купеческие суда под их флагами, а во-вторых, правительства этих стран не желали полного поражения Турции.

А вот России воевать с корсарами не было никакого резона. Русских купеческих судов в начале 1828 г. в Восточном Средиземноморье не было, не считая греческих под русским флагом. Разгром же Турции был в интересах России.

Царь тянул с разрывом с Оттоманской империей из-за войны с Персией. Но 10 февраля 1828 г. Персия была вынуждена подписать Туркманчайский трактат о мире. Теперь у России были развязаны руки, и 14 апреля 1828 г. Николай I опубликовал манифест о войне с Турцией.

5 апреля 1828 г. эскадра Гейдена покинула Мальту и отправилась к берегам Греции. Оставаться в главной базе англичан на Средиземном море после начала войны с Турцией было нежелательно и даже опасно.

По соглашению с греческим правительством Гейден выбрал базу русского флота на острове Порос (Поро). Окончательно Гейден убедился в правильности выбора Пороса 17 мая, когда туда корвет «Гремящий» привез из Анконы депешу министра иностранных дел Нессельроде от 21 марта 1828 г., в которой прямо говорилось, что в предстоящей войне с Турцией России «быть может, придется иметь дело с коалиций».

Тем не менее, пока англичане и французы формально были союзниками по проведению полицейской операции по сдерживанию турок в Греции. Не мудрствуя лукаво, Гейден пока решил ограничиться блокадой полуострова Пелопоннес, где еще в некоторых местах держались турецкие гарнизоны. Французский блокадный отряд включал в себя 1–2 корабля, 2–3 фрегата и 3–5 малых судов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.